

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский федеральный университет»**

На правах рукописи

Ростовцева Марина Викторовна

**ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В
ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ**

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:

Доктор философских наук, профессор
Кудашов Вячеслав Иванович

Красноярск
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ	23
1.1 Теоретические основания исследований адаптации.....	23
1.2 Деятельностная природа социальной адаптации в процессе становления и развития личности: методологические векторы исследования.....	53
1.3 Понятие социальной дезадаптации и проблемы ее исследования.....	87
ГЛАВА 2 ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ»	125
2.1 Временные этапы адаптивного цикла.....	125
2.2 Адаптивность и начальный этап адаптации: определение и основные критерии	146
2.3 Специфика адаптивных стратегий поведения личности в становления и развития личности	179
ГЛАВА 3 ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	203
3.1 Роль адаптации в процессе социализации личности: информационный аспект.....	203
3.2 Социокультурные аспекты адаптации и социализации.....	227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	260
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	275

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность избранной темы. Современный этап развития нашего общества характеризуется наличием ряда факторов, которые обуславливают необходимость философского осмысления и понимания проблем социальной адаптации.

Первый фактор связан с процессами социальной жизни, взятыми в глобальном масштабе. В самом общем виде можно обозначить эти процессы как формирование общества инновационного типа, при котором темпы и характер трансформаций таковы, что практически исключают возможность, как их осознания большей частью населения, так и прогнозирование их результатов. Речь идет о масштабных изменениях в сферах технологий и рынка, которые вступают в противоречие с социальной сферой, что обусловлено: асинхронностью протекания изменений в этих сферах, запаздыванием адекватной ответной реакции со стороны социума в ответ на техно-информационные вызовы, что подрывает общественную устойчивость и стабильность. Происходит размывание границ между порядком и хаосом, теряется цель, смысл и структура социальной системы как таковой. Объективные изменения не успевают найти свое отражение в сознании людей. В этих условиях социальная адаптация личности выступает как попытка не столько принорочиться, сколько контролировать быстро развивающуюся, сложную и хаотичную социальную систему - общество, для того, чтобы найти свое место в ней. Поиск устойчивости в постоянно меняющемся мире – фактор, который делает тему социальной адаптации актуальной всегда.

Второй фактор определяется спецификой современной ситуацией в России, резкими постоянными сменами приоритетов и ценностей, регулирующих социальные взаимоотношения, и активной интеграцией России в мировое сообщество в условиях глобализации. С одной стороны, наблюдаются позитивные перемены, связанные с раскрепощением общественного сознания, расширением

многообразие отношений человека с миром, с другой, назрело множество проблем, вызванных ценностной дезориентацией и когнитивным диссонансом в духовной жизни россиян. Поиск ценностных идеалов сведен к личностным экспериментам при максимальных возможностях использования различных концепций, учений, религий, причем в большинстве случаев это происходит с позиций акцентированного глобализма. В данных обстоятельствах процессы духовного становления и социальной адаптации в обществе практически становятся тождественны друг другу, поскольку в их основу ложится целенаправленный или непреднамеренный поиск и выбор ценностного императива, лежащего в основе способов действия, соответствующих меняющимся условиям среды.

В-третьих, социальная адаптация актуальна как специфическая стратегия, как метод, который человек использует для преодоления «зоны отчуждения» между ним и социумом на каждом этапе социализации личности. В настоящее время в России остро ощущается дефицит позитивного влияния всех институтов социализации – образования, семьи, средств массовой информации, результатом чего является возникновение постоянных противоречий между «миром» общества и «миром» личности. Это видно из фактов, демонстрирующих прогресс явлений дезадаптации: росте преступности, безработицы, в более сильном, чем обычно, разногласии между поколениями, культурной разбросанности, массовой потерянности, психологической напряженности и тревожности у людей. Каждый процесс преодоления человеком таких противоречий можно рассматривать как процесс социальной адаптации. Ее миссия в данном аспекте – воплотиться в механизме, способствующем успешной социализации человека, иными словами, социальная адаптация должна помочь человеку в выборе такого варианта жизнедеятельности, при котором он найдет свое место в обществе и станет полноправным и полноценным его членом.

Четвертый фактор, который еще совсем недавно представлял скорее потенциальную, чем реальную опасность, но уже сегодня оформился во вполне

очевидную угрозу, связан с нарушением мирового баланса, дестабилизацией во всех сферах межгосударственных отношений и мировым кризисом. Как ни парадоксально, но, возможно, именно в XXI в. ученые-адаптологи вновь обратятся к проблемам биологической адаптации, к естественно-научным истокам дарвиновской адаптационной теории, где адаптационный процесс изучался с точки зрения приобретения организмами свойств, необходимых для того, чтобы не погибнуть в конкретных условиях существования. Современные глобальные проблемы напрямую связаны с формированием стратегии выживания человека и человечества в изменяющихся социальных (и природных) условиях. Риски массовой гибели и тотального уничтожения всего живого поднимают проблемы формирования необходимых новообразований, качеств, свойств, которые бы позволяли современному человеку оставаться физически и психически здоровым, а значит выживать в эпоху войн, революций, террора, природных катастроф.

Наконец, нельзя обойти вниманием пятый фактор, связанный с миграционными процессами, как в мировом, так и российском масштабе. Постоянная перетасовка и перестановка различных звеньев мировой этнокультурной мозаики приводит к идеологическим, нравственным, политическим, социальным, религиозным и иным столкновениям. Все эти процессы требуют целенаправленного научного исследования и философского осмысления, в том числе в направлении разработки социо-культурной адаптационной теории, задача которой сводится к нахождению общих точек соприкосновения различных культур.

Все эти факторы, взятые как в целом, так и по отдельности, требуют глубокого социально-философского анализа, результаты которого могут, с одной стороны, находить новые способы и средства адаптации на современном этапе развития общества, с другой стороны – решать проблему управления социальной адаптацией в конкретных условиях жизнедеятельности личности и общества.

Степень разработанности проблемы:

Рассматривая имеющийся массив научной литературы по проблеме социальной адаптации, можно заметить, что нет специальной философской традиции ее анализа. В то же время, в конструировании теоретико-методологических оснований исследования данного феномена использовался материал учений ранних греческих философов – Фалеса, Анаксимандра, Гераклита, Парменида. В эпоху античности понятие адаптации рассматривалось сквозь призму понятий «меры», «пропорции», «гармонии», которые соответствовали современному понятию «гомеостаз», являющегося центральным в определении адаптации. Точно также в философии средневековья проблема социальной адаптации могла трактоваться только в жестких рамках религиозности, когда Бог считался «мерой всех вещей». Религия в этом аспекте выступала мощным неосознанным механизмом адаптации человека того времени.

Следует отметить, что во все времена решение многих сложных философских вопросов и проблем опиралось на эмпирический материал, полученный в естественно-научных областях знания: биологии, медицины, физиологии и т.п. В связи с этим особенностью выстраивания философской логики и методологии настоящего исследования является использование теоретических и эмпирических данных указанных наук. Поэтому, если говорить о ключевой точке развития теории адаптации, то она берет начало в учениях Ж. Б. Ламарка и Ч. Дарвина (конец XVIII – начало XIX вв.). Именно в эволюционной теории Дарвина термин адаптация звучал конкретно как процесс, и как результат приобретения живыми организмами свойств, необходимых для выживания в конкретных условиях их существования. Исследования К. Бернара (1878 г), И. П. Павлова и др. на протяжении длительного времени отражали понимание процесса адаптации как неотъемлемого и необходимого компонента эволюции.

Новый взгляд на адаптацию появляется с развитием таких отраслей научного знания, как генетика, экология, антропология и т.п. Исследования П. К.

Анохина, Р. М. Баевского, Ф. З. Меерсона, В. П. Казначеева, А. Ж. Юрковца и других отечественных ученых привели к пониманию биологической адаптации как процесса приспособления строения, функций организмов и их органов к изменяющимся условиям внешней среды.

В зарубежной науке, параллельно с данными исследованиями, появляются разработки Г. Селье, где адаптационный процесс был исследован структурно, а также определены «пороги», критерии адаптации. Практически одновременно с Г. Селье и в то же время независимо от него Т. Парсонс начинает разрабатывать структурно-функциональный подход в социологии, который впоследствии станет одним из ведущих подходов к социальной адаптации человека. Структурно-функциональный анализ фактически сливает адаптацию со стабильным существованием и развитием общества, главным условием которого является соответствие социальных ролей, которые человек выполняет с регулятивными нормами, общественными ценностями и требованиями окружающей среды.

Если говорить о собственно философских исследованиях, то до 80-х гг. XX в. можно лишь весьма условно говорить об особом интересе философов к феномену адаптации, который в различных работах того времени проявлялся в основном как придаток понятий «личность», «общество», «социализация», «общественные отношения» и т.д. Предтечей возникновения философской теории может служить трансформация традиционного биологического подхода, которая начинается с 70 г. XX в. Здесь можно отметить выдающиеся разработки В. П. Казначеева, которые связаны с исследованием адаптации человека к различным климатогеографическим и производственным условиям. В. Ю. Верещагин, Г. И. Царегородцев, Н. А. Агаджанян и др. проводили исследования, итоги которых воплотились в понимании социальной адаптации как процесса активного приспособления индивида или группы к изменившейся среде с помощью различных социальных средств.

На сегодняшний день массив имеющейся литературы по проблеме адаптации можно дифференцировать по самым разным основаниям.

Первое связано со стремлением понять онтологическую сущность адаптационного процесса: 1) исследование природы и механизмов социальной адаптации (Урманцев Ю. А., Царегородцев Г. И. и др.); 2) исследование конкретных стратегий социальной адаптации как процесса, и ее критериев как результата определенной активности (Воеводин И. В., Разумовский О. С., Реан А. А.); 3) поиск общего и особенного у процессов социальной адаптации и социализации личности (Рубчевский К. В., Милославова И. А., Богомолов И. П., Зуева М. Л. и т.д.).

Вторая тенденция связана с поиском методологических принципов и подходов к изучению социальной адаптации. В зависимости от исследовательских задач и научных интересов разных авторов можно выделить несколько таких классификаций. Наиболее общая из них соотносит исследования адаптации с естественно-научным (Ч. Дарвин, Г. И. Царегородцев), психологическим (В. Ф. Березин, Р. С. Немов, А. В. Петровский) и философским подходом (Н.А. Агаджанян, Р. Акофф, И. В. Крайнюченко, О. С. Разумовский, Ю. А. Урманцев, Ф. Эмерли, М.В. Ромм).

Среди отечественных философских работ по социальной адаптации значимыми являются исследования М. В. Ромма, который системно описал закономерности, приемы, способы адаптации личности в социуме, а также предложил новый методологический подход к ее изучению. Не менее значимой философской работой по адаптации является коллективная монография «Философские проблемы теории адаптации» под редакцией Г. И. Царегородцева. Труд посвящен эволюционно-генетическому, экологическому, медико-биологическому, социальному, культурологическому, психологическому аспектам адаптации.

Проблема ко-адаптации и связи адаптационного процесса с эволюционным развитием поднимается в философских работах Н. Н. Моисеева, В. П. Казначеева. Отечественный философ Ю. А. Урманцев критикует традиционные определения адаптации, которые тавтологичны и являются лишь переводом термина с латыни

и подходит к исследованию адаптационного процесса с точки зрения системного подхода.

В зарубежной литературе проблема адаптации и отдельные ее аспекты исследуется С. Лэем, Дж. Эдвардсом, Г. Уайтом. Х. Хензеллом и др. Учеными анализируются копинг-стратегии поведения, адаптационные личностные ресурсы и возможности адаптации человека, находящегося в «пограничном», критическом, стрессовом состоянии.

К. Уолд и А. Кеннеди изучают особенности кросс-культурной и этнической адаптации и являются разработчиками методики по изучению социокультурной адаптации; А. Фернхем и С. Бочнер исследуют проблемы адаптации иностранных студентов; Д. Б. Мамфорд – последствия «культурного шока» и т.д.

Отдельную когорту зарубежных исследований представляют собой работы, посвященные теории «адаптационизма», которая представлена в работах С. Дж. Гулда, Р. Ч. Левонтина, Дж. К. Уильямса. Понятие адаптационизма интерпретируется авторами в виде описания двух этапов адаптационной программы: подразделения организмов на признаки и их интерпретация как оптимальных адаптаций.

Труды по адаптации можно дифференцировать в зависимости от выбранной научной школы: бихевиористской (Э. Ч. Толмен, Б. Ф. Скиннер, А. Бандура, Р. Уолтерс); психоаналитической (Л. Беркович, Э. Эриксон, Э. Фромм, гуманистической (А. Маслоу, К. Роджерс), когнитивной (Л. Фестингер, Д. Карлсмит) и т.п. На сегодняшний день наиболее популярными остаются бихевиористский (Р. Шварцер, М. Ерусалем, А.А. Налчаджян) и экзистенциальный подход (традиционно в симбиозе с психоаналитическим), представителями которых являются Э. Фромм, К. Ясперс, а также отечественные ученые, отстаивающие приоритет личностного начала в социальной жизни (К. А. Абульханова-Славская, Л. В. Куликов, А. А. Деркач).

Более современная классификация предусматривает выделение следующих подходов к адаптации: нормативный (Т. Парсонс, В. И. Загвязинский, Р.

Атаханов), интерпретативный (Б. Бернстайн, Т. Лукман,) и нормативно-интерпретативный - бифокальный (М. В. Ромм) подходы.

Существует множество разрозненных частных исследований адаптации в зависимости от задач, решаемых разными авторами. Здесь также можно выделить несколько направлений:

- проблемы адаптации людей, относящихся к группам риска: мигранты, учащиеся, военнослужащие, лица, освобожденные из мест заключения, пенсионеры и т.п. (Д. Н. Завалишина, Л. Ф. Вязникова, О. Н. Чернышова и т.д.)

- исследование личностного адаптационного потенциала (С. Мадди, А. Г. Маклаков, Д. А. Леонтьев, Т. В. Кудрявцев и др.)

- изучение адаптивных стилей и стратегий поведения (Е. В. Змановская, Л. Р. Сайфутдинова) и т.п.

Наконец, отдельную когорту современных исследований составляют диссертации, посвященные проблемам адаптации в современном социокультурном контексте. В работе Н. Д. Тищенко дается сравнительный анализ естественной и социальной адаптации; В. Ю. Бирюков рассматривает механизмы социокультурной адаптации религиозных сообществ; И. Б. Олехнович изучает феномен зависимой личности и ее адаптацию в современном российском обществе.

Резюмируя степень разработанности проблемы адаптации, можно отметить, что все исследования, так или иначе, тяготеют к одной из двух тенденций. Первая подразумевает изучение статико-теоретического аспекта этого процесса: адаптация как приспособление к любым изменениям, вторая – его динамического аспекта: адаптация как творчество, преобразование.

Таким образом, проблема социальной адаптации имеет достаточно разветвленную и глубокую траекторию исследования. Основательно изучены содержательные и формальные аспекты данной проблемы, включая историческую составляющую, категориальную детализацию; структуру, детерминации и

взаимосвязи с другими явлениями; формы и механизмы социальной адаптации; место и роль этого процесса в социальной действительности и т.п.

Вместе с тем, можно отметить, что в рамках существующей традиции по-прежнему отсутствует целостное социально-философское осмысление данного процесса, отсутствует единая методология его изучения, тогда как проблематика социальной адаптации имеет эмпирическую значимость с точки зрения осмысления способов и механизмов адаптации и управления ей в конкретном событийно-социальном контексте.

Результаты многочисленных исследований в большинстве случаев имеют фрагментарную взаимосвязь с современными общественными реалиями. Недостаточно философски осмыслены содержание, структура и логика социального адаптационного процесса, его событийный (временной) аспект в контексте разрешения противоречий между личностью и социальной средой. Мало изучен процесс социальной дезадаптации, его взаимосвязь с социальной адаптацией. Достаточно разбросанно и противоречиво представлены критерии социальной адаптированности и условия успешной адаптации и социализации личности в социуме. Наконец, недостаточно четко отражены основные функции социальной адаптации, ее место и роль в процессе разрешения противоречий между личностью и социальной средой, а также в процессе социализации, которые заключаются в становлении и развитии человека как личности, как полноправного и востребованного члена социума, которому он принадлежит. Таким образом, мы сталкиваемся с противоречием между необходимостью в осмыслении сущности социальной адаптации и отсутствием философской методологии к ее изучению; между необходимостью в управлении этим процессом в конкретных условиях жизнедеятельности и ограниченностью существующих теоретических подходов для решения данной проблемы; между необходимостью решения задачи становления человека как востребованного члена общества и теоретической и практической разбросанностью в определении

механизмов, форм, средств, критериев социальной адаптации и социализации личности в современной социальной среде.

Именно поэтому представляется целесообразным разработать теоретико-методологические основания для социально-философского осмысления проблемы социальной адаптации в процессе разрешения противоречий между личностью и средой, показав при этом существующие взаимодействия с процессами становления и развития человека, что позволит не ограничиваться только фундаментальными теоретическими аспектами, а включить эмпирически фиксируемые проблемы адаптации личности в современном социуме.

Исходя из этого, в диссертации были определены объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объект исследования – социальная адаптация личности.

Предмет исследования – социальная адаптация в процессе становления и развития личности.

Цель исследования – разработать теоретико-методологический подход к изучению социальной адаптации в процессе становления и развития личности.

Задачи исследования:

1. Провести анализ существующих подходов к социальной адаптации и определить ее сущность в философском аспекте

2. Обосновать деятельностную природу социальной адаптации в процессе становления и развития личности и определить методологические направления ее исследования.

3. Дать философское определение процессу социальной дезадаптации личности, определить его критерии.

4. Исследовать логику развития процесса социальной адаптации, его временную специфику в процессе становления и развития личности.

5. Рассмотреть особенности начального, активационного этапа адаптивного цикла; сформулировать понятие социальной адаптивности, определить ее критерии.

6. Дать характеристику поискового (этап «настоящего») этапа в адаптивном цикле и обозначить основные адаптивные стратегии личности в процессе разрешения противоречий.

7. Показать специфику завершающего этапа адаптивного цикла на примере процесса социализации; уточнить основное противоречие социализации и показать роль социальной адаптации в его разрешении.

8. Рассмотреть особенности информационного аспекта социальной адаптации и социализации.

9. Раскрыть особенности социокультурного аспектов социализации и адаптации, показать их аксиологическую составляющую, выделить основные противоречия социальной адаптации учащейся молодежи и обозначить подходы к их решению.

Научная новизна исследования.

1. Проведен анализ существующих научных подходов к социальной адаптации, дано философское определение социальной адаптации.

2. Определена и систематизирована имеющаяся методология исследований социальной адаптации. Предложен новый методологический структурно-темпоральный подход к исследованию социальной адаптации

3. Проанализирован процесс социальной дезадаптации, определены его критерии, главный из которых проявляется как несоответствие внутренних движущих сил субъекта его собственным внутренним ожиданиям и объективным требованиям социальной среды.

4. Показана логика развития социальной адаптации, ее временная специфика в процессе становления и развития личности, и обосновано, что социальная адаптация выполняет функции организации и развития человека как субъекта общественных отношений.

5. Рассмотрены особенности активационного этапа (этапа прошлого) адаптивного цикла, связанного с актуализацией адаптивности – совокупности

личностных ресурсов, ответственных за успешность адаптации. Определены критерии адаптивности личности и адаптивности общества.

6. Дана характеристика поискового этапа в адаптивном цикле и обозначены основные адаптивные стратегии личности в процессе разрешения противоречий: пассивная и активная.

7. Показана специфика завершающего этапа («этапа будущего») адаптивного цикла на примере процесса социализации; уточнено основное противоречие социализации и показана роль социальной адаптации в его разрешении.

8. Рассмотрены особенности информационного аспекта социальной адаптации и социализации.

9. Раскрыты особенности социокультурного аспектов социализации и адаптации, предложен методологический подход к разрешению проблемы столкновения культур, показаны основные проблемы социальной адаптации учащейся молодежи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сущность социальной адаптации с философской позиции заключается в разрешении противоречий, возникающих в системе «личность-общество», главное из которых заключается в стремлении личности к относительной стабильности, с одной стороны, и непрерывному движению (личностному развитию) — с другой.

2. Анализ социальной адаптации целесообразно проводить, используя методологию деятельностного подхода. Темпорально-структурная составляющая адаптивного процесса формируется на основе того, что этот процесс представляет собой не линейное движение через различные этапы, а циклическое движение, осуществляемое по восходящей спирали в направлении развития человека как субъекта деятельности. В ходе социальной адаптации процесс разрешения личностью социального противоречия идет интервально, а каждый из этапов

соответствует фазам разрешения противоречия и фазам становления личности в прошлом, настоящем и будущем.

3. Процессы социальной адаптации и дезадаптации представляют собой не диалектическое единство, а два варианта жизненных траекторий личности. Первый путь соответствует объективно благоприятному ходу жизни и эффективной временной организации активности личности, когда возникает сбалансированность внутренних движущих сил человека и объективных требований социальной среды. Это обеспечивает относительную равномерность жизненного движения, предполагающую циклическое, поступательное развитие на основе стремления преодолевать возникающие трудности и противоречия. Второй путь - процесс социальной дезадаптации, характеризуется тем, что внутренняя движущая активность личности не соответствует или способностям, внутренним ресурсам человека, или требованиям социальной среды. При социальной дезадаптации неизбежно противоречивое отношение человека к социальной средой, но такие противоречия деструктивны и не ведут к личностному росту.

4. Темпоральные этапы адаптивного цикла имеют свою специфику, связанную с основными фазами развертывания и разрешения противоречия. Этап прошлого соответствует актуализации личностных ресурсов для разрешения возникшего противоречия (фаза «тождества»). Этап настоящего предполагает выбор личностью адаптивных стратегий поведения (фаза «различий»), этап будущего – это исход адаптации, определяемый объективными требованиями социальной среды и ожиданиями личности относительно разрешения социального противоречия (фаза «основание»). Итог разрешения противоречия – приобретение личностью нового качества, что является основой ее становления и развития.

5. «Прошлое» в адаптивном цикле – это совокупность личностных особенностей (социальная адаптивность), необходимых и достаточных для разрешения возникшего противоречия. Это начальный этап адаптации (фаза «тождества»), когда происходит рефлексия и оценка возможностей для

разрешения противоречия. Критериями социальной адаптивности являются: **когнитивный** (способность интеллекта конструировать информационные модели решений проблемных ситуаций); **аксио-культурный** (способность усваивать нормы и ценности данной социальной среды); **коммуникативный** (способность построить отношения, достигнуть взаимопонимания с другими людьми, социальными группами); **поведенческий** (направленность на активное преодоление трудностей, готовность к соответствующим видам деятельности в условиях самовыражения и самореализации творческих способностей).

6. Настоящее в адаптационном цикле – это конкретный контекст бытия личности, событийный пласт, вовлекаемый в сферу ее актуальной деятельности, реализующейся в виде выбора стратегии разрешения возникшего противоречия (фаза «различий»). Настоящее соответствует поисковому этапу адаптации, где происходит превращение имеющихся личностных возможностей для разрешения противоречия в действительность, что осуществляется через дихотомические формы основных стратегий адаптации: активности (инновации) и пассивности (репродукции)

7. Будущее в адаптационном процессе является составляющей результативного этапа адаптационного цикла (фаза «основание» - снятие противоречия). Результат адаптации отражается в адаптированности и воплощается в определенном уровне социализации человека, в его развитии и самостановлении как личности, в различных формах его ухода из общества, в конкретных модификациях присущего ему соотношения субъективного и объективного. На каждом этапе адаптивного цикла изменяются и перераспределяются «субъективность» и «объективность» как два аспекта адаптации человека, но на завершающей стадии они могут воплотиться в такой интеграции, при которой личность будет выступать как субъект общественной деятельности, «дистанцированный» от общества только ему присущим способом, и реализующий себя в соответствии со своими возможностями. Это «идеальный»

вариант завершения адаптивного цикла, сопровождающийся личностным ростом, становлением и чувством самоудовлетворенности.

Основная проблема социализации заключается в противоречии между усвоением человеком социального опыта и его преобразованием, расширением его границ. В этом отношении социальная адаптация выступает как метод, с помощью которого человек разрешает противоречие, с одной стороны, приобретая навыки и качества, необходимые для его успешного становления в социуме; с другой, – утверждаясь как уникальная личность, как субъект общения и деятельности.

8. Процессы информатизации и компьютеризации деформируют традиционные формы и каналы социальной адаптации и социализации, с одной стороны, расширяя возможности личности в освоении социальной действительности; с другой – формируют перекосы в становлении и развитии человека, нарушают механизмы адаптации через его «погружение» в «виртуальную среду» и отрыв от реальности.

9. Основными барьерами социокультурной адаптации и социализации являются мировоззренческие, идеологические, нравственные столкновения норм различных культур и неспособность выстроить диалог так, чтобы в процессе взаимодействия выработать новую норму (интолерантность).

Практический аспект решения проблемы информационных и социокультурных противоречий лежит в области применения структурно-темпорального подхода. Для этого необходимо изучение основополагающих личностных характеристик (когнитивных, аксиокультурных, коммуникативных, деятельностных) на каждом этапе адаптивного цикла (настоящее, прошлое, будущее) субъекта, с тем, чтобы понимать особенности протекания каждого этапа, а значит «точно» воздействовать на проблемные зоны, выстраивать индивидуальную траекторию адаптации, осуществлять профилактику и коррекцию дезадаптации.

Методология и методы исследования являются фундаментальные принципы диалектики, а также комплекс ключевых методологических подходов,

центральным из которых является деятельностный подход и его аспекты: системный, информационный, культурологический, аксиологический. Деятельностный подход использован в симбиозе с теорией экзистенциального анализа и гуманистической парадигмы (К. Ясперс, Э. Фромм), где экзистенциальное бытие человека предстает в субъективных интерпретациях и различных формах и принципах конституирования мира, которым подчинена практическая деятельность человека.

Анализ исследований по проблеме социальной адаптации, в том числе на протяжении всего исторического развития адаптационной теории, потребовал их теоретического и методологического синтеза для соотнесения с задачами данного исследования и социальной философии как научной отрасли в целом. Поскольку проблема социальной адаптации не является отдельным самостоятельным вопросом философии, постольку для ее философской концептуализации были привлечены данные смежных наук: психологии, педагогики, социологии. Теоретическое основание диссертации сложилось из идей, концепций и теорий философов, психологов, культурологов, педагогов, занимающихся адаптационной проблематикой. Работы Ч. Дарвина, П. К. Анохина, Р. М. Баевского заложили основу естественно-научного направления в исследовании адаптации; труды А. А. Реана, В. Ф. Березина оказали влияние на понимание сущности психологической составляющей социальной адаптации: работы Г. И. Царегородцева, Ю. А. Урманцева, М. В. Ромма, легли в основание философского понимания процесса адаптации.

Непосредственное обращение к исследованию социальной адаптации сквозь призму становления человека как личности и как субъекта деятельности потребовало опоры на теорию К. Маркса, а ключевую роль при описании данного принципа сыграли взгляды Э. Фромма, рассматривающего «всестороннее развитие личности человека как высшую цель жизни»; К. А. Абульхановой-Славской, которая описывает проблему социальной адаптации в масштабе жизненной стратегии и жизненной позиции личности.

В рамках деятельностного был предложен новый подход к исследованию социальной адаптации – структурно темпоральный, который позволил рассмотреть сущность и содержание этапов социальной адаптации, отражающих динамику развития и становления человека в процессе разрешения противоречия. Показана взаимосвязь модусов времени (прошлого, настоящего и будущего) с соответствующими этапами адаптивного цикла, что привело к обращению к теории «становления» времени М. Хайдеггера.

Структурно-темпоральный подход разрабатывался, в том числе, на основе концепций социализации личности, где развивается субъект-объектный подход, и рассматривается становление и развитие человека как субъекта деятельности, общения, самосознания (В. Т. Лисовский, В. А. Петровский, К. В. Рубчевский).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в формировании социально-философского определения и представления о социальной адаптации; в разработке нового структурно-темпорального методологического подхода к ее исследованию, что существенно расширяет теоретико-методологические представления о социальной адаптации. Выводы исследования могут служить основой для разработки теории адаптации в системе образования в следующих аспектах: раскрытие методологических и практических основ внесет существенный вклад в разработку механизма управления адаптацией; уточнение структуры адаптационного процесса в системе образования будет способствовать совершенствованию теории адаптивной педагогической системы; выявление основных адаптационных противоречий будет стимулировать развитие концепций профессионального адаптивного образования. Выдвинутые теоретические положения, касающиеся содержания и структуры социального адаптационного процесса могут быть использованы при изучении различных аспектов социальных проблем современного российского общества. Во-первых, это касается проблем миграции и этно-культурных аспектов адаптации и социализации как важнейших вопросов современности. Автором были

представлены теоретические и практические исследования формирования толерантности, как одного из механизмов адаптации, что может способствовать профилактике ксенофобии в условиях многонационального региона Сибири и других регионов России.

Во-вторых, результаты исследования могут служить основой для разработки социальными службами Красноярска и края программ коррекции и реабилитации социально-незащищенных и социально-уязвимых категорий граждан (инвалидов; лиц, прибывших из мест заключения; пожилых; особых категорий семей и т.п.). В работе рассматривались вопросы дезадаптации, выделены факторы и критерии дезадаптивного поведения, что может быть использовано социальными работниками правоохранительных органов, сотрудниками отделов по делам несовершеннолетних, работниками и педагогами коррекционных учебных заведений и другими службами, занимающимися вопросами девиаций и противоправного поведения.

В-третьих, итоги диссертационной работы могут широко использоваться в учебных заведениях разного типа социальными и психологическими работниками как основа для разработки прикладных профилактических и коррекционных программ сопровождения процесса адаптации школьников и студентов. Вывод о том, что социальная адаптация является методом социализации личности, представляет значимость для решения прикладных задач обучения и воспитания в средних школах и вузах, а также в качестве целенаправленно формируемого механизма управления траекториями развития и становления индивида как личности. Кроме того, выводы работы могут быть использованы как дополнительный теоретический материал в программе общеобразовательных дисциплин (история, обществознание), а также использованы для разработки и чтения спецкурса, посвященного адаптационной проблематике в рамках вузовских дисциплин: философии, психологии, социологии и других.

Выделенные и конкретизированные противоречия информатизации современного общества, и предложенное направление их решения может

использовано в качестве теоретической основы для управления качеством и безопасностью в сфере информационных технологий; в экономике информатизации для оценки эффективности применения ИТ.

Выявленные критерии и условия адаптированности, предложенные направления исследования ментальных характеристик субъекта адаптации на каждом этапе адаптивного цикла могут быть использованы в практике психолого-педагогических служб города и края, в молодежных и общественных организациях, в работе центров образования, служб занятости.

В качестве дополнительных курсов повышения квалификации результаты работы могут быть интересны педагогическим кадрам и сотрудникам органов управления системы образования, для представителей национальных автономий, управленческих кадров различного уровня институтов власти, для научных работников, магистрантов и аспирантов.

Степень достоверности выводов предлагаемой работы обеспечивается обращением к широкому кругу социальных явлений, использованием значительного набора научных источников: монографий, диссертаций, статей и применением адекватных методов познания и исследования.

Апробация результатов исследования:

Основные положения работы изложены в 44 публикациях, среди которых 3 монографии, 19 публикаций в журналах из Перечня российских рецензируемых научных изданий ВАК.

Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры социальных технологий Института педагогики, психологии и социологии, на кафедре философии и Ученом совете Гуманитарного института СФУ, а также отражены в докладах на следующих научных конференциях: «Совершенствование систем управления качеством подготовки специалистов» (Красноярск, 2004 – 2015 гг.), «Достижения науки и техники – развитию Сибирских регионов» (Красноярск, 2013), «Новые образовательные технологии в вузе» (Екатеринбург, 2014), «Молодежь и наука: начало XXI века» (Красноярск, 2007, 2009, 2011, 2012, 2015),

«Формирование готовности учащихся к профессиональной деятельности в системе «школа-вуз» (Красноярск, 2011); «Современное общество и социальное управление: актуальные вопросы» (Красноярск, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015); «Формирование человеческого капитала ресурсами системы образования» (Красноярск, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016). Основные положения диссертации апробированы в научно-исследовательском проекте «Исследование адаптационного потенциала студентов СФУ» (2011), международном проекте TEMPUS ALLMEET (2013-2016 гг.), в исследованиях, проводимых при финансовой поддержке РГНФ в рамках поддержанного ГРАНТа по теме «Разработка научно-образовательного комплекса Красноярского края (2016-2018 гг.)»

Структура диссертации: Работа состоит введения, трех глав, включающих 8 параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

1.1 Теоретические основания исследований адаптации

В параграфе показана история и генезис возникновения понятия адаптации, которое зародилось в русле естественно-научного и психологического подходов.

Ретроспективный анализ процесса социальной адаптации показывает, что истоки его появления обнаруживают себя в таких отраслях человеческих знаний как биология, физиология, медицина; позднее интерес к этому процессу становится ярко выраженным в педагогике и психологии. Если говорить о философской традиции в изучении адаптации, то трудно вычленить какой-то исторический период, где исследованию этого феномена уделялось бы пристальное внимание. До 80-х гг. XX в. можно лишь весьма условно говорить о научном интересе философов к процессу адаптации, а в различных философских работах как весьма отдаленного, так и недавнего прошлого, он воплощен в придатке наиболее разрабатываемых понятий: личность, общество, социализация, общественные отношения, самоопределение и т. д. [254; 304; 305].

При соответствующей научно-исследовательской установке на поиск того «первоисточка», который породил интерес к социальной адаптации, его можно обнаружить между строк учений раннегреческих философов – Фалеса, Анаксимандра, Гераклита, Парменида (как проблема космической гармонии, которой должна соответствовать и гармония человеческой жизни), Сократа (проповедовавшего объективность и общеобязательность гносеологических и этических норм как символа устойчивости космического порядка и самого человека), Платона («eidos» как символ совершенства и понятие о разуме-демиурге как о факторе меры и порядка), Аристотеля (этические идеи о

нахождении «меры» собственной жизни) и т.п. Однако, не смотря на кажущуюся условную привязанность адаптации к идеям древнегреческих философов, в них можно почерпнуть немаловажные, на наш взгляд, положения. Они касаются, во-первых, суждений о единстве природы и человека, а точнее, их природном соединстве, которое служило обоснование норм человеческой жизни, положения человека в мире, путей достижения человеком личностной гармонии. Насколько далеки от нас по времени своих творений ученые той эпохи, настолько же близки их мысли нашему времени. Вряд ли Демокрит, живший в 460-370 до н.э., написав: «Должно знать, что жизнь человеческая и ничтожна и кратковременна, и что она сопряжена с многочисленными бедствиями и затруднениями, и потому нужно заботиться только об умеренном приобретении материальных средств...» [105], мог предполагать, что фактически описывает одну из глобальных проблем XXI века – техно-экологический кризис. Он же, в свою очередь, в большей степени связан с адаптирующей активностью человека («адаптация как удовлетворение материальных и духовных потребностей за счет природной среды»).

Во-вторых, «следы» феномена адаптации в античной философии обнаруживают себя сквозь призму понятий «меры», «пропорции», «гармонии», которые соответствует современному понятию «гомеостаз», являющегося центральным в определении адаптации. Приведем примеры особо показательных высказываний. Некоторые из них настолько своевременны и актуальны, что не нуждаются в каких-либо комментариях.

«Мера - это соответствие поведения человека его природным возможностям и способностям [105]. Емкое суждение, демонстрирующее один из критериев успешной личностной адаптации.

«Демиург, отделивши «круг тождества» от «круга различия» и приспособивши один к другому, создал тем самым гармонию... Когда же, таким образом, согласно предначертанию, образовался весь состав души, он вслед за тем создал внутри нее весь мир тел и соединил их с нею гармонически (prosermotten), приведши в соответствие центр каждого из них с ее центром» [50, с. 24]. Здесь

отражена идея единства физического развития человека с его духовными основаниями как условие успешной адаптации.

Еще одно платоновское суждение, которое, на наш взгляд отлично от первого тем, что скорее имеет отношение к биологической адаптации человека: «...Движения, представляющие (самое близкое) сродство с тем божественным началом, которое живет в нас, это есть мысли о вращении Вселенной. А потому каждый из нас должен сообразоваться (в своей деятельности) с этим принципом движения; и вращения (совершающиеся в нашей голове), поврежденные уже при самом своем происхождении, приводят в порядок изучением гармонии и вращения Вселенной...» [50, с. 89].

Пример достижения успешной социальной адаптации человека в обществе демонстрирует в своем трактате «О душе» Аристотель: «Добродетель – есть некая середина между противоположными страстями. Недаром человек, желающий быть уважаемым за свой нрав («ethos»), должен соблюдать середину во всяком движении чувств» [158, с 112].

Подобным эксплицитным методом идеи адаптации в трудах великих мыслителей прошлого можно находить до бесконечности. Это является следствием того, что сам этот процесс лежит в основе всей жизни нашего мироздания, связан практически со всеми формами активности и деятельности живого, являясь мощнейшим механизмом эволюции и развития. В эпоху Средневековья феномен адаптации обнаруживает себя в форме симбиоза религиозного и мирского. Трудно назвать еще эпоху, в которой бы столь отчетливо доминировала одна из форм общественного сознания и общественного поведения, определяющая всеобщий характер адаптации людей. В этой связи можно, пожалуй, отметить лишь период социализма в России, не уступающий по силе идеологии Средневековья. Вот цитата из сочинения П. Абеляра убедительно демонстрирующая сказанное. «Ведь у отдельных людей любовь к собственному роду и к тем, с кем они воспитываются, врождена до такой степени, что они с отвращением отворачиваются от всего, что как-либо свидетельствует против их

веры; и обращая привычку в природу, они упорно придерживаются в зрелом возрасте того, что восприняли в детстве как благочестивое, и прежде чем они в состоянии воспринять слова, они уже убеждены, что верят в это...» [1; 73].

Несмотря на господствующую принудительную (в большинстве индивидуальных случаях неосознанную), конформистскую стратегию адаптации, исключаящую своей объективной обязательностью саму возможность иного выбора (инакомыслящий и инакодействующий не мог быть полноправным членом общества, а потому осуждался и истреблялся как негодный), мыслители Средних веков оставили потрясающее наследие бесценной информации о механизмах и условиях успешной адаптации.

«Если же вы спросите, что такое мудрость..., то она — мера духа, т.е. то, чем дух держит себя в равновесии, чтобы не слишком расширяться и не сокращаться ниже полноты. А расширяется он в роскоши, в господствовании, в гордости и в прочем подобном, чем души людей неумеренных и несчастных думают снискать себе радости и могущества. Напротив, сокращается он в нечестности, страхе, печали, жадности и ином подобном, в чем и несчастные полагают людское несчастье. Но когда он созерцает обретенную истину, когда...держится ее, и, не волнуемый никакою тщетой, перестает обращаться к лживости статуй, груз которых ниспровергается силою Божией, тогда он не боится неумеренности, никакой скудости, никакого несчастья. Итак, всякий кто имеет свою меру, т. е. мудрость, блажен» [1]. На первый взгляд, обычная форма назидательной исповеди с точки зрения продвижения к Богу, а по сути исследуемой проблемы — современный когнитивный механизм адаптации человека.

Из сочинений Николая Кузанского: «Поскольку этому миру подобало быть прекрасным и его части не могли стать в точности подобными, но должны были быть разнообразными, чтобы безмерная красота совершеннее светилась в их разнообразии..., то творец порядка соблаговолил создать заодно такую упорядоченность, чтобы порядок, который есть сама абсолютная красота,

светился сразу во всем и высшее низших областей, гармонично соединяясь с низшим высших областей, со-устремлялось к единой красоте универсума, а все вместе, довольное своей ступенью внутри вселенского целого, наслаждалось миром и покоем, каких нет прекраснее [136]. Для сравнения скажем, что в 1988 г. Ф. Б. Березин – один из советских корифеев в изучении психической и психофизиологической адаптации человека, напишет, что «адаптация – динамический процесс, благодаря которому подвижные системы живых организмов, несмотря на изменчивость условий, поддерживают устойчивость, необходимую для существования, развития, продолжения рода» [37, с. 11].

Пяти вековой отрезок истории в высказывании практически сходных мыслей (в историческом времени меняются местами лишь субъекты и цели адаптации) приводит к выводу об универсальности феномена адаптации как некой целостности, универсальной сущности, представляющей собой качественную определенность, которая может сохраняться при всех происходящих изменениях качественного же характера. Однако подобное положение отнюдь не исключает возможности проводить анализ процесса адаптации дифференцировано, тем более, что далее речь пойдет о социальной адаптации человека, специфика которой касается уровня индивидуальной организации человеческого существования, в понимании которой мощный рывок сделала Эпоха Возрождения с ее гуманистически-антропологическими идеями.

У Д. Бруно понятию гармонии и меры соответствует благоразумие, в соответствие с которым человек выстраивает индивидуальные стратегии адаптации к окружающей среде: «...благоразумие в часе от провидения, и благоразумие здесь, в мире физическом, соответствует провидению там, в мире первообразов; оно дает смертным щит для разумной борьбы против напастей; оно учит нас возможно быстрым и лучшим предосторожностям там, где нам грозят и пугают нас большие утраты; оно приноравливает наши низшие силы, так что те, не изменяясь сами, приспособляют нашу душу и волю к вещам, временам и обстоятельствам. Благодаря ему для благорасположенных людей не бывает

никаких неожиданностей и внезапностей: ни в чем они не сомневаются, но всего ждут, ничто не находят подозрительным, но всего берегутся, помнят о прошлом, устраивают настоящее и предвидят будущее». [46, с. 334].

Безусловно, три великие исторические эпохи наложили свой отпечаток и подготовили соответствующую почву для появления в науке понятия «адаптация». Это видно через выстраивание разными учеными четкой ассоциативной связи любых приспособительных актов и процессов с действиями внутренних или внешних начал направленных на поддержание гомеостатического, гармоничного состояния необходимого для нормальной жизнедеятельности. К тому же, по нашему мнению, существовала и еще одна предпосылка: для познающих субъектов, исследующих качественно разнообразные фрагменты окружающей реальности, на первом месте неизбежно возникает необходимость рассматривать их в некой единой, интегративной системе координат. В науках о человеке это связано, на наш взгляд, с осуществлением попытки придать совершенно казалось бы непредсказуемым явлениям, имеющих отношение к человеческой природе, хоть какую-то конкретность и предсказуемость. В естественных науках это связано, прежде всего, с попыткой найти общие основания возникновения и развития всего живого. Видимо поэтому не случайно в числе первых понятие «адаптация» появляется в биологии.

Впервые оно было введено в научный оборот в конце XVIII – начале XIX вв. биологами и связано с появлением эволюционных учений Ж. Б. Ламарка и Ч. Дарвина.

Французский зоолог Ж. Б. Ламарк использовал понятие адаптации для объяснения возникновения отдельных видов живых существ и их эволюции. В этом отношении адаптация служила для ученого лишь инструментом, благодаря которому это можно было сделать. Адаптация определялась им как процесс любых изменений организмов, носящих приспособительный характер. Пример следующей цитаты из «Философии зоологии» демонстрирует, как Ж. Б. Ламарк

раскрывает механизм адаптации. «Всякая сколько-нибудь значительная перемена во внешних условиях любой породы животных, приобретая характер постоянства, вызывает действительное изменение в потребностях особей... Всякое изменение в потребностях требует новых действий для удовлетворения возникших потребностей и, следовательно, ведет к усвоению новых привычек... требует от животного или более частого употребления органа, которым оно раньше мало пользовалось...или употребления новых органов [148, с. 185-186].

Ученый концентрирует внимание на адаптации животных и растений, причем в центре его адаптационного анализа постоянно фигурируют три ключевых понятия: «изменения окружающей среды», «потребности», «способности» (отождествляемое с понятием «привычка»). Изменения окружающей среды для исследователя служат основным фактором появления у живых организмов новых потребностей, которые, в свою очередь, влекут развитие способностей как принципиально новых форм и средств организации поведения, приводящих к успешному приспособлению особи и ее выживанию в изменяющихся условиях. Потребности и способности у Ламарка вторичны по отношению к изменениям средовых факторов; процессы приспособления – лишь внутренние следствия этих изменений, что определяет их пассивный, не зависящий от особи, характер. Такая позиция уже много лет служит основой определения биологической адаптации живых организмов, в том числе и человека [148, с. 187-188].

Мнение Ламарка о том, что адаптация имманентно присуща всему живому, изменил Ч. Дарвин, открыв истинные факторы эволюции. Естественный отбор являлся, согласно ученому, главной движущей силой эволюционного развития, обуславливающим возникновение новых свойств-«адаптаций», которые обеспечивают выживание организмов в изменчивых условиях среды. Ч. Дарвин исследовал различные формы проявления этих свойств в процессе отбора и выделил следующие: 1) стабилизирующие – обеспечивают сохранение в неизменчивых условиях среды уже сформировавшиеся адаптации; 2) движущие

(ведущие), приводящие к выработке новых адаптаций; 3) дизруптивные (разрывающие), обуславливающие возникновение полиморфизма при разнонаправленных изменениях среды обитания. Приобретаемые живым организмом изменения и свойства в результате воздействия различных факторов окружающей среды Дарвин назвал адаптивными качествами. При этом он отмечал их относительный характер: приспособления, полезные в одних условиях, становятся бесполезными или даже вредными в других [79, с. 54].

По сути Ч. Дарвин заложил традицию понимать адаптацию и как процесс, и как результат приобретения живыми организмами свойств, необходимых для выживания в конкретных условиях их существования. Кроме того, дифференциация ученым адаптивных свойств, продемонстрировала сложную поликомпонентную структуру процесса адаптации, обуславливающую многоаспектность его изучения. Однако, занимая несколько иную исследовательскую позицию, Дарвин не развивал эту идею в своей теории, вследствие чего феномен адаптации еще в течение длительного времени изучался сравнительно однолинейно.

В рамках этой же традиции в 1878 году Клод Бернар свяжет адаптацию с понятием «внутренней среды», постоянство которой имеет ведущее значение для жизни организма [39, с. 30], а И. П. Павлов опишет условный рефлекс как реакцию адаптивного характера [194, С.11-16]. Эти и другие исследования на протяжении довольно длительного времени отражали понимание процесса адаптации как неотъемлемого и необходимого компонента эволюции – глобального приспособления живого к последовательно возникающим и все более усложняющимся средам обитания.

Не ставя специальной задачей подробно рассмотреть природу и генезис до социальной адаптации человека, нельзя не отметить тот исторический факт, благодаря которому значительно возрос интерес ученых к исследованию этого процесса. Речь идет о конце тридцатых годов двадцатого столетия, связанных с возникновением синтеза генетики, экологии, дарвинизма. Начало отечественных

исследований П. К. Анохина, В. Н. Мясищева, А. Д. Слонима, а также рост научного внимания к процессу адаптации за рубежом (исследования Г. Селье, В. Кеннона, Б. Голдстоуна) [223] привели к энциклопедически устойчивому пониманию биологической адаптации как процесса приспособления строения, функций организмов и их органов к изменяющимся условиям внешней среды. Однако исследователей и этого времени феномен адаптации интересовал лишь в той мере, в какой его изучение способствовало удовлетворению частно-исследовательской потребности ученых в понимании конкретных моментов адаптации, нежели ее общей сущности.

Однако именно с этого времени теория адаптации начинает приобретать структуру, вид и форму, каждый элемент которой связан друг с другом еще не четкой и до конца не ясной ассоциированной связью. Это отчетливо видно из появления довольно большого множества самостоятельных, объединенных лишь общей категориальной тематикой, исследований, проводимых учеными разных стран.

В этом отношении наиболее серьезное из открытий в области адаптации принадлежит Г. Селье [233, с. 219-223]. Более того, его концепцию по праву можно назвать той точкой отсчета, от которой начинается «попытка» глубокого осмысления адаптации как научного феномена (1938 г.). Слово «попытка» употреблено не случайно. Объясняется это тем, что, не смотря на исключительную важность открытия Селье, по сути осуществившего переворот в области адаптационной проблематики не только в физиологии, но и в психологии, педагогике, психотерапии и других науках, оно в тоже время послужило причиной возникновения «научных откликов» в виде множества неоднозначных и, зачастую, противоречивых, концепций и теорий. По сути, на наш взгляд, Г.Селье, введя в научный оборот понятие общего адаптационного синдрома, создал весьма удобный инструмент для интерпретации исследователями всевозможных неспецифических реакций организмов. Не случайно, видимо, и сегодня «стресс» и «адаптация»

претендуют на объяснение если не всех, то очень многих явлений в жизни человека.

Очевидную заслугу Г. Селье составляет описанный им стадийный цикл стресса, который впервые демонстрировал структуру процесса адаптации: начальная стадия – стадия тревоги; затем – «сопротивление», и завершающая стадия – «истощение». Это позволило исследователю рассмотреть процесс адаптации функционально – как ответ организма на неспецифические требования, которые предъявляются как внешней, так и внутренней средой [233, с. 230].

Но еще до того, как понятие «общего адаптационного синдрома» стало центральным в концепции стресса Г. Селье, ученый разработал понятия среднесрочной и краткосрочной адаптации, в основе которых лежит адаптационная энергия. Концепция адаптационной энергии позволяла описывать индивидуальные адаптационные различия как различия в распределении этой энергии по структурно-функциональной схеме системы адаптации (а также в количестве этой энергии). Сегодня некоторые из положений данной концепции воплощены в понятии «адаптационного потенциала», которое, с одной стороны, довольно эффективно используется многими психологами и педагогами при разработке профилактических и коррекционных направлений работы в индивидуальном порядке, с другой стороны – порождает такое же множество семантических спекуляций, как и само понятие адаптации.

Теория Г. Селье заложила основы формирования структурно-функционального подхода к процессу адаптации. В этой же связи отметим, что понятия «стресс» и «адаптация» находятся в пропорциональной зависимости, а не идентичны друг другу. Адаптация лежит в основе стресса, благоприятный или неблагоприятный исход которого зависит не только от личностных адаптационных ресурсов организма, но и от степени и силы воздействия раздражителя.

Практически одновременно с Г. Селье и в то же время независимо от него американец Т. Парсонс начинает разрабатывать структурно-функциональный

подход в социологии, который впоследствии станет одним из ведущих подходов к социальной адаптации человека [195, с. 123]. Субъектом адаптации у автора выступают как структуры (элементы) общества, так и само общество, которое адаптируется к изменениям окружающей среды. Механизм адаптации ученый описывает следующим образом: «...фундаментальный принцип организации витальных систем состоит в том, что их структуры дифференцируются в соответствии с различными требованиями, предъявляемыми им внешней средой. Так, биологические функции дыхания, пищеварения, движения и обработки информации являются основаниями дифференцированных систем органов, каждый из которых специализирован применительно к потребности тех или иных отношений между организмом и его окружающей средой. Мы используем этот принцип для построения нашего анализа социальных систем». На современном этапе развития науки Т. Парсонс и его теория подвергается достаточному жесткому остракизму и критике со стороны многих исследователей, занимающихся изучением проблем функционирования социальных систем.

С точки зрения интересующей нас проблемы и по нашему мнению, под адаптацией Т. Парсонс понимает функциональные формы взаимозависимости социальной системы и пяти основных сред ее функционирования: высшей реальности, культурной системы, системы личности, поведенческого организма и физико-органической среды. При таком акценте можно увидеть два основных смысловых значения адаптации. Во-первых, адаптация как функция и необходимое условие возникновения свойства самодостаточности общества. Самодостаточность же лежит в основе определения Парсонсом понятия общества как такового и, определяя адаптацию как условие самодостаточности, ученый отмечает, что: это свойство «...является функцией от сбалансированной комбинации механизмов контроля над отношениями общества с этими пятью средами, а также от степени его собственной внутренней интеграции» [196, с. 201-233].

Во-вторых, адаптация лежит в основе анализа Т. Парсонсом отношений системы общества к системе личности [196, с. 104]. При этом сам приспособительный процесс, согласно автору, является первичной функцией роли человека в социальной системе. «Это особенно ясно проявляется применительно к понятию услуги, поскольку способность выполнять значимые ролевые действия является наиболее общим адаптивным ресурсом любого общества, хотя он и должен быть скоординирован с культурными, органическими и физическими ресурсами».

Таким образом, в первом случае, структурно-функциональный анализ фактически сливает адаптацию со стабильным существованием и развитием общества, с его постоянным воспроизведением как системы, а во втором, пытается найти органико-культурные основания укорененности человека в социальной среде, соотнося социальные роли, которые он выполняет с регулятивными нормами и общественными ценностями.

Анализируя процесс адаптации с точки зрения структурно-функционального подхода, мы фактически говорим о **социальной** адаптации как о специфическом взаимодействии системы общества с личностью, касающегося развития и утверждения адекватной (соответствующей общественным нормам) мотивации участия человека в социально значимых и контролируемых образцах действия, подкрепляемой общественными системами поощрения и вознаграждения. Забегая вперед, следует отметить, что до сих пор данную тенденцию поддерживают большинство современных американских ученых, а сам структурно-функциональный подход лежит в основе многих концепций социализации человека.

Не заканчивая анализ этого подхода к адаптации, но, возможно совершив логический и хронологический казус, следует вернуться к некоторым важным аспектам, касающимся изучения биологической адаптации и наиболее выдающимся разработкам отечественных ученых в этой области.

После того как Г. Селье разработал и описал концепцию общего адаптационного синдрома, в мировой науке начинаются массовые исследования, посвященные изучению физиологических адаптивных свойств человека, являющихся основой его адаптационного потенциала. В отечественном развитии научной мысли, особенно в советский период, проблематика изучения адаптационного потенциала и психо-физиологических резервов организма занимала едва ли не центральное место в решении задач «развития советских людей». По всей видимости, советское правительство не видело в результатах этих исследований «угрозу подрыва» существующей идеологической системе, примером чему служат выдающиеся разработки Н. А. Агаджаняна, В. Ю. Верещагина, В. П. Казначеева, В. В. Никонова, Г. И. Царегородцева и др.

Теория адаптации в описываемое время развивалась в соответствии с установкой на «гармоничное развитие советских людей, сохранение и укрепление их здоровья». Подобная максима открывала широкие возможности для изучения учеными резервных функций и способностей организма, образа жизни и перспектив развития человека, не смотря на то, что забота о сохранении и укреплении здоровья человека носила завуалированный идеолого-политический характер.

Н. А. Агаджанян одним из первых советских ученых исследовал особенности физиологической адаптации с точки зрения социально-биологических свойств и особенностей человека. Автор пишет, что «адаптированность человека к новым природным и производственным условиям можно кратко охарактеризовать как совокупность социально-биологических свойств и особенностей, необходимых для устойчивого существования организма в конкретной экологической среде» [7, с. 56-80]. В связи с такой установкой все его исследования проходят сквозь призму изучения способов повышения резервных возможностей организма человека. Одной из причин снижения устойчивости организма к различным «возмущающим» факторам окружающей среды, согласно автору, является «снижение двигательной активности человека»,

обусловленной научно-техническим и производственным прогрессом. «К сожалению, по мере повышения жизненного уровня, особенно у городского жителя, уже с детских лет вырабатывается одна из вреднейших привычек – оградить себя от каждого лишнего движения...» [7, с. 81].

При ярко выраженном научном интересе Н. Агаджаняна к решению задачи повышения резервных возможностей отдельной личности, автор пишет свои работы по «заказу» и в струе идеологии советского государства и решения его универсальных задач.

Одна из наиболее значимых работ - «Адаптация и резервы организма», где автором подробно рассматриваются адаптивные возможности человека (физиологические и психологические).

Автор рассматривает процесс личностной адаптации и при этом не говорит практически об адаптации личности к социальной среде. Видимо все-таки это было связано с особенностями советской эпохи и СССР, как государства, необходимость адаптироваться к которому отсутствовала априори. В стране Советов «не было трудностей», все населяющие ее жители должны были быть довольны и счастливы, а потому сам процесс адаптации отрицался в принципе. Каждый новый житель страны «безболезненно» должен был становиться полноправным и полноценным ее гражданином.

К советскому обществу не было необходимости адаптироваться, в нем все было настолько идеально мифологизировано, логично и просто представлено, что являлось достаточно удобным для «мозгового пищеварения» советского человека (естественно, исключения были).

В контексте данных рассуждений нам представляется, что и главный труд автора ни что иное, как «заказ» государства на поиск качеств, свойств, скрытых возможностей человеческого организма, позволяющих советскому человеку быть передовым, лучшим представителем своей страны.

В своей работе Н. Агаджанян поднимает проблемы физиологической устойчивости организма человека к изменениям окружающей среды. Автор

пишет, что «устойчивость зависит от гомеостатических адаптивных механизмов индивида, составляющих его резервные возможности, т.е. тот запас прочности, с помощью которого организм противодействует экстремальным факторам. В свою очередь, устойчивость сообщества зависит от гомеостатических реакций составляющих его видов...» [7. С. 101].

Адаптивные способности социальной среды, согласно такой позиции», представляют совокупность резервных возможностей ее элементов – индивидов. С одной стороны, это действительно так. Согласно теории систем свойства целого зависят от свойств элементов, входящих в это целое. С другой стороны, - получается, что адаптация социума тождественна индивидуальной адаптации конкретной личности, отличаясь от нее лишь количественно. Тогда как нам представляется, что адаптивность общества имеет свою иную качественную определенность.

Нивелирование интересов и особенностей отдельного человека, приоритет и господство государства над всеми сферами жизнедеятельности, абсолютизировали психологическую и биологическую адаптацию, исключив возможность изучения социальной адаптации в системе «личность-общество».

Психическая и психофизиологическая адаптация активно изучалась советскими учеными примерно с этих же позиций. Это, прежде всего, исследования Ц. П. Короленко, Ю. А. Александровского, Ф. Б. Березина, и др.

Одним из значимых трудов того времени, посвящённых психической адаптации, стала работа Ф. Б. Березина [37]. Здесь под психической адаптацией понимается, главным образом, равновесие, баланс психических и психофизиологических свойств человека

Автором подробно исследуются факторы, актуализирующие процессы психической адаптации, в том числе, он говорит о социальном факторе, который запускает механизмы индивидуальной и популяционной адаптации.

Ф. Б. Березин рассматривает адаптацию на уровне микросоциального взаимодействия как нарушение равновесия в сфере общения, профессиональной

деятельности, межличностных отношениях и т. д., а также на макросоциальном уровне, который охватывает популяцию. Здесь процессы адаптации связаны с возникновением «антропоэкологического» напряжения в окружающей среде, природными катаклизмами, катастрофами. Адаптация на макроуровне рассматривается Ф. Б. Березиным также, как реализующаяся «в процессе внутри- и межгрупповых трансакций, которые будут в значительной мере определяться особенностями индивидуальной психической адаптации лиц, их осуществляющих, и в свою очередь воздействовать на эти особенности» [37, с. 143].

Главным направлением исследований являлось изучение психической адаптации с точки зрения соответствия между психическими и психофизиологическими характеристиками человека. Однако роль социального фактора в исследованиях ученого не исключается. Она продуцируется в двух аспектах. Первый определяется на уровне микросоциального взаимодействия, когда, по мнению Ф. Б. Березина, происходит резкое изменение в межличностных контактах, социальном статусе, жизненных стереотипах, сложившейся системы взаимодействия с окружением [37, с. 131]. Второй аспект – макросоциальное взаимодействие на уровне популяции как особый вид антропоэкологического напряжения, характеризующее адаптационный процесс.

Источником актуализации психологической адаптации в исследованиях Ф. Б. Березина служат любые ситуации, вызывающие психологическое нарушение и эмоциональный дисбаланс: - это ситуации тревоги, страха, фрустрации. Ученый затрагивает проблемы социальной дезадаптации, изучает факторы, его вызывающие. Если Н. Агаджанян не затрагивает и не говорит напрямую о дезадаптации, то Ф. Б. Березин утверждает, что любой фактор, любой раздражитель может спровоцировать состояние дезадаптации.

По нашему мнению, данная концепция психической адаптации заложила основы для социально-философского понимания адаптационного процесса. Это проявляется в высказываниях автора относительно противоречивой природы

адаптации: с одной стороны, баланс человека и окружающей среды может быть достигнут только при условии удовлетворения личностью своих насущных потребностей и целей деятельности; с другой стороны, - человек пассивно приспосабливается к условиям социального бытия, подавляя свою индивидуальность и блокируя процесс самовыражения себя как личности.

Одним из ключевых понятий в адаптационной теории Ф. Б. Березина является понятие потребностей. Удовлетворение потребностей в концепции автора предстает как важный критерий успешной адаптации [37, с. 14].

Другой советский исследователь – Ц. П. Короленко одним из первых поднял вопрос о том, что человек не просто пассивно приспосабливается к окружающей его среде, но активно преобразует ее. Автор описывает деятельную адаптивную активность как ответную реакцию на изменения окружающей среды. При этом для адаптации человек использует ранее приобретенный опыт, знания, навыки. Это «происходит мотивационно обусловленная дифференциация реакций: изменения, служащие необходимой цели, усиливаются, а препятствующие – ослабляются [131, с. 104].

Не смотря на явный биологический контекст подобного суждения через попытку объяснить механизмы психологической адаптации законами естественного отбора, автор говорит о важности изучения индивидуально-личностной адаптации, важную роль в успешности которой играет система мотивации и целевых установок личности. Именно эти психологические образования задают вектор адаптивной активности индивида, хотя и биологические механизмы играют не меньшую роль.

Представленные теории А. Агаджаняна и Ц. Короленко по сути две экстремально полярные позиции, связанные с поиском причин, актуализирующих адаптационный процесс. В первом случае – это средовые факторы, которые нарушают относительно спокойное течение бытия. Во втором – это индивидуальные свойства человека, определяющие успешность / не успешность его

адаптационного процесса. Симбиоз данных концепций мог бы дать полное представление о детерминантах адаптации.

Не смотря на разрозненность исследований советских ученых и их явную зависимость от господствующей идеологии, некоторые положения и выводы позволяют определить характеристики процесса адаптации с точки зрения его онтологии.

Первый вывод, на наш взгляд, связан с непосредственной ролью адаптационного процесса в становлении и развитии человека как не только биологического, но и социального существа. Человек, как известно, обладает и духовностью (В. С. Соловьев), но в контексте адаптации в качестве третьей составляющей можно выделить психологическую основу. Таким образом, социальная адаптация – процесс системный, сложный, многоаспектный, и как всякое сложное явление необходимо изучать каждый элемент по отдельности, но в единстве всех составляющих

Второй вывод связан с пониманием адаптации как процесса развертывающегося в историческом времени и имеющего свои особенности на каждом из этапов эволюционного развития. По сути эволюционный путь адаптации представляет собой постепенное последовательное приобретение живыми организмами новообразований вследствие изменений свойств окружающей среды. Данные новообразования с каждым временным периодом усложняются и совершенствуются [306; 307]. Сами адаптивные свойства, приобретаемые живыми организмами также можно дифференцировать в соответствие с видами адаптации, естественно, чисто теоретически для облегчения задачи их изучения.

Так для эффективности биологической адаптации живого организма в первую очередь необходимы биологические, физиологические свойства и характеристики, обеспечивающие саму возможность такой адаптации. При этом здесь результатом адаптации будет состояние гомеостаза, а критерием успешной адаптированности – выживаемость организма в новых природных условиях и

удовлетворение базовых потребностей (самовоспроизводства и самотождественности, которые способствуют его сохранению как вида). Симптомом дезадаптированности, соответственно, будет болезнь или гибель организма.

Результативность психической адаптации определяется степенью развитости психических качеств и характеристик, позволяющих человеку регулировать свое психоэмоциональное состояние, снимать психологическое напряжение и удовлетворять свои потребности. Критерием успешной психической адаптации будет являться психологический комфорт вследствие удовлетворения человеком своих потребностей и достижения целей деятельности. Симптомами дезадаптированности будут являться состояния психологической напряженности, фрустрации, эмоционального дискомфорта.

Биологическая сторона адаптационного процесса – это естественное, необходимое явление, обеспечивающее выживаемость организма. При психологической адаптации человек имеет возможность выбора способов и средств, стратегии и тактики адаптации в зависимости от собственных особенностей и потребностей.

Психологическая адаптация отлична от биологической еще и тем, что в ходе нее возможно опережающее отражение, прогнозирование, планирование исхода адаптации. Эта способность обеспечивается наличием у человека психики – высокоорганизованной материи, свойства головного мозга, заключающегося в способности отражать различные явления действительности, видеть многочисленные связи и отношения и самому оказывать влияние на них. Более того, человек, как существо сознательное, обладает сознанием и самосознанием, что дает возможность рефлексии и самопознания себя как субъекта той или иной деятельности, как субъекта адаптации. Это позволяет оценивать адаптационный процесс на разных этапах его протекания, анализировать сильные и слабые моменты, прогнозировать его возможный результат.

Данная осознанная психологическая способность к рефлексии собственной адаптивной деятельности отличает человека от других живых организмов, помещает его на другой, гораздо более высокий уровень развития. Осознанность (в отличие от инстинктивного поведения) является мощным механизмом адаптации человека.

Остановившись на двух видах адаптации: биологической и психологической, и понимая чисто теоретическую их раздельность, нельзя не сказать о соотношении этих двух уровней. Безусловно, для успешной адаптации и эффективного существования человеку необходим баланс между его психической и физической сферами. А для успешного приспособления к изменчивым условиям окружающей среды необходимо развитие и биологических и психологических ресурсов, которые должны быть «конгруэнтны» и между собой (как известно, иногда «тело» и «разум» вступают в противоречия между собой).

Данные выводы неизбежно приводят к идее оценки развития ресурсов адаптации человека, определению их качественного и количественного состава, а также вопросы их измеримости (меры развития). Неизбежно встает вопрос о рассмотрении адаптационного процесса как единства его качественной и количественной составляющей.

Проблемами выявления, описания и оценки адаптационных ресурсов занимались отечественные и зарубежные ученые. Здесь прежде всего, следует отметить труды А. Г. Маклакова [161] и Д. А. Леонтьева [154], а также С. Мадди [160].

Этот достаточно не новый аспект адаптационной теории (еще Ч. Дарвин поднимал вопросы состава и описания адаптивных качеств) потребовал введения новых определений и терминов в ее аппарат.

Начало исследований этих ученых сузило понимание адаптационного процесса до изучения его отдельных качеств. Однако, как это ни парадоксально, изучение адаптивных свойств, оказалось довольно сложной задачей. Уточнение проблематики и ее сужение должно было обозначить тенденцию, направление

исследований адаптационного процесса, однако научные разработки ученых привели к хаосу, неразберихе, многочисленным спекуляциям в адаптационной теории.

Во многом это связано с желанием ученых «как можно быстрее загнать в конкретные количественные границы» сложные социальные явления, каким является адаптационный потенциал.

А. Г. Маклаков одним из первых предложил для обозначения качеств и свойств, необходимых для реализации адаптационного процесса использовать понятие «личностного адаптационного потенциала (ЛАП)» [161]. Другие варианты – синонимы ЛАП - жизнестойкость (С. Мадди), «живучесть», «адаптивные личностные качества», «адаптивность», «адаптационные ресурсы» [160]. Эти понятия имеют практически схожий смысл, поскольку отражают совокупность возможностей человека к успешной адаптации.

Данные направления исследований имеют значение для философской адаптационной теории, поскольку позволяют рассмотреть каждый его элемент в отдельности, определить качественные и количественные аспекты адаптации. Кроме того, интерес представляют вопросы «превращения» каждой характеристики, первоначально имеющей количественное выражение в свою качественную сущность. Эти характеристики и свойства впоследствии могут стать ядром личности.

Логично предположить, что чем больше адаптивных свойств, чем выше степень их развития, тем больше у человека шансов успешно адаптироваться к той или иной ситуации, тем больше средовых факторов, к которым человек может приспособиться.

Возникает вопрос о составе качеств, которые можно трактовать как адаптивные.

А. Г. Маклаков такими личностными характеристиками считает: уровень конфликтности личности, уровень развития нервно-психической устойчивости; уровень самооценки, определяющий степень адекватности восприятия условий

действительности и своих возможностей; опыт социального общения [161, с.17]. Эти личностные характеристики являются основой ЛАП.

Список адаптивных качеств Д. А. Леонтьева практически идентичен первому. Дополнение составляют уровень «самодетерминации личности, который отражает меру преодоления человеком заданных обстоятельств, меру прилагаемых усилий по работе над собой и над обстоятельствами своей жизни»

Другой отечественный ученый — А. Н. Жмыриков [154, с. 57] считает, что основу адаптационного потенциала составляют: степень интеграции личности с макро- и микросредой; степень реализации внутриличностного потенциала; эмоциональное самочувствие [93, с. 16].

Один из ведущих ученых-адаптологов современности А. А. Реан, считает, что основой ЛАП должны стать эмоциональная стабильность и личностный комфорт [207, с. 358].

Современные исследователи (А. И. Воложин, Ю. К. Субботин) адаптивных личностных свойств дифференцируют их по видам в соответствии с видами адаптации и выделяют: биологические (физиологические), психологические и социальные свойства. Однако, основное внимание, так или иначе, сконцентрировано на психологических качествах, среди которых выделяются: мотивационные свойства, психологические защиты, «социальная компетентность» [60, с.134].

Психологический подход, не смотря на свое «однобокость» и однолинейность, концентрирует внимание не только на психологических, но и социальных свойствах. Однако эту группу исследований интересуют только те, которые имеют значение для психологического комфорта человека.

Анализируя перечисленные выше свойства, можно отметить преобладание потребностно-мотивационных и эмоциональных компонентов. С точки зрения психологического подхода проблемы адаптации – это проблемы удовлетворения потребностей. Достижение психологического комфорта со средой.

На наш взгляд, социальная философия, занимаясь проблемой определения количественных параметров качественно важных ресурсных возможностей человека, призвана выяснить, как в процессе адаптации разворачивается динамика их утверждения в структуре личности. Подобная позиция неизбежно поднимает вопросы личностного и социального становления человека, а сам адаптационный процесс онтологически связывается с развитием индивида на всех уровнях его бытия: биологическом, психологическом, социальном. При этом на центральный план в данном аспекте выходит активность, деятельность человека, которая определяет его эволюцию по линии накопления и увеличения «адаптационного ресурса» как внутреннего потенциала, содержащего опыт, знания, умения, навыки.

Отметим, что одна из центральных проблем психологических исследований свойств, обеспечивающих способность к адаптации, – мозаичность получаемых данных и трудность согласования результатов, описанных разными авторами. Огромные массивы эмпирических данных, накопленные к настоящему времени, не позволяют прийти к какому-то однозначному заключению относительно состава качеств, которые можно трактовать как адаптивные.

Анализ и систематизация выделенных разными исследователями адаптивных свойств, приводит к мысли о реальности существования наиболее общих особенностей, обеспечивающих оптимальный процесс адаптации. Эти особенности широко изучены в рамках субстратного подхода в психологии, основанного на описании качественного состава адаптивности [169, с.15-22; 308]. Среди таких качеств наиболее часто называют толерантность, мобильность, общительность, открытость новому опыту, способность к эмпатии, гибкость мышления и поведения. По всей вероятности, именно эти черты представляют собой некоторые базовые единицы, ценные для любых видов адаптации. Однако качественное разнообразие способов адаптации во многих случаях делает нецелесообразным выявление конкретных элементов, имеющих адаптивное значение. Попытка решить эту проблему может быть реализована в замене

субстратного подхода, делающего акцент на изучении качественного состава адаптивности, структурным, рассматривающим организацию элементов (качеств), имеющих адаптивное значение. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что различные факторы адаптации действуют не независимо друг от друга, давая некий суммарный эффект, а образуют систему со сложными взаимосвязями. Одни из них могут усиливать или, наоборот, ослаблять влияние других. Поэтому именно целостность, интегрированность и скомпенсированность личностных свойств могут служить основой адаптивности человека [169, с.22].

Более того, социально-философский анализ должен предполагать учет фактора, значимость которого для исследования адаптационного процесса в контексте эволюции живых существ, отметил еще Ч. Дарвин, а именно относительный характер адаптивных качеств.

Английский исследователь Р. Фоули [259], а также российский ученый И. А. Беляев [33] утверждают, что возможности определения количественной оценки адаптивных качеств «выводятся из того, что никакой объект не бывает адаптивно совершенным, а адаптация – идеальной. Соответственно оценка адаптации может быть только относительной [33, с.6] . Подобные мысли высказывают А. В. Яблоков, А. Г. Юсупов, по мнению которых совершенство всякого приспособления определяется внешней средой и не сохраняется при изменении условий его реализации. Иными словами, адаптивные свойства, полезные и необходимые в одних условиях, становятся ненужными или даже вредными в других [291].

Справедливость этих положений не вызывает сомнений, но это не означает категоричность их восприятия, опосредующего взгляда на адаптивные качества личности как на бесперспективные объекты для изучения. Социально-философская методология исследования адаптивных ресурсов должна быть выстроена в соответствие со следующими посылами. Во-первых, абсолютную адаптивную ценность представляют качества индивида, являющиеся необходимыми и достаточными элементами, детерминирующими траектории его

личностного самостановления и процессы становления и утверждения в природной и социальной среде. Во-вторых, все адаптационные возможности индивида превращаются в абсолютную ценность, даже когда они отрицаются в зависимости от тех или иных обстоятельств, в случае, если индивид проявляет активность, направленную на устранение противоречий между имеющимися собственными возможностями и требованиями окружающей среды. Это обусловлено тем, что такая активность выступает в особом качестве: если ее цель не может быть достигнута вследствие недостаточного развития ресурсов, – возникает побуждение преодолеть препятствие для достижения желаемого результата. В этом опять же видится источник динамики индивида, его существования и развития.

Относительность адаптационных возможностей человека выражается как мера необходимости проявления того или иного качества для решения определенных задач в процессе достижения конкретных целей деятельности. Из этого логически следует вывод о том, что оценить или количественно измерить выраженность (уровень развития) того или иного качества личности можно лишь в процессе ее предметно-практической и социальной деятельности. В этом случае объективным критерием оценки процесса адаптации в целом будет служить поведение человека (адаптивное поведение), определяющее особенности организации его взаимодействия с природной и социальной средой.

Принимая во внимание такую точку зрения, можно резюмировать, что адаптивные возможности и выбираемые человеком стратегии поведения в ситуациях, актуализирующих процесс адаптации, в которых эти возможности превращаются в действительность, являются компонентами адаптационного процесса, содержательными элементами, определяющими внешнюю и внутреннюю логику его существования и развития. Однако существует еще один момент, который предполагает его включение в целостную структуру адаптационного процесса. Он связан с общим результатом адаптации, ее апофеозом, который воплощается в особой форме, позволяющей человеку

сохранить природность своего естества (свою относительную целостность и идентичность), свою онтологическую общность и «сообразность» со всеми другими сложноорганизованными существами, с окружающей природой и социальной средой. Естественно, что применительно к каждому конкретному случаю, связанному с адаптацией человека, этот результат будет опосредован определенным для данной ситуации комплексом критериев, на основании которых можно судить об успешной или неуспешной адаптации (дезадаптации). В любом случае, результат любых видов адаптации человека в данной работе будет четко обозначен термином «адаптированность» (дезадаптированность), а общим ее критерием будет являться направленность человека на разрешение противоречий, возникающих в процессе его жизнедеятельности и во всех его многообразных связях и отношениях с природной и социальной средой.

Данный тезис не претендует на однолинейность и конкретность его восприятия. Подобным образом выражается мысль о существовании некоего общего субстанциального ориентира, определяющего движение адаптационного процесса человека к его конечному результату – сохранению относительной стабильности в постоянно меняющейся среде. Это движение, как и всякое другое, имеет диалектическую природу, проявляющуюся в том, что только при непрерывном изменении человека (его биологических, психических и социальных характеристик) обеспечивается относительное постоянство структурных и функциональных особенностей его организма. В этом отношении явление адаптации можно трактовать (опять же в общем смысле) как выражение активности организма, заключающееся в его самодетерминации посредством частичного самоотрицания. То есть, с одной стороны, адаптация есть процесс движения организма к определенному стабильному (относительно стабильному) состоянию, поэтому можно утверждать, что это состояние относительного покоя детерминировано процессом адаптации, с другой стороны, адаптация возможна лишь при постоянных и непрерывных изменениях организма, детерминированных изменениями окружающей среды. Поэтому путь

эволюционного развития организма представляет собой последовательную смену изменений, связанных с адаптационным процессом, каждое из которых отрицает предыдущее.

Данную мысль можно выразить и другим способом: диалектическая природа самого процесса адаптации такова, что именно адаптация обуславливает зависимость организма от среды, и в то же время эта зависимость снижается за счет адаптации, которая обеспечивает формирование «позитивных» изменений-новообразований гомеостатического характера.

Итак, ретроспективно анализируя соответствующую литературу, отметив некоторые наиболее значимые аспекты в изучении адаптации, можно с уверенностью констатировать, что зародившиеся и развившиеся в русле естественно-научного и психологического подходов определения, особенности, структура, свойства адаптационного процесса представляют собой разные уровни анализа данного феномена. Лишь с философской позиции, способной сформировать общие основания такого анализа, можно получить целостное интегрально сконструированное представление об адаптации и ее сущности. В этом отношении перспективным представляется использование деятельностного подхода с учетом выделенных выше положений, и его применение неизбежно предопределяет появление в русле адаптационной тематики понятия социальной адаптации. Оно не претендует на претенциозность в ряду биологической и психологической адаптации, также как невозможна практическая дифференциация этих видов. Однако теоретически представляется целесообразным их условное разделение, тем более что социальная адаптация является исключительно человеческой онтологической формой существования. Коротко резюмируем основные предпосылки, предопределяющие значимые акценты в изучении социальной адаптации, заложенные описанными подходами.

1. Любой приспособительный акт живого организма на популяционном уровне связан с действиями внутренних или внешних начал, направленных на поддержание гомеостатического, гармоничного состояния

необходимого для его нормальной жизнедеятельности и функционирования в конкретном ареале существования. Поддержание или достижение гомеостаза осуществляется через развитие конкретных адаптивных новообразований, способствующих выживанию популяции как вида и обеспечивающих ее эволюционное развитие.

2. Разделение индивидуальной и популяционной (применительно к человеку – это адаптация какой-либо общности) адаптации в достаточной мере условно, поскольку только в непрерывно осуществляющемся симбиозе общего и единичного происходят те изменения, которые играют роль основных компонентов адаптационного процесса. Другими словами, адаптация общности людей реализуется в процессе внутригрупповых, межгрупповых и межличностных трансакций, которые определяются особенностями индивидуальной адаптации людей, их осуществляющих, и в то же время, оказывает влияние на эти особенности.

3. Процесс адаптации любого объекта исследования с точки зрения философского анализа перспективно изучать как целостность, универсальную сущность, представляющую собой качественную определенность, имеющую конкретное содержание, многокомпонентную структуру, морфологию которых могут определять биологические (природные), психологические или духовные основания, а также их сочетания в зависимости от формы взаимодействия объектов и субъектов окружающей реальности.

4. Основными компонентами структуры адаптационного процесса являются общие основания-модусы, определяющие динамику его развития. Автор относит к ним: адаптационные ресурсы (количественная характеристика адаптационного процесса), адаптивное поведение (качественная сторона адаптации), адаптированность (качественно-количественный результат приспособительного процесса).

5. Будучи целостным объектом изучения, адаптация предстает перед исследователями своими разнообразными сторонами в качестве различных

предметов изучения, требующими разных уровней анализа. Их содержание может не повторять друг друга, но они, безусловно, взаимосвязаны. Специфика адаптации как особой онтологической формы жизнедеятельности человека, выражается в ее гетеро-онтологическом характере, предполагающем наличие трех качественно различных, но взаимосвязанных сторон: природной, психологической и социальной.

6. Природная, биологическая сторона адаптации разворачивается вне зависимости от стремлений и предпочтений индивида, который выступает объектом воздействий окружающей среды. Ее результатом выступают морфо-физиологические изменения, необходимые для полноценного живого существования и самовоспроизводства.

7. Центральной, системообразующей характеристикой психической адаптации человека является его отношение к окружающей действительности и к самому себе в каждый момент времени. Экспликация и исследование этих отношений в контексте адаптационного процесса представляется перспективным с точки зрения получения информации о семантической логике развития адаптационного процесса и предварительной оценки его результативности, которая зависит от способности человека установить равновесие между степенью воздействия внешних влияний и внутренним психическим состоянием, а также формами и стратегиями поведения индивида.

8. По нашему мнению, как содержание, так и результативность адаптационного процесса в равной мере зависят от смыслового содержания тех жизненных отношений личности, реализации которых служит адаптация как таковая. Жизненный смысл и индивидуальные (групповые) потребности адаптирующейся личности (группы), кристаллизованный в этих отношениях, выступает в качестве объективной мерки, воплощенной в абсолютной ценности адаптации и ее модусов: адаптивных качеств, адаптивного поведения, адаптированности.

9. Основопологающим аспектом, характеризующим адаптационный процесс, может считаться его диалектическая природа, выражающаяся в разных формах самодетерминирующей активности индивида посредством частичного самоотрицания, реализующимся в динамике двух состояний: относительного покоя и непрерывных флуктуаций. Установка только на абсолютизацию достижения равновесия с окружающей средой нивелирует процесс развития человека, также как и процесс постоянных изменений дестабилизирует человека как личность. Гипотетически это противоречие можно разрешить, найдя точку равновесия между процессами присвоения (пассивной адаптации) и объективации, «отдачи себя обществу» (активная стратегия адаптации) индивидуальным, присущим данному конкретному человеку, способом.

1.2 Деятельностная природа социальной адаптации в процессе становления и развития личности: методологические векторы исследования

Задачей данного параграфа является выявление общих концептуальных философских оснований процесса социальной адаптации.

Человек, являясь продуктом эволюции живой материи, имеет свою специфическую среду обитания – социум, что закономерно предполагает особую форму адаптации к нему – социальную адаптацию. Те механизмы и способы построения теорий, которые безотказно срабатывают применительно к биологической и психологической адаптации, оказываются бессильными перед способностью человека к активной, творчески преобразующей деятельности. Это послужило главной концептуальной предпосылкой, объединяющей все многообразие исследований социальной адаптации. Можно даже утверждать, что данный тезис является основополагающим в большинстве исследований, развернутые описания которых - есть не что иное, как его коннотативный придаток в различных семантических, концептуальных, мировоззренческих и других аспектах.

Обращение к специальным научным источникам и их качественный анализ показывает, что весь массив научной литературы по данной теме можно разделить на три блока. При чем основанием для подобной дифференциации служат не особенности конкретного подхода, а три группы проблем изучения феномена социальной адаптации: 1) исследование ее оснований, сущности и природы [209; 248; 255; 294; 296; 297]; 2) изучение конкретных стратегий социальной адаптации как процесса, и ее критериев как результата определенной активности [56; 204; 207; 295; 298]; 3) поиск общего и особенного у процессов социальной адаптации и социализации личности [175; 219; 293; 299; 301].

Следует отметить, что вопросы социальной адаптации с глубоких научных позиций (хотя, безусловно, даже в платоновском и аристотелевском учениях

можно найти отголоски данной проблемы) начинают разрабатываться, начиная с середины XX в., и они не ограничиваются рамками выделенных выше направлений. Возможно, это связано с интересом ученых к области возможностей человеческой активности человека, его изучением как субъекта общественных отношений. Именно поэтому утвердившееся в науке понимание биологической адаптации как процесса приспособления организмов к изменяющимся факторам окружающей среды стало недостаточным и требовало дополнений, связанных с социальными особенностями человека.

Существуют и другие основания для разделения, базирующиеся на выделении подходов, представляющих, по сути, набор методологических принципов изучения социальной адаптации: системный, информационный, культурный, деятельностный [210; 302]; а также частно-концептуальные направления исследований: бихевиоральное, психоаналитическое, гуманистическое и т. п. Впрочем, последние, на наш взгляд, ни вместе, не каждый по отдельности, не могут претендовать на универсальные объяснительные принципы, поскольку характеризуются относительной неточностью методологии и недостаточной логической согласованностью теории адаптации, «вытянутой» из этих концепций на основании интуитивных контекстуальных догадок. Автор данной работы не смогла найти сколько-нибудь убедительные и информативные факты, свидетельствующие о научном интересе представителей данных направлений к феномену адаптации как к таковому. Тем не менее, некоторые сведения представляют ценность в контексте разработки инструментально-технологических, прикладных механизмов управления социальной адаптацией.

Достаточно спорной выглядит и первая классификация, ведь, по сути, и культурный, и системный, и информационный подходы являются аспектами деятельности человека, а значит, являются подструктурами деятельностного подхода, тогда как в специальной литературе они все представлены как самостоятельные направления.

Попытка синхронизировать и упорядочить множество направлений исследований социальной адаптации привела автора данной работы к убеждению о том, что все они, так или иначе, тяготеют к одной из двух тенденций. Первая подразумевает изучение статико-теоретического аспекта адаптации, вторая – ее динамического (прикладного) аспекта. При этом, рассматриваемая в своем «статическом» аспекте, категория «социальная адаптация» является не только базовой, но и единственной, в контексте которой интерпретируются любые изменения, соизмеримые как с масштабными объективными трансформациями, так и со специализированными изменениями условий жизни и труда человека. Соответственно, в рамках такого направления социальная адаптация предстает как непрерывный процесс становления и восстановления равновесия в системе «человек-общество». В этом смысле методологической «рамкой» философского анализа социальной адаптации выступает постулат «приспособления» в ответ на воздействия социальной среды, т. е. сведение динамики человеческой активности к процессу максимального «сближения» человека с социумом. В качестве примеров можно привести исследования, касающиеся изучения преимущественно начального этапа «вхождения» человека в ту или иную социальную среду. В этом случае речь идет о стадии приспособления субъекта к основным нормам, требованиям, режимам различной деятельности, ее новыми условиями. Наиболее разработанными и достаточно популярными в этом отношении являются исследования профессиональной адаптации человека (Л. Ф. Вязникова, О. Н. Чернышова и др.) [63; 279]; труды, посвященные школьной и студенческой адаптации (Богданов Е. Н., Бусловская Л. К., Литвиненко Н. В., [44; 49; 157], а также некоторые собственно философские работы, связанные с исследованиями процесса социализации личности (Барулин В. С., Момджян, К. Х., Франк С. Л., и др.) [26; 182; 260].

Здесь следует оговориться, что данное положение не противоречит заявленной выше позиции о том, что собственно социальная адаптация в философском аспекте связана с творчески преобразующей активностью личности.

Речь идет о том, что начальным этапом «вхождения» человека в социальную среду является именно акт «приспособления», усвоения и присвоения существующего социального опыта. Эта первая ступень вхождения человека в социум, являющаяся началом его становления как субъекта общественных отношений, полноценного члена общества, представляет собой тот фундамент, на который настраивается и с которым срастается в процессе развития человека его индивидуальность. Безусловно, что эти аспекты, отражающие начальные формы симбиоза индивидуального и общественного, не могут оставаться за пределами интересов социальной философии, а в контексте социальной адаптации они являются ключевыми при изучении ее онтологической сущности.

Вторая тенденция в исследовании социальной адаптации касается ее динамического аспекта, который обуславливает настолько широкую трактовку этого процесса, что может искажать, противоречить и даже отрицать его исходное определение. При этом характеристики «приспособления», «восстановления равновесия», «гомеостаза», «реактивности» перестают быть определяющими для социальной адаптации. Таковыми становятся модусы преобразующей активности, творчества, праксиса, прогрессивного развития человека и его самоопределения. Это положение, безусловно, противоречит намерению оставаться в рамках единой адаптационной парадигмы и вынуждает ее адептов, в действительности имеющих дело с разнокачественной «встречной» активностью человека, всячески корректировать и содержательно расширять базовую категорию «социальная адаптация» (Д. Н. Завалишина, А. Л. Журавлев, Е. Г. Удачина, и др.) [94; 96; 245].

Следует обозначить специфическую группу исследований социальной адаптации, которую составляют некоторые теоретические конструкты, посвященные изучению ее бессознательного аспекта. Но подобные разработки даже в комплексе трудно назвать концептуальными, скорее, они напоминают фрагментарные частно - научные результаты исследований – побочные продукты достижения основных целей ученых (А. Фрейд, З. Фрейд, Х. Хартманн) [262; 263; 272]. Речь идет об опосредованных сферой бессознательного различных формах

активности человека в направлении его борьбы с психопатологическими состояниями, невротами, фрустрацией (здесь адаптация сливается с основными психологическими защитными реакциями); о врожденных, уходящих своими корнями в биологические структуры, попытках «Эго» найти баланс между иррациональными потребностями человека и социальными регуляторами его деятельности; об определяющих направлениях активности, которые имеют наибольший адаптивный шанс в социальной среде [263, 233-243; 303] и т.п.

В отечественной философской мысли значителен вклад в изучение социальных адаптационных процессов В. Ю. Верещагина, М. В. Ромма, В. В. Никонова, Г. И. Царегородцева и др. Итоги исследований ученых воплотились в понимании социальной адаптации как процесса активного приспособления индивида или группы к изменившейся среде с помощью различных социальных средств [53; 188; 209; 255]. Критерием успешной социальной адаптации считается ее результат - сбалансированное соотношение между потребностями человека и требованиями социальной среды.

С учетом вышесказанного была выстроена логика дальнейшего написания работы, определяющая последовательное решение следующих задач: определение сущности и критериев социальной адаптации и выявление основополагающего методологического вектора ее исследования в социальной философии.

Если начать рассматривать, а точнее эксплицировать приведенное выше понятие социальной адаптации с позиции логики и идеалистической философии, то оно окажется, по меньшей мере, не состоятельным. Одним из первых подобное исследование провел отечественный ученый Ю. А. Урманцев [248]. Не смотря на то, что его исследование в большей степени касается феномена адаптации в принципе, эта попытка – есть, в своем роде, наиболее удачный теоретический опыт в понимании научного смысла социальной адаптации, а также новый методический принцип ее исследования. Не вдаваясь в подробности работы этого автора, можно привести лишь ее наиболее ценные выводы.

Констатируя междисциплинарный характер понятия адаптации, Ю. А. Урманцев критически анализирует особенности наиболее распространенных вариантов его определений и указывает на их некорректность [248, с. 22]. Выделяя существенные недостатки представленных в словарно-справочной литературе определений адаптации, он формулирует ряд дефинитивных конструкций и вполне убедительно демонстрирует их логико-гносеологическую состоятельность. Из всех предложенных им формулировок самой удачной с практически исследовательской точки зрения будет следующая: «Адаптация – это приноровление системы признаков телеобъектом-системой к особенностям среды его обитания для реализации им его целей в этой среде» [248; с. 36]. Надо уточнить, что под телеобъектом-системой Урманцев подразумевает любой объект, который является целеустремленным, деятельностно-активным, способным адаптироваться посредством признаков, созданных или создаваемых (не всегда им самим) сообразно собственным целям и другим присущим ему особенностям, а также особенностям среды своего обитания.

Кроме того, автор обращает внимание на возможность и действительность проявления телеобъектом-системой адаптивной и адаптирующей активности. Адаптивная активность, то есть приспособление себя к среде, называется им автоадаптацией; адаптирующая активность, то есть овладение средой, приспособление ее к себе, – антиадаптацией [248, с. 37].

Биологический контекст подобных выводов не снижает научной ценности данного исследования с точки зрения понимания социальной адаптации. Это проявляется, во-первых, в отсутствии тавтологичности (в большинстве источников адаптация определяется через приспособление и наоборот), во-вторых, в достаточно точном определении объекта адаптации (в данном случае – это система признаков объекта, а не сам объект), в-третьих, в определении общего механизма адаптации, задаваемого целями этого объекта. Однако за пределами внимания автора остается смысл и содержание адаптации. Ограничиваясь простой констатацией основных дефиниций, автор вскользь упоминает об

«адаптирующей» активности, не поясняя ее значения. Что такое антиадаптация? Какие конкретно формы активности можно отнести к антиадаптирующим? Каковы их критерии и основные параметры? Эти и другие вопросы в исследованиях Ю. А. Урманцева и других ученых так и остаются неясными, не смотря на громкие заявления и бесспорную трактовку социальной адаптации в контексте стратегий творчества, революционных социальных переворотов, индивидуальных подходов, новаторства и т.п. Подобная недосказанность значительно снижает ясность и четкость понимания сути социальной адаптации и ее отличия от других социальных процессов: развития, социализации, профессионализации и т. п. Более того, осуществление активного воздействия или, как выражается Ю. А. Урманцев, приспособление себе окружающей среды, происходило в ходе всех исторически формировавшихся форм деятельности человека. Это одна из наиболее важных форм развития всего человечества в целом.

Все виды активной деятельности, начиная от изготовления простейших орудий труда и, заканчивая созданием нанотехнологий, можно отнести к тому виду активности, который Урманцев называет «адаптирующей активностью» или «антиадаптацией». В этом отношении представляется принципиально важным определить и конкретизировать смысл этой самой «адаптирующей активности» в контексте социальной адаптации, что требует обращения к деятельностному подходу, который в данном случае может полноправно выступать в качестве методологического принципа ее изучения. Можно утверждать, что подобная позиция должна являться базисным основанием для построения любых научных теорий и концепций, в которых рассматривается процесс реализации социального адаптационного процесса как особой формы человеческой жизнедеятельности.

Безусловно, являясь универсальной категорией, претендующей на объяснение природных и социальных основ развития человека и человечества в целом, категория деятельности нуждается в уточнении применительно к

социальной адаптационной проблематике. В этом отношении важно выделить несколько моментов.

Первый касается самой природы социального адаптационного процесса, имеющей деятельный характер. Социальная адаптация – это всегда своеобразное отношение человека и социальной среды, их взаимодействие и взаимовлияние, обусловленное детерминацией как минимум двух значимых факторов: особенностями самих взаимодействующих субъектов и влиянием внешней природной среды. В этой связи, логично предположить, что подобное адаптационное взаимодействие может быть описано в рамках двух организационных уровней: внутреннем - между человеком и конкретной социальной средой и внешнем, проявляющимся как отношение между человеком, социумом и окружающей природой средой. Последний представляет актуальный научный интерес с точки зрения экологического аспекта взаимодействия человечества и природы, предопределяющего, в свою очередь, экологический момент социальной адаптации.

Во-вторых, деятельностная природа социальной адаптации нуждается в уточнении с точки зрения комплексного изучения различных экзистенциальных проявлений человеческих особенностей в той или иной деятельности. Здесь первостепенное значение приобретает исследование как динамических характеристик социальной адаптации в целом, так и отдельных ее составляющих, компонентов и детерминант, характеризующих своеобразие фаз адаптации, ее стадий и этапов.

Наконец, в-третьих, нельзя выпустить из внимания специфику деятельности человека с точки зрения его внутреннего отношения и к окружающей действительности, и к самому себе в каждый момент времени. Более того, можно утверждать, что отношение человека – это центральная, системообразующая характеристика всего компонентного состава социальной адаптации. В этом процессе она представляет уровень сознания и самосознания индивида как степень развития процессов саморегуляции, самоконтроля и самооценки, т.е.

установление равновесия между внешними влияниями, внутренним состоянием и различными формами поведения человека.

Данные три позиции представляют, по нашему мнению, целостность, охватывающую все структурные уровни организации социального приспособительного процесса и представляющую качественный аспект социальной адаптации.

Рассмотрим первый аспект, который касается деятельностной природы социальной адаптации как особого отношения, взаимодействия человека и социальной среды. Следует оговориться, что сама категория деятельности и связанные с ней аспекты, является широко изученными в научной литературе. Достаточно упомянуть имена немецких корифеев Г. В. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, И. Г. Фихте, и других авторов, которые разработали научную категорию, способную выражать сущность человека, его социальную природу через решающую роль труда в социальной и индивидуальной жизни, через продукты собственного труда человека [67; 167; 257].

Деятельность в философии – специфически-человеческий способ отношения к миру – «предметная деятельность» (К. Маркс) [164]; представляет собой процесс, в ходе которого человек воспроизводит и творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы – объектом своей деятельности. При этом человек не просто взаимодействует с природой, а постепенно включает её саму в состав своей материальной и духовной культуры, что позволяет говорить об адаптивно-адаптирующей (приспособительно-приспосабливающей) форме отношения человека к действительности. Она основана на его способности как приспосабливаться к среде, так и приспосабливать её к себе, преобразовывать, видоизменять её через создание условий и средств, отсутствующих или недостаточно представленных в этой среде [256].

Особая роль в разработке категории «деятельность» принадлежит именно Г. Гегелю, который впервые в истории создал научную категорию, способную

выразить сущность человека как продукт его собственного труда. Гегель своей категорией «деятельность» первым заложил научную основу понимания целевой самодетерминированности и свободы человека. Он рассматривает деятельность как специфически человеческое отношение к предметам окружающего мира, как результат «побуждения», благодаря которому создаются предметы, удовлетворяющие человеческие потребности. Ученый акцентирует внимание на предметности и историчности деятельности, поскольку последняя осуществляется в единстве процессов опредмечивания (превращения деятельных способностей человека в свойства предмета) и распредмечивания (превращения свойств и характеристик предмета в деятельностные способности человека). Эти противоположные процессы деятельности являются тождественными, поскольку опредмечивание предмета сопровождается распредмечиванием, и наоборот. В рамках субстанциализма Гегелю впервые в истории, еще до работ К. Маркса, удалось показать социальную природу человеческого индивида и решающую роль труда в социальной и индивидуальной жизни [68, с.316-317].

Если Г. Гегель акцентирует свое внимание на мыслительной деятельности, то Л. Фейербах и К. Маркс в своих ранних работах преимущественное внимание уделяли качеству предметности в деятельности человека. В. Е. Кемеров, анализируя работы этих авторов, пишет, что человек в их трудах показан как предметное существо, всегда действующее с предметами и всегда предметным способом [122, с.18-20].

Развивая положение Г. Гегеля о значимости труда как способа выражения человеческой сущности, К. Маркс определяет труд как всеобщий способ выражения и утверждения человеческой жизни, характерный именно для человека, независимо от конкретно-исторической формы социальной жизни. Как и Г. Гегель, он прямо указывает на деятельность как на человеческую сущность и показывает, что именно в деятельности самоформируется творец материального и духовного мира, в деятельности человек созидает свои способности [165, с.566].

Безусловно, конвой деятельностного подхода к социальной адаптации послужило учение К. Маркса и его понимание человеческой практики как процесса, в ходе которого перед человеком встают познавательные задачи, а их решение стимулирует развитие восприятия и мышления личности, на основе чего происходит отражение действительности во всем многообразии ее связей и отношений. Эту действительность индивид не только познает и отражает, но и преобразует в соответствии со своими потребностями и особенностями [166]. Данное положение лежит в основе понимания процесса социальной адаптации как единства двух диалектически противоположных тенденций: пассивной (приспособление) и активной (борьба, преобразование).

Вслед за Гегелем и К. Марксом современные философы утверждают, что: «... человек есть не что иное, как ряд его поступков ...» [29, с.72-73]. Главной для диалектической традиции изучения человека является идея совпадения деятельности и самого деятельного человека, которая разделяется и современными философами [29, с.73]. Под отождествлением человека и предметной деятельности конкретно понимается то, что предметная деятельность есть истинно человеческий способ существования («осуществления», как писал С. Л. Рубинштейн), как способ его отношения к объективному миру [217, с.75-77].

История и наука свидетельствуют о том, что все в человеке, в его бытии является результатом его индивидуальной деятельности, с одной стороны, и деятельности предшествующих поколений, общества в целом - с другой. Без деятельного преобразования окружающего и внутреннего мира человек не может ни существовать, ни развиваться как субъект изменений.

В широком смысле понятие «деятельность» означает процесс создания общественным субъектом условий своего существования и развития, преобразование окружающего мира и самого себя в соответствии со своими потребностями и целями. Поскольку мы ведем речь о социальной адаптации, логично сместить акценты на социальную деятельность, которая и лежит в основе социальной адаптации [117; 121].

Социальная деятельность является динамичной системой активного взаимодействия личности (социальной группы) с окружающим миром, в процессе которого происходит воспроизводство человека как существа общественного, осуществляется целесообразное изменение и преобразование природного и социального мира. В социальной деятельности проявляется активность личности, ее творческие качества, мотивы, установки, поступки. При таком акценте достигается понимание диалектики человеческой активности по отношению к окружающей его реальности: зависимости человека от мира, его «вписанности» в этот мир, его обусловленности им, и в то же время человек обладает способностью активно, сознательно его преобразовывать в соответствие со своими интересами и особенностями [122, с. 57].

Деятельность глубоко диалектична по своей природе не только с точки зрения реализации ее как процесса, но и по своим результатам. Самое парадоксальное из противоречий, на наш взгляд, проявляется при анализе причинно-следственных связей, пронизывающих как индивидуальные деятельностные акты, так и масштабный общественный труд. В этом отношении наиболее демонстративным свидетельством «трагичности» бытия и отдельного человека, и общества в целом, является «грандиозность» следствий их адаптационных деятельностей, порожденных мотивациями, мало сопоставимыми с этой «грандиозностью». Мизерность причин и грандиозность следствий являются крайними полюсами широкомасштабной адаптивной деятельности российского общества, представляющей собой в самом общем смысле, с одной стороны, авантюру, торговую сделку с природой, с другой - разграбленную, униженную страну, искалеченные судьбы, души и тела миллионов людей. Конечно, российский пример не единственный, но, пожалуй, самый трагичный. По этому поводу еще полтора века назад очень метко выразился П. Я. Чаадаев, писавший в своих «Философических письмах», что весь смысл России состоит в том, чтобы демонстрировать людскому роду, как не надо обходиться со своим народом, государственным строем и природой. «Я вас спрашиваю: не нелепость

ли господствующее у нас предположение, будто этот прогресс народов Европы, столь медленно совершившийся и притом под прямым и явным воздействием одной нравственной силы, мы можем себе сразу усвоить, даже не потрудившись узнать, как он совершился». [278]

Рассмотрение интересующей нас проблемы в подобном ракурсе приводит к мысли о двух возможных методологических способах анализа сущности социальной адаптации в контексте деятельностного подхода: микроанализ и макроанализ. В первом случае объектом исследования является масштабная социально-адаптационная деятельность общества, предполагающая рассмотрение социального процесса как глобального реального, предустановленного природой эволюционного механизма бытия людей, общества в целом. Однако использование подобного способа в качестве научной методологической практики для понимания сути социальной адаптации имеет существенный недостаток. Он связан с тем, что рассматривая социальную деятельность, например, как особую адаптирующую активность, направленную на удовлетворение все возрастающих потребностей людей, происходит фактическое отождествление социальной адаптации с процессами развития и эволюции. Даже контекстуальное уточнение и четкое позиционирование социальной адаптации как механизма социальной деятельности, развития и эволюции не вносит ясности в решаемый вопрос о ее сути. Найти выход можно, если пойти по пути диалектического противопоставления понятий социальной адаптации и социальной дезадаптации. Рассматривая эти понятия как соотносительные (так же как, например, понятия добра и зла), и определяя одно через другое, можно выстроить системную теорию социальной адаптации с позиции эволюции общества. При этом формы и стратегии жизнедеятельности социума, обусловленные его эволюционным развитием сообразные с закономерностями развития природной среды, будут служить критерием социальной адаптации, не сообразные, соответственно, - социальной дезадаптации. В этом же аспекте, можно рассуждать и с другой стороны, выделив иной критерий. В ходе

социальной эволюции, в процессе социальной деятельности, и общественного труда, по сути, объективно осуществляется селективное «деление» людей на обладающих «необходимыми» для полноценного функционирования в этом обществе признаками (социально-адаптированные) и не обладающих таковыми (социально дезадаптированные). Иными словами, с позиции описываемых подходов, социальную адаптацию можно исследовать как минимум на двух уровнях обобщенности: от самых общих описаний эволюции человечества в контексте его взаимоотношений с природной средой (макро-анализ) (Вернадский В. И., Гринченко С. Н., Моисеев Н. Н.[54; 74; 179], до описаний определенных форм и стратегий взаимодействия конкретных субъектов с данным обществом в целом (микроанализ) Е. В. Змановская, А. А. Налчаджан, В. А. Петровский, и др. [103; 184; 198]. Методологической границей такого анализа в любом случае будет являться дихотомия понятий «социальная адаптация - социальная дезадаптация», и сложные диалектические взаимосвязи внутри нее как конкретизированные формы и стратегии жизнедеятельности общества, с одной стороны, деятельность акты конкретной личности (ей) - с другой; различные типы детерминаций и взаимосвязей и общества, и конкретного человека с природной средой - с третьей. Принцип системной детерминации здесь играет решающую роль в развертывании процесса социальной адаптации, определяющий его своеобразие на каждом конкретном этапе жизнедеятельности и задающий его конкретные критерии. Эти критерии имеют относительный характер, но исходят как минимум из двух общих оснований, которые можно обозначить как экологическое и антропологическое. Особенности конкретного исторического периода времени обуславливают конкретизацию этих критериев, но в любом случае, с позиции описываемых подходов, они будут утверждать приоритет социальной адаптации над социальной дезадаптацией с точки зрения нормативно-оценочных категорий общественного сознания. В предельно обобщенной форме они будут обозначать, соответственно, с одной стороны, должные и «положительные» формы жизнедеятельности, процесс эффективного

взаимодействия и отношений с обществом и природой, с другой - отрицательное, неэффективное, предосудительное в поступках и мотивах людей, в явлениях социальной действительности.

Следует отметить, что еще в 30-ые гг. XX века В. И Вернадский выразил сходное мнение, отразив его в своем учении о ноосфере [54]. Именно он одним из первых русских ученых сделал вывод о кардинальном изменении облика нашей планеты вследствие широкомасштабной преобразующей деятельности человечества, о возможном исчезновении всего живого на Земле, о необходимости «разумного» развития общества в соответствие с естественными природными законами. Русские космисты К. Циолковский, Н. Федоров, Н. Умов и др. путь преодоления экологического и антропологического кризиса видели в формировании особого «космического мировоззрения» [252; 276; 246]. О роли социальной адаптации в решении данной проблемы более предметно говорил Н. Н. Моисеев в русле направления, названного им универсальным эволюционизмом. В частности, ученый пришел к выводу о том, что следует рассматривать не ноосферу, которая сменит биосферу естественным образом, а эпоху ноосферогенеза, то есть человечеству еще предстоит движение к ноосфере, которая станет целью коэволюции природы и общества [179; 180]. Позднее, данные направления исследований были поддержаны учеными: Д. М. Гвишиани, В. В. Загладиным, И. Т. Фроловым и др. [69; 97].

По сути, ученые говорят о проблеме социальной адаптации в глобальном масштабе, а именно о необходимости поиска точки равновесия в системе «общество-природа». Сама же эта проблема, на наш взгляд предопределена естественным, объективным развитием нашего общества, а ее решение возможно лишь в том случае, если человек захочет и сможет ограничить свои потребности, отказавшись от должного во имя необходимого. К сожалению, вектор развития человека как существа разумного, направлен лишь в сторону удовлетворения потребностей в комфорте, обусловленной гонкой за право первенства на любом уровне организации отношений: от межличностного до мирового, что, по сути, по

нашему мнению, является гипертрофированной потребностью в повышении собственной самооценки за счет паразитарного потребления всего, что можно использовать. «Достучаться» до современных российских людей, находящихся в состоянии постоянной бессознательности и перманентной готовности к бунту, вызванными современными социокультурными реалиями, представляется практически невыполнимой задачей. Ее разрешение усложняется еще и тем, что общечеловеческие ценности, несмотря на некоторые робкие попытки их привить современному поколению, окончательно преданы анафеме. Если мы не в состоянии проявлять милосердие, терпимость, сдержанность, ответственность, любовь к себе подобным, то что же говорить об отношении к окружающей нас среде, которая для многих была и остается абстракцией, опредмечиваемой и воспринимаемой лишь с точки зрения средства для удовлетворения потребностей [55]. Выход в данной ситуации автор данной работы видит лишь в осознании и понимании человеком природных основ социального бытия, в соответствии с которыми он выстраивает свой жизненный путь, развивая свои природные индивидуальные особенности, способности, задатки. По этому поводу в свое время очень метко выразился Д. Юм.

«Человек — существо разумное, и, как таковое, он находит себе надлежащую пищу в науке; но границы человеческого разума столь узки, что можно питать лишь слабую надежду на то, чтобы как объем, так и достоверность его приобретений в этой области оказались удовлетворительны. Человек не только разумное, но и общественное существо, однако он не способен ни постоянно наслаждаться приятным и веселым обществом, ни сохранять к нему надлежащее влечение. Человек, кроме того, деятельное существо, и благодаря этой склонности, а также в силу различных потребностей человеческой жизни он должен предаваться различным делам и занятиям; но дух нуждается в некотором отдыхе и не может быть всегда поглощен заботами и деятельностью. Итак, природа, по-видимому, указала человечеству смешанный образ жизни как наиболее для него подходящий, тайно предостерегая людей от излишнего

увлечения каждой отдельной склонностью во избежание утраты способности к другим занятиям и развлечениям. Удовлетворяй свою страсть к науке, говорит она, но пусть твоя наука останется человеческой и сохранит прямое отношение к деятельной жизни и обществу». [289].

Второй аспект социальной адаптации в контексте деятельностного подхода может быть раскрыт с точки зрения исследования динамических характеристик как всего процесса социальной адаптации в целом, так и отдельных ее компонентов и детерминант, характеризующих своеобразие фаз адаптации, ее стадий и этапов. Данный аспект методологически связывает социальную адаптацию с системным подходом (являющимся одним из аспектов деятельностного подхода), который позволяет выявить сложную диалектическую взаимосвязь между различными личностными образованиями, с одной стороны, и эффективностью деятельности индивида, с другой [6; 40; 83]. Здесь также важен принцип системной детерминации, позволяющий рассматривать различные компоненты социальной адаптации в качестве детерминант развития всего процесса адаптации в целом и в то же время выполнять на разных этапах адаптации координирующую функцию, обеспечивающую реализацию значимых для субъекта целей деятельности, что обеспечивает устойчивость и непрерывность адаптационного процесса.

Системный анализ позволяет нам увидеть несколько оснований для выделения структурных компонентов адаптации. Наиболее общее из них можно определить как эволюционно – онтогенетическое, с позиции которого возможно рассмотрение биолого-физиологического, психологического и социального уровней адаптации как ступеней, детерминированных личностным развитием индивида и его становлением как субъекта деятельности [85]. Тогда социальная адаптация будет являться апофеозом, высшей ступенью, которой индивид может достичь в процессе разрешения им различных жизненных противоречий. В этом отношении она предстает как специфически человеческая форма разрешения противоречий, возникающих в системе отношений «личность - социальная

среда». При этом перспективным и основополагающим вектором изучения особенностей структуры социальной адаптации, на наш взгляд будет являться исследование различных стратегий поведения индивида в «сложной» жизненной ситуации. Противоречие в данном аспекте рассматривается как противоречие-процесс, процессуальное отношение человека и среды, когда в результате возникновения, развертывания и разрешения противоречия происходит развитие субъекта(ов) данного отношения. Эта позиция несколько расширяет классическое Гегелевское понимание противоречия, где в его основе лежит более внутренняя отрицательность субъекта, его «иное», в силу чего субъект внутренне деятелен и обладает самодвижением, а значит саморазвивается. Самопротиворечивость присуща всем предметам и явлениям, она проявляется как отношение противоположных тенденций, сторон, свойств самого предмета и определяет способ его существования как самодвижение. Но самопротиворечивость и само существование предмета, его особенности порождают (ся) внешние противоречия, в том числе, возникающие в процессе адаптации человека к социальной среде. Рассматривая противоречие в адаптационном процессе, мы имеем в виду, прежде всего, внешнее противоречие - отношение противоположностей (человека и среды), которые «пространственно разделены», полярны. Это внешнее противоречие актуализируют различия в особенностях субъектов отношения, которые могут являться формой проявления и результатом противоречивости самих субъектов отношения (внутреннее противоречие).

В наиболее общем виде адаптивные стратегии можно представить в плоскости поступательного развития индивида. На начальном этапе, с преобладающим биологически-адаптивным поведением, это будут пассивные стратегии совладания с трудностями. Основные из них: избегание, уход от проблемы, либо ее решение паразитическим способом за счет ресурсов других людей, т. е. те способы поведения, которые приняты в животном мире. Такие стратегические и тактические формы характерны не только детям, находящимся на начальной стадии социализации, но и более взрослым представителям homo

sapiens. Однако принято считать, что по мере развития индивида, он расширяет «каталог» своих деятельностей за счет непрерывно умножающихся и расширяющихся связей с внешним миром и социальной средой [166]. Специфику этих связей определяют личностные особенности человека, его потребности, цели, мотивы, эмоционально-волевая сфера, характерологические черты. Психологическая адаптация направлена на достижение внутреннего гомеостаза за счет удовлетворения индивидом своих личностных потребностей в данной социальной среде. При этом, чем меньше «цена» деятельности, тем более личность адаптивна [37]. Поэтому структуру социального приспособительного процесса будут определять указанные детерминанты, отражающие специфическое соотношение продуктивности деятельности и «психологических затрат» человека. Форма адаптивного поведения (копинг-поведение) будет определяться, и зависеть от характера перестроек, различных комбинаций этих психологических структур: когнитивных, эмоциональных, собственно поведенческих.

Из всех существующих подходов автору в большей степени импонирует традиция описывать теорию адаптации именно как совокупность адаптивных стратегий, которая берет начало из структурно-функционального (нормативного) подхода Т. Парсонса [196, с. 230-245]. Однако это не означает однозначную приверженность именно данной позиции. У диссертантки имеется своя точка зрения, которая будет логично изложена по ходу написания данной работы. Парсонс, не смотря на всю существующую сегодня критику его концепции, одним из первых заложил классическое понимание адаптации как специфического взаимодействия системы общества с личностью, направленное на развитие и утверждение адекватной (соответствующей общественным нормам) мотивации участия человека в социально значимых и контролируемых образцах действия, подкрепляемой общественными системами поощрения и наказания [196]. Ученый развивал деятельностный подход к социальной адаптации, объединив две традиции: собственно марксистскую, где центрообразующим понятием является понятие «труд» и психолого-социологическую (М. Вебер, Дж.

Мид), ставящую во главу угла изучение психических и социальных феноменов, возникающих в ходе общественной практики людей [52, 173].

Джордж Герберт Мид, разрабатывая направление, получившее название символического интеракционизма, центральным понятием считал «межиндивидуальное взаимодействие». Совокупность процессов взаимодействия, по Миду, конструирует (условно формирует) общество и «социального индивида». В ходе этого взаимодействия происходит постоянная интерпретация собственной идентичности и символических социальных контекстов, окружающих индивида, что формирует его индивидуальную картину мира. [173, с.229-230]. Концепция символического интеракционизма Дж. Г. Мида обращает внимание на процессы интерпретации личностью проблемной ситуации, на то, какие смыслы личность вкладывает в ситуацию, как оценивает ее и себя на разных этапах разрешения противоречия и как в связи с этим действует [171; 174]. Именно эти смыслы в значительной степени сформируют магистральную линию адаптации.

Данное направление легло в основу интерпретативного методологического подхода к адаптации, который разрабатывался (В. В. Волковым, У. Томасом, Ф. Знанецким и др.), согласно которому сама социальная адаптация понимается как процесс непрерывных интерпретаций субъектом условий, содержания, результативности своего взаимодействия с социальной средой, а адаптивные стратегии – это область информативно-смыслового взаимодействия личности с ее окружением [58].

Отдельную заслугу и вклад в развитие теории адаптации внес М. Вебер, хотя его идеи не были напрямую связаны с адаптационной тематикой. М. Вебер в основу понимания деятельности положил шесть типов социальных действий и соответствующих им мотивов. Наиболее важным из всех социальных действий, является целерациональное действие, в основе которого лежит рационально-осознанные побуждения. К основным характеристикам целерационального действия М. Вебер отнес однозначность, ясность поставленной индивидом цели,

наличие четкой, рационально продуманной программы действий. Механизм реализации действия, в первую очередь целерационального, предполагает реляционный его аспект – ожидание соответствующих действий от других субъектов, что предполагает определенные отношения между ними [52, с.234]. Это означает, что в своей деятельности человек всегда осуществляет социальное отношение одного субъекта к другому субъекту (субъектам). Среди современных философов, разрабатывающих системный подход, широко распространено понимание социальной деятельности как отношения: «...Деятельность как человеческое отношение является выражением сущности человека, специфики его существования. [121, с.180]. При этом предметная деятельность понимается не просто как человеческое отношение, а как отношение, предполагающее главное человеческое свойство – творчество. Здесь есть один очень важный, на наш взгляд момент, связанный с субъективным аспектом адаптации, а точнее, с ее результатом – адаптированностью, который предполагает согласование ожиданий субъекта адаптации с реально полученным и интерпретируемым им итогом деятельности. Данный критерий принципиально важен, когда мы исследуем адаптивный процесс в условиях конкретной практики, поскольку возможны ситуации, когда объективно субъект адаптивен, а внутренне он может ощущать дискомфорт.

В этом же аспекте нельзя не остановиться на теории экзистенциального анализа. Наиболее ценные для теории адаптации положения экзистенциального подхода, отражены, на наш взгляд, во взглядах Э. Фромма [268]. Ученый постулирует парадокс человеческого существования, заключающегося в том, что, с одной стороны, человек всю свою жизнь вынужден подчиняться требованиям общества и авторитарной этики, а потому не может полностью раскрыть свою сущность и индивидуальность, с другой стороны, - человек боится быть не таким как все. При этом саморазвитие и самораскрытие личностью своих способностей Э.Фромм считает высшей ценностью и смыслом жизни. В этом же отношении представители гуманистической школы (А. Маслоу, К. Роджерс) рассматривали

личность не как нечто однозначно заданное природой или воспитательной средой, а как открытую систему с возможностями свободного развития на основе внутреннего выбора [168]. Такая же субъектно-деятельностная позиция пронизывает теории личности Л. И. Анцыферовой, К. Х. Абульхановой-Славской, которые ориентированы на изучение закономерностей постоянного движения самой личности в пространстве своих качеств, своего возраста, меняющихся социальных норм, в ходе участия в общественных процессах [3; 20]. В этом отношении социальная адаптация выступает как фактор самоорганизации личности, ее самовыражения, выполняя функцию развития человека как субъекта общественных отношений, как субъекта деятельности. Это достигается благодаря тому, что личность в процессе адаптации разрешает социальные противоречия, что инициирует образование нового качественного состояния, выводящее человека на новый виток развития. При этом социальная адаптация призвана играть роль системы сдерживания и противовесов, определяющей такой вариант жизнедеятельности, при котором человек находит соотношение между степенью приспособления к социуму и степенью своей автономности, как способности противостоять общественному давлению. Одновременное стремление личности и к движению, и к относительному покою – фундаментальное диалектическое противоречие адаптации, а само развитие адаптационного процесса подчинено логике самоотрицания адаптирующимся субъектом достигнутых целей (адаптированности) благодаря самодетерминирующей активности.

Исследование многообразных отношений, которые представляют собой особую форму, траекторию движения личности в социальной среде, является достаточно сложной задачей. Наиболее успешной попыткой ее решения является, на наш взгляд, концепция российского ученого М. В. Ромма [209]. Он предлагает классификацию адаптивных стратегий, основанную на выделении трех основных подходов к исследованию социальной адаптации: нормативного, интерпретативного и бифокального. При этом автор рассматривает любую целенаправленную деятельность, связанную с удовлетворением субъективных и

объективных потребностей человека, как имеющую адаптивную ориентацию, и поэтому она оценивается им в качестве универсальной адаптивной стратегии, которая определяет целостную систему адаптивно-деятельностных отношений индивида и социума. Ученый выделяет нормативные адаптивные стратегии (стратегии, связанные с преобразовательской активностью человека и его становлением в социуме); интерпретативные (спектр их разнообразия обусловлен способами интерпретации и понимания человеком социальной реальности в зависимости от субъективной удовлетворенности (адаптивность) или неудовлетворенности (дезадаптивность) различными сторонами жизнедеятельности. И, наконец, комплексные (бифокальные) стратегии адаптации, представляющие собой переплетение структурно-функциональных и интерпретативных процессов, что позволяет достичь не ритуальной, а действительной системности в исследовании стратегий социальной адаптации личности. Проведя детальный анализ, и конкретизировав стратегии в русле выделенных подходов, автор приходит к выводу о том, что эти стратегии ничто иное, как информационно-логический алгоритм, скопированный или сконструированный личностью способ реализации индивидуального адаптивного потенциала путем оптимального (с наименьшим количеством разнообразных затрат) использования всех доступных ресурсов адаптации с целью достижения искомого приспособительного эффекта, который субъективно оценивается личностью в качестве необходимого и достаточного [209, с. 103]. Думается, что заявленная позиция слишком идеализируется автором, что, впрочем, может являться простительным упущением, поскольку социальная адаптация – феномен сложный и многоаспектный, и подобный методологический ход необходим для понимания и описания его онтологической сущности. Все логические конструкции М. В. Ромма, по видимому, исходят из аксиоматического постулата о том, что любая адаптивная направленность личности – это практически всегда изначально идеальная модель того результата, к которому личность стремится, плюс идеальные способы и средства адаптации, которые личностью тем или иным

образом субъективно интерпретируются. Такая позиция существенно облегчает задачу исследования самих стратегий, к тому же дает совершенно четкое представление об онтологическом статусе социальной адаптации. Однако за пределами внимания автора остается вопрос о дезадаптации личности и ее существенных характеристиках и аспектах. Кроме того, чрезвычайно идеализированные варианты адаптационных стратегий, препятствуют реальному пониманию адаптационного процесса, который в действительности многовариативен и непредсказуем.

В процессе социальной адаптации, согласно автору, субъект непрерывно интерпретирует окружающую его социальную реальность, на основе чего и формируется субъективное адаптивное пространство и персональная идентичность, которые определяют направленность всей социальной адаптации личности. Думается, что адаптационный процесс представляет собой не линейное движение, как это мыслится у М. В. Ромма, а непрерывный цикл, в ходе которого эти самые личностные значения (смыслы) могут постоянно меняться. Причем, сама социальная ситуация (проблема) может уйти на второй или даже последний план, или заменена на другую, поскольку не исключена вероятность наступления момента, когда субъект будет вынужден адаптироваться уже к этим собственным внутренним изменениям и их последствиям. То есть, внутри некоего общего адаптивного цикла, возникнет множество других - промежуточных, непосредственно не связанных с изначальной проблемной ситуацией, хотя и опосредованных ею.

Собственно социальная адаптация – эта высшая форма отношений человека и социальной среды, при которой индивид разрешает противоречия, выбирая активные стратегии, результатом которых является его личностное развитие, самоактуализация и самореализация в данной социальной среде. Диалектика жизнедеятельности человека такова, что он как разумное, сознательное, активное, деятельное существо не просто усваивает социальный опыт, но усваивают его индивидуально, отлично от других, в соответствии со своими потребностями, с

особенностями своей личности. Каждый человек на протяжении всей своей жизни сталкивается, в своем роде, с единственным рядом проблем, решает которые он, соответственно, по своему, используя свои индивидуальные ресурсы адаптации. Если побуждения человека направлены на активное преодоление трудностей, на поиск различных путей выхода из проблемной для него ситуации, то результатом этого будет прибавка «нового опыта» к уже существующему. Это лежит в основе самоактуализации (А. Маслоу), саморазвития, самосовершенствования человека и человечества в целом. В этом положении заключен, по нашему мнению, смысл социальной адаптации, ее полезность и ценность для человека и общества в целом – в том, чтобы результирующим эффектом этого процесса стало приобретение человеком таких качеств и свойств, которые помогли бы ему стать полноправным и полноценным членом того общества, к которому он принадлежит, найти свое место в нем.

Можно выделить более конкретные основания для изучения структурных компонентов адаптации. Однако эта линия работ, по сути, продолжает начатые биологами и психологами методологические направления исследования, меняя лишь модели и методики. Например, многие исследователи согласны во мнении о том, что в основе адаптации лежат мотивационно-целевые детерминанты и ценностно-смысловые характеристики личности [20; 86; 309; 310]. Они определяют различия в стратегиях и тактиках социальной адаптации, отражая ее качественный аспект. Другие исследования показывают структуру профессиональных ценностей с точки зрения их реализации в профессиональной деятельности адаптивными и неадаптивными способами [222; 271]. Третьи, рассматривают определенные черты человека и уровень нравственности и вытекающую из этих существенных свойств прогнозируемость поведения в сложных жизненных ситуациях [40]. Подобная склонность многих ученых к рубрификации имеет положительный эффект в виде глубокой проработки того или иного частного вопроса, аспекта адаптации, однако очень часто из-за

излишнего теоретизирования теряется общее представление, разрывается целостность учения об этом феномене.

Чем объяснить широкую популярность исследований социальной адаптации в наше время? Динамизмом нашей жизни. Однако мир так быстро меняется, что даже при относительно «универсальном» подходе к изучению личности, каковым, безусловно, является социально-философский, та структура личности, те формы поведения, которые были адаптивны пять-десять лет тому назад, сегодня могут являться дезадаптирующим и дезорганизующим фактором. Если в недавнем прошлом, индивид, окончив университет, приобретя за несколько лет опыт практической работы, мог в течение оставшейся жизни спокойно жить на «проценты» от накопленного профессионального капитала, то сейчас груз устаревших сведений при наличии личностной ригидности и нежелании использовать последние достижения науки может еще недавно авторитетную личность быстро превратить в реликт. В этом отношении задача социальной философии заключается не только в том, чтобы обозначить проблему и основные направления ее решения, но и указать, как ее решить. И здесь системно-структурный анализ в контексте деятельностного подхода должен играть решающую роль, поскольку именно он позволяет выделять, вытекающие из самой природы личности такие характеристики адаптации как: уровневость, субъективность-объективность и степень обобщения (общее, особенное, единичное). На базе их соотношения и взаимодетерминации можно выделить три подструктуры социального адаптационного процесса, которые будут являться основой, универсальным «скелетом» социальной адаптации, обобщающие описанные выше положения.

Первая подструктура – иерархическая. Она совпадает с уровнем организации и развития субъекта и образована, по нашему мнению, тремя основными аспектами: физиологическим, социально-психологическим и социальным [311; 312].

Вторую подструктуру можно обозначить как регулирующую или координационную, где происходит упорядочение характеристик и процессов адаптирующегося индивида по признаку субъективности – объективности. Здесь важны два момента. Первый касается выявления и определения объективных характеристик и факторов адаптационного процесса, а также субъективных переживаний индивида на уровне сознания и бессознательного [35]. Это положение не нуждается в обосновании, поскольку принцип единства «внешнего» и «внутреннего», субъективного и объективного давно утверждён в науке (С. Л. Рубинштейн) [218]. Второй момент связан с нахождением той точки равновесия, когда субъективность и объективность как некие личностные атрибуты человека гармонично сочетаются, не противореча друг другу, а дополняют и обуславливают друг друга. Здесь речь идет об оценке индивидуальной вариативности адаптационных реакций и соотнесение их с некими нормами и объективными законами развития социальной и природной среды.

Третью подструктуру образуют три группы характеристик: общие, особенные, единичные. Безусловно, первостепенное значение для исследования социальной адаптации в социально-философском аспекте имеет выявление ее общих онтологических характеристик или атрибутов. Иными словами, социальная философия, на наш взгляд, призвана выяснить исходные точки, основания, которые обуславливают единство в многообразии различных проявлений адаптационного процесса, реализующиеся в виде тенденции, объединяющей богатство и многообразие явлений адаптации в систему, единое целое. Данная задача при поверхностном рассмотрении представляется трудноразрешимой, однако методологически выполнима, если сместить фокус внимания с конкретных характеристик у того или иного адаптирующегося субъекта (именно эта тенденция превалирует в современной адаптационной теории) на конкретные атрибуты самого процесса социальной адаптации. Таковыми, по нашему мнению, являются: проблемная социальная ситуация, актуализирующая адаптационный процесс, адаптационные ресурсы (имеющиеся,

достаточные и необходимые) для ее разрешения, социальные отношения, возникающие в процессе разрешения личностью противоречия, принимающие форму адаптационных стратегий, и результат адаптации, выражающийся в социальной адаптированности или дезадаптированности индивида. По нашему мнению, именно эти базовые атрибуты представляют собой те структурные элементы, которые обуславливают единство в многообразии проявлений социального адаптационного процесса, и представляют ключевые точки структурной схемы системного подхода к изучению социальной адаптации.

Раскрытие индивидуальных, специфических закономерностей, как правило, может быть достигнуто с помощью анализа конкретных характеристик того или иного субъекта адаптации. Однако выявление индивидуальных характеристик человека может быть лишь промежуточным этапом анализа. Полный цикл предполагает выявление в индивидуальных характеристиках особенных, а затем общих.

Подобный вывод обуславливает еще один методологический момент исследования социальной адаптации в контексте деятельностного подхода, который проявляется в специфике активности человека с точки зрения его внутреннего отношения и к окружающей действительности, и к социальной среде, и к самому себе в каждый момент времени. В этом плане представляется перспективным и достаточно релевантным применение субъектно-деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский и др.), а в его рамках личностно-динамического аспекта (А. Г. Ковалев, К. А. Абульханова-Славская), весьма продуктивно используемого в психологических науках. Этот подход нацеливает исследователей на глубокое изучение закономерностей жизнедеятельности субъекта в главнейших формах его активности, важнейших сферах социализации: общении, самосознании, поведении [3; 47; 124; 218; 313]. На основании этого в исследовании социальной адаптации не обойтись и без принципа включенности личности [162], который в данном контексте будет

рассматриваться нами как ведущая системообразующая детерминанта в триаде «общество-деятельность-личность».

Успешная социальная адаптация человека, а точнее, ее результат – социальная адаптированность, определяется не абсолютными значениями тех или иных показателей, а изменением структуры взаимосвязей между ними, которые, по сути, и определяют общую направленность поведения (стратегий адаптации) индивида в той или иной проблемной ситуации. Именно поэтому, говоря о социальной адаптации в любом ее значении и смысле, мы всегда ведем речь о действующем индивиде, о человеке, находящемся в состоянии деятельности. С этой точки зрения процесс социальной адаптации – есть не что иное, как динамически-деятельностное многофазное «развертывание» личности – особый тип последовательных личностных преобразований в пределах индивидуально «очерченного» диапазона изменчивости, заданного как индивидуальными особенностями, так и требованиями конкретной социальной среды. Целью этих преобразований, прежде всего, является обеспечение достаточно надежного, приемлемого для индивида способа поведения в конкретных жизненных ситуациях, что делает структуру личности адаптивной в данной социальной среде. На основании этого в исследовании социальной адаптации, по нашему мнению, необходимо постоянно удерживать в центре внимания проблему диалектической связи субъект-объектной активности в формировании личности. Определить и зафиксировать какие-то качественные изменения и образования в структуре личности здесь будет явно недостаточно, необходимо раскрывать динамику этих образований и их направленность.

Данная задача может быть решена, на наш взгляд, с использованием динамического направления субъектно-деятельностного подхода, основания которого заложил еще К. Маркс, а сегодня суть этого направления очень четко презентует Л. И. Анцыферова, говоря, что оно ориентировано на изучение закономерностей постоянного движения самой личности в пространстве своих качеств, своего возраста, меняющихся социальных норм, в ходе участия в

общественных процессах [20]. В этом отношении социальная адаптация выступает как фактор самоорганизации личности, ее самовыражения, проявляющихся в уровне сознания и самосознания индивида, степени развития процессов саморегуляции, самоконтроля, самооценки, самовыражения. Это направление представляется достаточно перспективным еще и потому, что позволяет определять социальную адаптацию как процесс активного преодоления и разрешения человеком различных социальных противоречий: метасистемных (несоответствие в функционировании системы «человек» законам более широкой системы), внутрисистемных (например, несоответствие между требованиями деятельности и возможностями человека). Эти противоречия не существуют изолированно друг от друга; их диалектика такова, что противоречия, зреющие внутри, являются своеобразным ответом на давление «извне», и, наоборот, внутренние противоречия инициируют перестройку внешних связей системы, образуя новое качественное состояние, выводящее каждую из противоборствующих сторон на новый виток развития. Поэтому социальная адаптация в данном контексте проявляет свое значение, выполняя функции организации и развития человека как субъекта общественных отношений, как субъекта деятельности.

Проблеме становления человека как субъекта деятельности в контексте теории адаптации посвящена данная работа. Под этим процессом мы понимаем, прежде всего, способность личности к такой активности, позволяющей найти способ разрешения различных социальных противоречий при сохранении собственной самоидентичности, самореализации своих потребностей, активном самостановлении человека в обществе. Иными словами, развитие «субъектности» - это нахождение человеком способа реализации потребности в деятельности, в общении, в самовыражении, самоосуществлении. И здесь суть социальной адаптации заключается, по нашему мнению, в том, что этот процесс, обусловленный «внешними» и «внутренними» факторами, вместе с тем эмансипируется от тех и других и начинает выполнять функцию своеобразного

«буферного» механизма, не допускающего одностороннего подчинения требованиям внешней среды и вместе с тем препятствующего превращению человека в раба собственных потребностей, своих сиюминутных интересов. Социальная адаптация призвана играть ключевую роль системы сдержек и противовесов, определяющей такой вариант жизнедеятельности, при котором человек находит соотношение между степенью приспособления к социуму и степенью своей автономности, как способности противостоять общественному давлению.

Таким образом, методологическим «каркасом» философского определения социальной адаптации может и должна служить особая модель развития человека как субъекта труда, основанная на спецификации каждой стадии этого развития через определение ведущей стратегии жизнедеятельности, что позволит выявлять и качественные изменения любых личностных образований, лежащих в основе такой деятельности. Кроме того, рассматривая проблему социальной адаптации в масштабах жизненной стратегии, можно определить два ключевых образования: во-первых, совокупность субъективно-значимых отношений человека (к социуму, предметам, самому себе), во-вторых, - совокупность способов реализации этих отношений, т.е. способ организации собственной жизни.

Данные положения обуславливают появление как минимум двух методологических измерений адаптации с точки зрения деятельностного подхода. Первая тенденция представляет собой непрерывное усложнение в описании различных моделей адаптивного поведения, начиная от самой простой схемы «стимул-реакция» и заканчивая актуальными современными разработками концепций социального поведения. Вполне успешное начало этой традиции положили бихевиористы, в фокусе внимания которых находился широкий спектр поведенческих актов и взаимосвязанных конфигураций факторов, вызывающих адаптивное и дезадаптивное поведение [247; 304; 314]. С другой стороны, деятельностная природа социальной адаптации предполагает изучение особенностей субъекта и его отношений с окружающей социальной средой,

обязательно подразумевающие когнитивно-оценочные, эмоциональные образования, а также реализуемые техники жизни или жизненные стратегии совладения с трудной жизненной ситуацией [235; 315]. При этом ведущую роль в понимании и оценке адаптационного процесса играют именно ментальные структуры личности как отражение складывающихся отношений и связей с существенными формами социального бытия. На сегодняшний день последняя тенденция, безусловно, превалирует, поскольку тесно связывает социальную адаптацию с проблемой индивидуального развития человека.

Резюмируя вышесказанное, определим некоторые ключевые положения, касающиеся решения вопросов, поставленных в начале данного раздела: о смысле социальной адаптации и возможных методологических вариантах ее изучения.

1. Являясь целостным объектом социально-философского изучения, социальная адаптация может представлять различными гранями, однако все они обусловлены ее деятельностной амбивалентной природой. С одной стороны, социальная адаптация стимулирует выработку новых форм состояния социальной среды и человека, как ответ на социальные вызовы времени. С другой стороны, - стремление к новизне вызывает состояние деструктуризации, порождая новые проблемы и противоречия.

2. Методологическая программа исследований социальной адаптации имплицитно определена тремя основными моментами:

1) Социальная адаптация – это всегда своеобразное отношение человека и социальной среды, направленное на разрешение возникающих между ними противоречий и представляющее элемент диалектического механизма в развитии упорядоченности социальной системы.

2) Экспликация социальной адаптации предполагает движение в направлении комплексного изучения ее статических и динамических характеристик с позиции макро-и микро-анализа. Статистически – это место или событие, связанное с кардинальными (макро-анализ) или локальными (микро-анализ) преобразованиями окружающего мира и человека; динамически – процесс

перехода, приобретения нового качества, сущности. Динамические и статические характеристики социальной адаптации опосредованы как ментальными особенностями субъектов адаптации, так и отдельными составляющими, компонентами и детерминантами, характеризующие своеобразие фаз адаптации, ее стадий и этапов.

3) Важнейшими ментальными характеристиками адаптирующегося субъекта являются особенности сознания и самосознания, степень развития процессов саморегуляции, самоконтроля и самооценки. Это в значительной степени связано с тем, что сам процесс социальной адаптации обеспечивается сложной многоуровневой функциональной системой, представляющей различные типы детерминаций и взаимосвязей внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов. В их основе лежит динамически-деятельностное многофазное «развертывание» личности – особый тип последовательных субъект-объектных преобразований в пределах индивидуально «очерченного» диапазона изменчивости, заданного как личностными особенностями, так и требованиями конкретной социальной среды. Функциональная система адаптации динамически развивается и усложняется со временем, задействуя все более эффективные и совершенные механизмы поддержания равновесия в триаде «человек - социальная среда - природа».

3. Сложная, многокомпонентная структура социальной адаптации обуславливает необходимость применения системного подхода к ее изучению. Сущностными характеристиками социальной адаптации с позиции системно-структурного анализа являются: уровневость, субъективность-объективность и степень обобщения, определяющие три подструктуры социального адаптационного процесса: иерархическую (соответствует уровню организации и развития субъекта), координационную (оценивает индивидуальную вариативность адаптационных реакций и соотносит их с объективными законами развития социальной и природной среды), обобщающую (позволяет выделить общее, особенное и единичное в структуре адаптационного процесса).

4. Общими системными атрибутами процесса социальной адаптации являются: проблемная социальная ситуация, актуализирующая адаптационный процесс, адаптационные ресурсы (имеющиеся, достаточные и необходимые) для ее разрешения, социальные отношения, возникающие в процессе разрешения личностью противоречия, принимающие форму адаптационных стратегий, и результат адаптации, выражающийся в социальной адаптированности или дезадаптированности индивида.

5. Основные методологические точки исследования социальной адаптации концептуально можно отразить в следующей схеме: деятельностный подход – субъектно-деятельностный подход, личностно-динамический аспект субъектно-деятельностного подхода – принцип включенности личности. Принцип включенности является ведущей системообразующей детерминантой в исследовании социальной адаптации, позволяющим этому процессу выступать в качестве фактора и самоорганизации, и самовыражения личности в процессе активного преодоления и разрешения человеком различных социальных противоречий.

6. Социальная адаптация выполняет функции организации и развития человека как субъекта общественных отношений, как субъекта деятельности, являясь «буферным» механизмом, системой сдержек и противовесов, определяющей такой вариант жизнедеятельности, при котором человек находит соотношение между степенью приспособления к социуму и степенью своей автономности, как способности противостоять общественному давлению. Это отражается в модели развития человека как субъекта труда, основанной на спецификации каждой стадии этого развития через определение ведущей стратегии жизнедеятельности, детерминированной совокупностью субъективно-значимых отношений человека и совокупностью способов реализации этих отношений.

1.3 Понятие социальной дезадаптации и проблемы ее исследования.

Феномен социальной дезадаптации достаточно хорошо исследован в социологической, психологической, педагогической отраслях знания, которые собственно и задают его различные смыслы. Свидетельством недостаточности философской проработки данного феномена является отсутствие глубоких научных обобщений и онтологической определенности социальной дезадаптации.

На наш взгляд, есть несколько причин, препятствующих глубокому социально-философскому осмыслению явления дезадаптации.

Во-первых, они связаны с семантической путаницей, с тем, что изначально родственное дезадаптации понятие «адаптация» предполагает нечто негативное, отрицательное. В обыденном представлении адаптироваться – значит «ломать себя», преодолевать проблему. Адаптироваться – значит искать выход из трудного положения. У многих ученых термин «адаптация» тесно ассоциируется с патологией или болезнью, в связи с чем изучение «дезадаптации» как таковой теряет для них всяческий смысл [10; 24; 190]. Этот мыслительный и образный стереотип сознания накладывает рамки ограничения на развитие исследований социального дезадаптационного процесса, который имеет свои собственные основания и специфику, отличную от адаптационного процесса, а потому может быть рассмотрен как самостоятельный объект исследования.

Обычно «дезадаптация» антиномически противопоставляется «адаптации». Иногда о дезадаптации мы говорим «постфактум», когда получен результат некоторой деятельности, и он не удовлетворяет необходимым критериям, не является желаемым результатом, удовлетворяющим потребности личности, либо не соответствует объективным критериям и требованиям социальной среды

Фундаментальности проработки термина «дезадаптация» также мешает его понимание как проблемы или болезненного, фрустрирующего личность симптома. В этом отношении ученые даже не говорят о дезадаптации, а лишь о

нарушении адаптационного процесса, которое нуждается в устранении и коррекции. Чаще всего подобное нарушение фиксируется после специальной диагностики. Как правило, «диагнозом» все и заканчивается. Не вдаваясь в суть процесса, ученые ищут пути устранения дискомфорта, мешающего благополучному существованию индивида состояния. Исследуются факторы, причины, условия, которые «провоцируют» данное состояние, а сама суть этого процесса упускается, оставаясь за гранью интереса исследователей [22; 48; 62; 95].

Третья причина тесно связана со второй. Разница лишь в том, что в предыдущем случае, мы сначала диагностируем дезадаптацию, а потом ищем пути ее устранения. Здесь же все с точностью наоборот: мы ищем возможные причины не успешности, снижения эффективности деятельности личности, ее ошибок и т.д. и как бы «случайно» среди этих причин выделяем дезадаптацию. Причем, многие ученые психологи, педагоги, занимающиеся подобной проблемой, не используют термин «дезадаптация» для ее описания. Чаще всего употребляются понятия: «внутриличностный конфликт», «стресс», «фрустрация» и т. п. [7; 131]. В этом аспекте дезадаптацию можно определить как дефицит личностных ресурсов, который является причиной рассогласования целей деятельности личности и ее результатов, или же несоответствия личностных затрат и полученных результатов, что ведет к хаотичному поиску решения проблемной ситуации или уходу от решения данной жизненной задачи.

Четвертая причина достаточно слабой проработанности сущности социальной дезадаптации в социально-философском аспекте связана со слабой научной осознанностью понимания важности и сложности проблемы дезадаптации на социальном уровне. В современной науке спекуляция понятиями и терминами – довольно распространенное явление, а дезадаптация является достаточно «удобным» конструктом для объяснения любых деструктивных проявлений, неадекватных и противозаконных паттернов поведения человека. Когда представляется трудным объяснить причину того или иного явления, очень

удобно пользоваться сложившимися стереотипными (даже в науке) клише, которые помогают в интерпретации таких явлений. Ребенок с капризничает и не хочет идти в школу – это дезадаптация. Человек не может справиться с трудностями – дезадаптация. Проблемы на работе – дезадаптация и т.п. Даже локальные и масштабные конфликты мы зачастую сейчас объясняем этим явлением, не вдаваясь в его суть, которая за ним стоит. Точно также происходит при попытке объяснить любые непонятные, сложные явления общественной жизни, которые трудно поддаются оценке и осмыслению в привычных, знакомых философских или других научных категориях [18; 70; 135].

Попытаемся выделить некоторые общие аспекты и особенности социальной дезадаптации, отражающие ее суть, и которые могут послужить опорой для построения методологических векторов ее исследования.

Первый такой аспект связан с уровнями исследования социальной дезадаптации, которая как и социальная адаптация может осмысливаться на макро-уровне, охватывающим широкомасштабную адаптивную деятельность людей и микро-уровне, связанном с индивидуальной организацией жизнедеятельности личности.

Если анализировать социальную дезадаптацию в широком аспекте, то можно обнаружить, что данная проблема для общества актуальна практически всегда, поскольку связана с активной преобразующей деятельностью людей, являющейся основой эволюции и развития общества. Подобная активность, вызывающая естественные, а также сознательно продуцируемые изменения, а также объективные изменения природной окружающей среды, могут порождать массовые дезадаптивные состояния. Даже в относительно «спокойные» периоды развития человечества, в периоды природного затишья и гомеостаза в окружающей среде, можно наблюдать массовые социальные катаклизмы, нарушающие равномерность общественного развития.

Человек по своей природе консервативен, и хотя и нельзя проводить подобную аналогию, но общество состоит из людей, а значит, оно тоже, в

определенном роде, консервативно. С одной стороны, оно развивается, с другой – сопротивляется изменениям, стремясь сохранять относительную стабильность и постоянство, свою внутреннюю определенность. Это проявляется, в том числе, в складывающихся инертных, стереотипных моделях социализации, которые при определенных исторических обстоятельствах могут служить причиной массовой дезадаптации.

В этом отношении нельзя не обратиться к советской эпохе, что активно и практикуют современные исследователи проблем социальной адаптации. Период в несколько десятилетий сформировал устойчивые мировоззренческие стереотипы в сознании россиян, у многих из которых при наступлении резких изменений, произошла болезненная ломка сложившихся мыслительных и поведенческих паттернов, и потому к новым жизненным обстоятельствам они оказались не готовы ни идейно, ни деятельностно [65].

Еще одним показательным примером массовой социальной дезадаптации является неготовность многих россиян к новым информационным изменениям и переходу человечества на цифровой виток своего развития [192]. Здесь, по нашему мнению, сыграл свою роль фактор «внезапности», поскольку изменения, которые наступили вслед за советской эпохой, произошли слишком быстро. Россияне были лишены возможности «передышки». Некоторые, так и не адаптировавшись к внезапной свободе, которая повлекла за собой вседозволенность, хаос, анархию, испытали колоссальные трудности и большую адаптивную нагрузку от социально-информационных изменений. На современном этапе развития российского общества данные трудности усложнились экономическим кризисом, безработицей, бедностью.

Следует отметить, что причиной социальной дезадаптации могут послужить не только отрицательные, но и положительные факторы. Таковыми могут служить, например, экономический подъем, относительная стабильность общественного развития. Проблема заключается в том, что многие испытывают значительный дефицит адаптационных ресурсов и в благоприятные для социума

периоды развития. Симптоматически это выражается в ценностной депривации, дезорганизации, потерянности [61].

Следует отметить, что многочисленные массовые беспорядки, девиантное и делинквентное поведение, преступность – эти формы проявления дезадаптации универсальны во все времена [140].

Рассмотрим понятие социальной дезадаптации с позиции микро-анализа. С точки зрения данного подхода можно выделить множество различных форм, «ипостасей» социальной дезадаптации. Ее основные смыслы и трактовки были нами синтезированы, обобщены, на основании чего было выделено несколько аспектов, которые и будут рассмотрены.

В современных исследованиях социальная дезадаптация выступает в двух основных значениях: как процесс, который протекает самостоятельно и имеет свои особенности, и как некоторый результат адаптационной активности индивида, чаще всего не удовлетворяющий либо ожиданиям личности, либо требованиям социальной среды.

Социальная дезадаптация как конечный результат адаптивной активности также рассматривается в нескольких смыслах. Их множественность обусловлена относительностью критериев успешности такой активности. Основная трудность связана с тем, что субъективно человек может быть удовлетворен результатом собственной адаптации, а объективно считаться дезадаптантом и наоборот.

Проблема поиска и определения критериев успешности адаптационного процесса – одна из главных и трудноразрешимых задач современной адаптационной теории, которая все больше превращается в прикладную задачу, которая требует осмысления в каждой конкретной ситуации [10].

Социальная дезадаптация как результат определенной активности индивида чаще всего определяется как нарушение на одном из трех или на всех уровнях организации человеческой активности: собственно поведенческом, эмоциональном, когнитивном. Это могут быть нарушения различного уровня: от специфических внутренних деформаций до серьезных деменций и расстройств

личности. Причинами подобных личностных расстройств могут быть самые разнообразные факторы, наиболее общим из которых является изменение привычного стабильного образа жизни индивида вследствие объективных или субъективных обстоятельств. Социальная дезадаптация – это следствие неприятия этих изменений, в силу того, что человек не хочет, не может их принять, либо у него недостаточно адаптивных возможностей для того, чтобы гибко отреагировать на новые жизненные обстоятельства, они отсутствуют вовсе, либо недостаточно развиты. Другой причиной может служить неправильный выбор адаптивной стратегии, которая не соответствует адаптивной ситуации. Еще одна причина дезадаптации – неверная, неадекватная оценка самой проблемной ситуации, которая может не соответствовать реальности.

Наиболее часто нарушения адаптации встречаются у учащихся в период окончания или начала обучения и перехода на другие этапы [42; 252]; мигранты и лица, по каким-либо причинам покинувшие место проживания и сменившие социокультурные условия [147]; старшее поколение, представители которого в силу возрастных особенностей не могут гибко и быстро реагировать на резкое изменение жизненных обстоятельств [233]; люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию в силу обстоятельств непреодолимой силы [80] и т.п.

Наиболее распространенными «симптомами» дезадаптации являются апатия, неорганизованное поведение, бессонница, ценностная дезориентация, общее внутреннее психоэмоциональное напряжение [312].

Социальная дезадаптация как процесс, имеющий свое начало и завершение, рассматривается в основном психологическими и психиатрическими науками. Речь идет о болезни в разных формах ее проявления: от легких латентных признаков до тяжелых патологий и поведенческих нарушений [224, с. 60-68].

Одним из главных социальных симптомов дезадаптации является нарушение процесса социализации личности, когда наблюдается разрыв и дистанцированность от общества, неспособность человека «вписаться» в данное общество, стать его полноправным и полноценным членом, невозможность

построения социальных отношений и невозможность или ограниченность включения в общественную практическую деятельность.

Еще один аспект исследований дезадаптации связан с ее пониманием как творческого процесса, продуцирующего инновационные изменения. Здесь дезадаптация может быть осмыслена с точки зрения двух позиций.

В некоторых источниках [215; 285] она понимается как характеристика особого жизненного пути личности, кардинально отличающегося от жизненных траекторий других людей. Это характеристика креативных способностей, самобытных особенностей, непохожести человека на других. Чаще всего это трагедия «маленьких» людей, замкнутых меланхоликов, тихих личностей, погруженных в свой собственный внутренний мир, ограждающий их от мира внешнего, так не похожего на их собственный. Их удел – притвориться или отгородиться, интуитивно подстроиться или обособиться. В социуме они слышат «странными», «сумасшедшими», «отрешенными». При этом частный, индивидуальный мир личности и мир социальной среды не просто далеки друг от друга, - они враждебны.

Такие люди могут всю жизнь прожить в своем «футляре», так и не найдя понимания во внешней социальной среде. Они могут всю жизнь осознанно или бессознательно «бороться» с ней, так и не достигнуты результата, а затем бесследно и тихо исчезнуть. Парадокс заключается в том, что признание может настичь их уже после смерти, когда общество, будто опомнившись и оценив по заслугам, признав результаты их деятельности «прорывами» в науке и открытиями, возвысит их до звания гения или героя.

Следующий момент понимания сущности социальной дезадаптации, как некоторого творческого личностного начала, имеет свои основания в теории самоорганизации развивающейся материи, и это расширяет уже существующие границы методологии ее исследований [23; 51].

В этом отношении мы не можем не затронуть системный подход и его положение о том, и общество, и личность, являются открытыми

самоорганизующимися системами. Однако, это не значит, что социальная система приспосабливается только к изменениям внешней среды. Она приспосабливается к собственным особенностям, растущим возможностям, последствиям человеческой активности, и это приспособление иногда имеет большее значение для развития системы в целом [109]. Данный тезис лежит в основе синергетической парадигмы устойчивого неравновесия, когда в область внимания ученых попадают именно антропогенные кризисы, которые характерны для нашей нестабильной эпохи [242].

Человек как сознательное, разумное и деятельное существо благодаря целенаправленной деятельности, связанной с удовлетворением растущих потребностей, способен изменять уже существующие в обществе траектории и формы адаптации. При этом уровень преобразующей активности может быть высок настолько, что приводит к перестройке, ломке, пересмотру уже заданных траекторий и программ адаптации.

В отличие от других живых существ, человек способен перепрограммировать свои собственные основания, и эта способность позволяет ему выступать не только простым исполнителем уже заданных социумом адаптационных программ, но придумывать и реализовывать новые программы адаптивных действий. При этом человек выступает создателем, революционером, новатором, творцом принципиально нового [110; 164, 128].

Эволюция человеческого общества, процесс создания и развития материальной и духовной культуры – это, по сути, процесс реализации деятельно-творческого, креативного отношения человека к окружающей действительности, что выражается в формировании принципиально новых форм человеческой активности и продуктов этого труда.

Общество в известной степени консервативно, однако в истории его существования можно выделить точки «бифуркации», которые являются следствием бурного общественного резонанса, расшатывающего традиционные, стереотипные основы общественной системы [51]. Это относится, прежде всего, к

социальным революциям и общественным «взрывам», которые влекут переворот во всех сферах жизнедеятельности общества: в экономике, политике, культуре и искусстве (в виде создания принципиально новых парадигм, направлений, стилей), в науке (прорывы научной мысли в построении картин мира, открытии новых критериев научного познания).

А теперь уместно задать вопрос: если инициатором социальной «революции» является конкретный человек, то можно ли оценить его деятельность как адаптивную? Безусловно, с точки зрения общества, он будет дезадаптивен, поскольку социальная среда, стремясь сохранить свою стабильность, будет отвергать любые новшества, любые изменения на данном, первоначальном этапе «революции». Далее оценка деятельности такого индивида будет проходить стандартно в соответствии с веками укоренившимся оценочным циклом, который начинается с витка под названием «этого не может быть никогда, потому что не может быть в принципе» через: «возможно, в этом что-то есть» и до: «только так и может быть». Всегда на начальном этапе изменений общество отвергает любые инновации, однако, проходит время и признание настигает революционеров, чаще всего, посмертно. Парадокс заключается в том, что социальный вердикт: «дезадаптация» сменится на противоположный, а сами «революционеры» и их оппозиция поменяются местами лишь подтверждая свойство относительности адаптивных критериев. Не способные приспособиться к новым веяниям эпохи будут признаны дезадаптивными, ретроградами, консерваторами. Подобным образом новая самоорганизующаяся социальная система будет проводить естественный отбор, стремясь опять найти точку равновесия и установить относительную стабильность своего существования.

Попытаемся объяснить описанные процесс с точки зрения системного подхода

Общество как социальная система состоит из множества социальных элементов – подсистем. Это люди, социальные институты, социальные образования и т. п. Целостность, жизнестойкость и адаптивность поддерживается

на двух уровнях: индивидуальном (личностном) и социальном (групповом). Человек, как элемент общественной системы, с помощью своей интеллектуальной, творческой деятельности является «двигателем», источником движения и развития общества. Со своей стороны общественная система вырабатывает нормы, правила, законы, которые организуют человеческую активность, придают ей общественную ценность и значимость. Формирующаяся в обществе идеология выполняет функцию объединения и целостности взаимодействия людей, превращая это взаимодействие в единство, объединенное общей целью [199].

Человек и общество – две взаимосвязанные, взаимообусловленные социальные системы, которые в процессе своего исторического развития, в ходе совместной практической деятельности оказывают постоянное воздействие друг на друга. В результате многочисленных взаимодействий общество приобретает свойство целостности, а также характеристики, которых нет у включенных в данное общество элементов, если рассматривать их по отдельности. Социальное бытие выстраивается из суммы взаимосвязанных социальных интеракций, а сама общественная структура, представляя собой единую совокупность элементов ее наполняющих, функционирует по своим правилам и законам. Подобная внутренняя само регуляция очень важна для поддержания равновесия внутри самой общественной системы, для координации и согласованного взаимодействия элементов внутри нее [201].

В ходе исторического развития изменяется внешняя среда, приобретая новые качества и свойства, меняется и социум, внутренняя структура, характеристики, обнаруживаются новые эффекты его организации и самоорганизации [225].

Процесс адаптации общественной системы к природной среде основан на преодолении противоречий внешнего характера. Успешность адаптации определяется совокупностью качеств и свойств социальной системы, необходимых и достаточных для преодоления возникающих противоречий.

Одним из важнейших свойств является открытость общественной системы и ее способность гибко принимать и реагировать на внешние изменения природной среды. Другим адаптивным механизмом является закрытость социальной системы, которая, наоборот, позволяет избегать негативных воздействий, не допуская их влияния на жизнедеятельность общества [265].

Противоречия внутреннего плана возникают, как уже было сказано, вследствие человеческой активности, направленной на изменение существующих в обществе норм, правил, ценностей и т. п. В этом случае, для того, чтобы противоречие было разрешено, и общественная система вновь обрела стабильность, согласно теории самоорганизации социальных систем, необходимо найти новые такие способы и средства поддержания внутреннего гомеостаза. Данный процесс осуществляется на основе принципа прямой и обратной связи в системе.

Для человека как для открытой социальной системы адаптационная деятельность является организующей и структурообразующей его поведение. При этом такая адаптационная деятельность предполагает пассивное подчинение требованиям среды – это необходимо для физического существования и для защиты от негативных воздействий. С другой стороны, сам человек является источником нарушений стабильного существования общества, когда проявляет активность, направленную на «подчинение» социума себе, адаптируя среду под свои индивидуальные особенности, цели, потребности. Общество будет реагировать на нарушающую его стабильность личностную активность на основе принципа обратной связи. Между человеком и социальной средой будет формироваться взаимодействие, отношение, имеющее специфический характер и направленное на разрешение возникающих между ними противоречий и восстановление равновесия внутри социальной системы

Следующий момент понимания сути социальной дезадаптации связан с процессами развития и саморазвития личности. Наиболее ярким представителем

данного направления является В. А. Петровский - разработчик теории развивающейся личности (1992-1996 гг.) [198, с. 24-30].

Ученый описывает не социальную дезадаптацию, а феномен неадаптивности, который он понимает как «состояние активности; характеристика тенденции соответствия или несоответствия между целями и достигаемыми результатами активности человека. Адаптивность выражается в согласовании, а неадаптивность - в рассогласовании целей и результатов деятельности. Неадаптивность может указывать на противоречивые отношения между намерениями человека и его деяниями, замыслом и воплощением, побуждением к действию и его итогами».

Данные противоречия – источник развития, они неизбежны в жизни человека. «Вследствие этого неизбежен и неустраним источник движения человеческой жизни, витальных отношений человека с миром, предметной деятельности, общения, саморефлексии» [198, с. 30-39].

Автором подчеркивается, что препятствие или проблема, встающая перед человеком, стимулирует когнитивные процессы, развивает мышление, внимание, память, а также побуждает к дополнительной активности в направлении разрешения противоречия. Подобная активность определяется автором как надситуативная. В некоторых случаях не предрешенный исход ситуации субъективно привлекателен для человека. Психологически это объяснимо с точки зрения гештальт-психологии: человек всегда стремится завершить «гештальт» для того, чтобы почувствовать психологический комфорт и удовлетворенность.

По мнению В.А. Петровского «предметом влечения субъекта становятся граница между противоположными исходами действия, сама возможность взаимоисключающих исходов. Влечение к этой границе входит в состав сложных форм мотивации поведения: в сфере познания (здесь притягательна граница между известным и неизведанным), творчества (граница между возможным и невозможным), риска (граница между благополучием и угрозой существованию), игры (граница между воображаемым и реальным), доверительных контактов

между людьми (граница между открытостью другим людям и защищенностью от них)» и т.п.

По мнению ученого, теоретически могут быть выделены два варианта рассогласования цели и результата активности.

В одном случае человек достигает результата, меньшего, чем были его ожидания, либо совсем не достигает поставленной цели. В этом случае наиболее эффективным действием будет продолжение активности в заданном направлении с изменением стратегии и способов деятельности. В другом случае человек может достигнуть большего, чем он ожидал, и такой избыточный результат может служить причиной активности, избыточной по отношению к решаемой проблеме [198, с. 39-51].

В любом из случаев, происходит анализ ситуации в целом и ее результата: «действие распространяется на анализ проблемной ситуации в целом (возникает вопрос «Что представляет собой этот класс задач?»), пробуждается саморефлексия («Что я могу?», «На что я способен?»), рождается стремление сделать найденное решение достоянием других людей («Смотрите! Вот что здесь есть!»)».

Единственное, на наш взгляд, серьезное упущение автора в том, что он рассматривает лишь случаи несовпадения цели и результата. А ведь возможна ситуация, при которой и цель достигнута, и нужный результат получен, но человека субъективно он не удовлетворяет, либо он недоволен способами, которые использовались для достижения этого результата. В итоге, сам человек, при достижении положительного результата, чувствует себя неадаптивным.

Более того, достижение цели также может стимулировать «надситуативную» активность человека, побуждать его продолжить деятельность ради достижения большего результата. Вдохновленный успехом, человек способен на многое.

Есть и еще один момент, который не учитывается А.В. Петровским. Он связан с тем, что не всегда не предрешенный исход или отрицательный результат

активности человека, побуждает его на преодоление трудностей и поиск выхода из сложившейся ситуации. Человек может просто «опустить» руки (что чаще всего и наблюдается у современных представителей человеческого сообщества), занять пассивную позицию, начать отрицать наличие проблемы как таковой, пробовать переложить ответственность на другого и т. п., что является дезадаптивными стратегиями поведения личности.

Следует отметить, что, несмотря на принципиальную обратимость, социальная дезадаптированность нередко может принимать затяжную форму, влияющую на весь образ жизни субъекта, а также приводить к деструктивности, отклоняющемуся преступному поведению в массовых масштабах. В этом отношении, можно выделить несколько животрепещущих проблем, по сути, являющимися тяжелыми формами дезадаптации, чрезвычайно болезненными, нуждающимися в постоянном контроле, коррекции, устранении во все периоды развития общества.

Мы остановимся на «крайних», в некотором смысле, полярных, но имеющих много общих оснований, дезадаптационных явлениях: самоубийстве и терроризме. Основной акцент будет сделан на исследовании суицидального поведения.

Под терроризмом будет пониматься не столько антисоциальное поведение в его юридическом смысле, связанное с идеологической и психиатрической подоплекой (хотя и этот аспект совсем упущен не будет), сколько массовое уничтожение людей по «личным» мотивам, напрямую не связанными с политическими амбициями. В этих двух, на первый взгляд, разных социальных деструкциях, очень много общих черт и оснований.

Итогом обобщенного теоретического анализа этих форм поведения будет социально-философское определение социальной дезадаптации, и также выделение ее основных признаков.

Следует отметить, что в настоящее время в России по данным социологических исследований, количество дезадаптивных граждан составляет

около 5—6 миллионов (в том числе детей и подростков, но исключая престарелых, слабоумных и психически больных людей). Это значение было взято из анализа совершения правонарушений и других форм антиобщественной деятельности. Если к этой цифре прибавить 4,8 миллионов людей — число, на которое население России сократилось за последние пять лет, то картина получается весьма неутешительная [43].

Самоубийство как социальное явление, деструктивное и подрывающее основы эффективного самовоспроизводства общества, наиболее обстоятельно было описано Э. Дюркгеймом. Им же было дано классическое его истолкование в контексте адаптационной парадигмы, как ответ на потерю привычного образа жизни, невозможности адаптироваться к новым социальным условиям [90]. Безусловно, сегодня подобное определение нуждается в уточнении и дополнении, более того, оно нуждается в уточнении и дополнении и применительно к специфике социокультурных условий, традиций, обычаев, особенностей образа жизни тех или иных слоев населения. Несомненно, это проблема и экзистенциального существования индивида, и проблема общества, которое оказывается неспособным в нужное время проявить необходимое воздействие на человека, и проблема политического, и экономического и культурного и религиозного и многих других аспектов жизнедеятельности человека.

Следует отметить, что существует как минимум две формы самоубийства: массовая и индивидуальная. И в том и другом случае причиной являются идеологические и мировоззренческие установки, формирующие особое экзистенциальное состояние, деформирующее инстинкт самосохранения людей. Это нарушение равновесия, баланса между биологической природой человека и его социальной сущностью. Причинами подобной деформации могут быть как целенаправленные манипуляции сознанием субъекта, которые подталкивают его «преступить черту», так и вполне самостоятельно принятые решения. При этом результирующим этапом подобных изменений сознания и самосознания

становится не столько кардинальное переосмысление и переоценка человеком смысла жизни, сколько изменение отношения к смерти [159].

Автором не ставится специальная задача исторического исследования возникновения суицида, однако некоторые моменты заслуживают внимания. Первое историческое упоминание о массовых самоубийствах, а, точнее, о добровольном объединении смертопоклонников относится к первому столетию до христианской эры, когда легендарные влюбленные Антоний и Клеопатра создали «Академию не расстающихся в смерти» - для тех, кто «захочет умереть вместе: тихо, светло и тогда, когда пожелают» [283]. Как известно данное романтическое начинание закончилось не вполне идиллически, поскольку в решающий момент великая царица предпочла расстаться с побежденным Антонием и попыталась сохранить себе жизнь. Позднее Клеопатра все-таки наложила на себя руки, проявив незаурядность, достойную античности: долго выбирала наилучший способ самоубийства, испытывая на рабах всевозможные яды, и, наконец, предпочла укус египетской кобры, не вызывающий практически никаких неприятных ощущений. Эта легенда, пройдя длинный исторический путь, неоднократно воспроизводившаяся не только в книгах, но и на экранах, до сих пор будоражит умы человечества.

Естественно, непросвещенная, мифологизированная эпоха, с ее идеологически возвышенным отношением к себе, природе, Богам во многом объясняет явление самоубийства с точки зрения заключительного акта демонстрации собственного превосходства, самоутверждения, гипертрофированного и удовлетворяющего иллюзии доказательства силы и могущества, не смотря на унижительную реальность. Большинство людей той эпохи одобряло и поддерживало суицид, как явление, возвеличивающее сущность человека.

Христианский мир также знает варианты позитивного, либо терпимого отношения к суициду. Достаточно вспомнить эссе «О самоубийстве» Д. Юма [290], защиту права на самоубийство Руссо, Монтенем, Гете и др. Суицид

оценивался и, по некоторым официально не подтвержденным данным, продолжает оцениваться не только позитивно, но и приобретая эффект эстетизации в ритуальных формах «Харакири» и «Сати» в Японии и Индии. В японской культуре до сих пор «попасть в унижительное или постыдное положение», потерять честь считается самым тяжким смертным грехом, искупить который может только лишение себя жизни [142].

Как ни парадоксально, именно просвещенный XIX век стал эпохой невиданной организации и расцвета клуба самоубийц. Впервые они сформировались в 1802 г. в послереволюционном Париже, затем в Берлине, а немного позднее клубы смертников перестали быть чем-то экзотическим и превратились едва ли не в обязательный атрибут крупных европейских городов, своего рода, феномен культуры, вид искусства [186]. Мода на суициды, подкрепленная неадекватным выбором стратегии самореализации в соответствующей общественной среде, породила гипертрофированную мотивацию к самоуничтожению. В нашей стране решающим фактором, многократно усиливающим подобные дезадаптационные стратегии, оказался ужесточенный политический и идеологический режим, в рамках которого эти формы поведения часто являлись крайним закамуфлированным выражением нигилизма, борьбы, протестом против враждебной, непонятной социальной действительности, которую было трудно внутренне принять и адаптироваться к ней.

В соответствие с особенностями эпохи начала XX века реакция российского общества во главе с монархом носила, скорее, превентивный, нежели системный характер борьбы с подобными умонастроениями [186]. Истинные мотивы пристального внимания властей к суициду носили меркантильно-политический характер: ограничить личностную свободу, в том числе свободу распоряжаться собственной жизнью, поскольку только высшей власти (светской, религиозной) дозволено вершить судьбами представителей своего народа. Конечно, весь высший управленческий аппарат России конца XIX, начала XX века беспокоился

не о реальной угрозе социального и культурного «обнищания» страны, а о собственном благополучии, базирующемся на пресекании любых попыток расшатывания его авторитета. И хотя принимались соответствующие законы, они были малоэффективны, поскольку в большинстве случаев политические мотивы массовых самоубийств имели в своей основе глубоко личностную трагическую подоплеку. Такова судьба, например, молодых литераторов того времени: 27-летнего В. Гофмана, 33-летнего В. Комаровского, 22-летней Н. Львовой, 32-летнего И. Игнатъева и др. (и это только за 1907-1914 гг.) Суицидное течение в студенческой среде связывалось с именем А. Добролюбова, а во всероссийском масштабе духовным вождем самоубийц был Л. Андреев.

Или еще один факт, на котором невозможно не остановится в силу иллюстративности данного аспекта суицидологии как особо важного.

На самом деле, клубы самоубийств в начале двадцатого века в России чаще всего и вовсе не имели отношения к террористическим, социалистическим и анархическим течениям. Подобные организации способствовали поддержке гипертрофированного механизма адаптации и социализации индивидов, не способных приспособиться к существующей социальной реальности. Большинство «суицидников» - членов соответствующих клубов презирали любые социальные вопросы и не интересовались политикой. В частности в Петербурге, например, существовал клуб «Смертники» [13]. Организаторами таких сообществ были пресыщенные «дети» упаднической эпохи, манерные и чахлые, ищущие извращенных развлечений и привлекающие «неокрепшие» умы молодежи идеологической красотой и эстетизмом призывов к смерти. Существовали и другие виды мотивации организации подобных клубов: их лидерами были люди, удовлетворяющие свою потребность во власти через подчинение своей воле [13]. Мания величия и мессианский бред находили свое воплощение в возможности манипулирования судьбами других и таким образом получать внешнее подтверждение, осознавать сверх ценность собственной личности. Это был патологический механизм адаптации, способствующий иллюзии

самоутверждения. Чаще всего, лейтмотив массовых самоубийств лежал именно в этой плоскости.

Массовые самоубийства, на наш взгляд, – это деструктивный общественный феномен, подчиняющийся тем же законам, что и любое массовое явление. Это своеобразный «Эффект толпы», с характерными для него механизмами внушения, заражения, подражания: есть лидер, который пропагандирует утрированные суждения, часто не требующие логического анализа и рационального осмысливания, формируемые в виде постулатов, которые являются удобными для мозгового пищеварения людей, склонных к самоуничтожающему поведению. Под эфемерным влиянием подобных деструктивных теорий, становясь объектами манипулирования, жертвами подражания, фанатиками нравственного идиота, у людей запускался (в виде цепной реакции) зачастую до конца не осознаваемый механизм, подавляющий инстинкт самосохранения и способность к адаптации. К сожалению, клубы самоубийц существуют и в наше время. Большинство из них представляют собой хотя и виртуальные, но от того не менее опасные сообщества, кроме того, самоагрессию культивируют некоторые современные религиозные течения и секты.

Э. Дюркгейм видел основную причину суицидов в состоянии общественной аномии, которая представляет собой результат конфликта между всеми или какими-либо определенными общественными структурами, выражающийся в невозможности и неспособности человека достичь определяемых культурой целей законными, социально одобряемыми средствами и побуждении к поиску других, преимущественно, девиантных способов адаптации к окружающим реалиям [90]. В качестве примера можно привести волну самоубийств среди российских граждан – заемщиков различных банков, еще так недавно вызвавшую бурный общественный резонанс. Коммерческая свобода, утвердившаяся в российских законах и актах, позволяющая большинству категорий российских граждан удовлетворять свои потребности в благосостоянии, обернулась для многих лишь мимолетным иллюзорным ощущением счастья, за которое

последовала расплата ценой собственной жизни [119]. По большей части, на наш взгляд, дело здесь даже не в личностных характеристиках заемщиков (хотя они и играют не последнюю роль в трагедии), не в отсутствии необходимых качеств, влияющих на способность осознавать и принимать взвешенные решения, и нести ответственность за них. Дело, скорее, в том, что экономико-финансовый аппарат и законодательные органы власти отчетливо прописали механизмы и технологии удовлетворения потребности граждан в деньгах, однако не предусмотрели и не продумали механизмы расширения возможностей действий людей в случае наступления проблемных, кризисных случаев. Коррупция, жажда наживы, стремление получить выгоду во что бы то ни стало являются ценностями мировоззрения и деятельности солидного процента людей, в том числе приближенных к власти, живущих по принципу: «выживает сильнейший» (читай: «умный тот, кто сумел обмануть»). Именно поэтому, на наш взгляд, любые инновации, особенно внедряющиеся интенсивными темпами в нашу российскую жизнь, имеют массу тяжелейших побочных эффектов и последствий, которые можно было бы сгладить, предусмотрев и предварительно апробировав механизмы адаптации людей к самим нововведениям и их последствиям. Безусловно, что если бы россиянам вместе с предоставлением свободы в принятии решений, предварительно на понятном ребенку языке (российский менталитет!) разложили по полочкам все возможные последствия того или иного выбора, расширив резервы адаптации, то, вероятнее всего, ужасающие цифры статистики по самоубийствам уменьшились бы в ряды.

Итак, акт самоубийства обусловлен субъективными и объективными факторами. Внешнее окружение, особенно ближайшее социальное окружение, играет значимую роль в деформации мировоззрения и формировании установок человека к суициду. Недаром в 80-90-х гг. XX века учеными была признана несостоятельность психопатологической концепции суицидального поведения, согласно которой самоубийство – это всегда аутоагрессивный акт психически больного человека. Было доказано, что значительная часть самоубийств

совершается в результате социальной дезадаптации в условиях микро социального конфликта психологически здоровым человеком [300]. С нашей точки зрения, внутренние факторы, личностные особенности и склонности человека, играют роль благодатной почвы, на которую попадают зерна духовной скудности, убогости и многочисленных конфликтов, возникающих в нашей жизни. Симбиоз этих двух факторов играет роль детонатора, запускающего экзистенциальные механизмы личностного самоуничтожения, однако внутренние побудительные стимулы к суициду могут иметь значительные вариации. Это и непереносимость давления со стороны внешнего окружения (доведение до самоубийства); тяжелейший внутренний психологический дискомфорт, отчаяние; особое психотическое состояние, обусловленное «верой» (вера в будущее перерождение, в неоспоримость и правильность самоуничтожения и т.д.); стремление к демонстративному самовыражению, при этом сам трагический исход связан со случайной неосторожностью; исследовательский интерес («а что же там...?») и т. п.

Так или иначе, эта группа мотиваций связана с особым экзистенциальным состоянием сознания индивида, основанным на отношении к смерти, как единственному способу решения имеющихся проблем и «логически правильному» завершению жизни. Подобное состояние может быть следствием воспитания в духе ценностей определенной культуры, отрицающих саму возможность выбрать иной путь, кроме самоубийства, как высшей ценности, смысла человеческого существования (некоторые исламские группировки, религиозные секты), либо следствием социальной дезадаптации личности. При этом такая дезадаптация может проявляться на трех уровнях организации личности: когнитивном, эмоциональном и деятельностном. Трудно выделить первооснову, с которой начинаются изменения, поскольку все три уровня тесно взаимосвязаны. Нарушения могут возникать постепенно, изначально на каком-то одном из уровней, постепенно охватывая все сферы личности, либо

прогрессировать молниеносно (особенно среди детей старшего возраста и подростков) [300].

В психиатрической науке эти деформации описываются с точки зрения изменения в нейронных связях организма человека; в психологии - как снижение эффективности всех психологических функций, прежде всего, когнитивной сферы (ригидность мышления), порождающие сужение сознания и приводящие к деструктивным нарушениям в деятельности [145].

Так или иначе, причины, по которым в век относительного социального благополучия и технического развития у человека «ослабевает» инстинкт самосохранения, можно объединить в несколько групп.

Первая из них, - социальная. Социальные причины суицида впервые исследованы Э. Дюркгеймом. Они уходят своими корнями в изменения масштаба и характера взаимоотношений человека и общества [90]. Мир изменился, превратившись из привычного патриархального в урбанизированный и отчужденный, человек утратил контроль над своим непосредственным жизненным пространством, и потому любое потрясение, начиная от социальных катаклизмов и заканчивая изменением социального статуса, могут послужить толчком к суициду.

Следующая группа причин связана с особенностями духовной сферы жизни современного человека и, прежде всего, с нравственными трансформациями. Как ни парадоксально, но именно демократия, в том числе открывшая возможности выбора ценностных ориентиров в построении собственного жизненного пространства, во многом определила численность людей, склонных к аутоагрессии и задала параметры суицидального поведения современного общества [159]. В XX веке человечество пережило «переходный возраст со всеми приметами подросткового бунта – атеизмом, революциями, безумными социальными фантазиями. В почете стали не доброта, взаимовыручка, послушание и, а ум, дерзновение и самодостаточность». Если ранее, при догмате церковных канонов и заповедей, истинность и правильность которых не

подвергалась сомнению, мотивация поведения людей во многом определялась четкими инструкциями, подкрепленными верой и чувствами, то в нашу эпоху расцвета логики и разума, мы можем выбирать любую стратегию построения собственной деятельности, не цепляясь за четкие нравственные ориентиры.

Третья группа причин – психологические, главные, на наш взгляд.

Стремительный ритм изменений, способствующих технологическому прогрессу, помимо своих естественных и неоспоримых достоинств имеет ряд дефектов, связанных с уменьшением потребности человека в трудовой деятельности, а, точнее, с уменьшением желания прилагать какие-либо усилия по ее осуществлению. Это касается в равной степени, как физических усилий, так и душевных, психологических. Массовое потребительское отношение к окружающей природной среде, формировавшееся веками, опосредованное желанием человека облегчить свою жизнедеятельность, к настоящему времени привели к формированию феномена, который можно обозначить как общественная физическая и душевная лень. Этот феномен – следствие переложения собственных усилий на «другое» (камень, первые орудия труда, другие люди, машины и механизмы, компьютеры), постоянно модифицируясь в сторону усиления своих проявлений в процессе эволюции, к настоящему времени достиг, по нашему мнению, своих едва ли не абсолютных значений [192]. На заре зарождения человечества, «физическая лень» оправдывалась инстинктом самосохранения, стремлением выжить и продлить дни своего существования. Первобытные люди вынуждены были постоянно тренировать свои физические и интеллектуальные ресурсы, с тем, чтобы усилить собственные возможности для обеспечения собственной безопасности и минимального комфорта, и это было необходимым и оправданным. С все большей распространенностью интеллектуального труда, потребительские интересы постепенно сместились в сторону использования сначала чужих физических человеческих ресурсов (рабовладение), а затем интеллектуальных и духовных. Из века в век эта тенденция, набирая свою силу, достигла апогея сегодня, когда большинство

людей, живущих на Земле, руководствуются именно этой максимой: «лучше использовать чужой ресурс, чем задействовать свои собственные возможности». При этом, даже использование современных технических средств, аппаратов, механизмов и т. п. – есть не что иное, как пользование интеллектуальной деятельностью другого, во всяком случае, для большинства населения. По нашему мнению, многие сегодня не используют свои собственные ресурсы в силу исторически формировавшейся лени, генетически закрепившейся в сознании людей и передающейся из поколения в поколения на уровне бессознательного поведенческого стереотипа. Причем, существует множество причин, ее оправдывающих: недостаточность физических возможностей, «элитарность» происхождения и опосредованный этим снобизм; научно-технический прогресс и стремление к увеличению и расширению собственных возможностей в освоении действительности и т. п. [76]. Так или иначе, это привело к тому, что у человека сформировалась мировоззренческая и поведенческая установка прикладывать минимум самостоятельных усилий при осуществлении своей жизнедеятельности: искать способы достижения цели и решения разнообразных проблем, используя посредников в виде орудий, механизмов, других людей. В результате появляется неверие в свои силы и возможности, и, как следствие, вместо того, чтобы актуализировать, наращивать, развивать собственные внутренние ресурсы, мы очень часто обращаемся и прибегаем к помощи «других». Иными словами, по нашему мнению, в современном российском обществе растет тенденция к искоренению самостоятельности в поиске стратегий и способов адаптации в трудных жизненных ситуациях. Конечно, зачастую мы занимаемся самообманом, и вполне допускаем возможность разрешить проблему собственными силами, но тотчас ищем повод, чтобы этого избежать: тяжело, надоело, скучно, иногда мучительно, иногда больно. Сознательное переживание страдания или неудобства мы рассматриваем как жертву, которую приносить, естественно, не хотим, а стремимся сделать так, чтобы эту жертву приносили другие. Пусть другие меняются, пусть делают собственное поведение более удобным и приемлемым

для нас, пусть принимают наши взгляды, разделяют наши вкусы, делятся своими деньгами, способностями, свободным временем. Далеко за примерами ходить не надо: для многих проще занять, украсть, взять кредит, чем прилагать усилия, зарабатывать, копить. Проще дать взятку, написать шпаргалку, списать, чем выучить и сдать экзамен. Проще найти виновного в собственных неудачах и неуспехах, чем заниматься рефлексией, искать и анализировать собственные ошибки и учиться их исправлять и т. п.

Результатом подобной «беспомощности» становится не только физическая, но и нравственная, интеллектуальная, эмоциональная личностная деградация. Утрачиваются гибкость, вариативность мышления, утверждается однобокость, прямолинейность, подкрепленные присущим человеку консерватизмом, нежеланием что-либо менять, происходит сужение сознания и самосознания [178]. В итоге, в случае трудных жизненных ситуаций, когда требуется выбрать эффективную траекторию разрешения проблемы, основанную на актуализации и использовании собственных ресурсов, возможностей и способностей, а помощь со стороны невозможна, индивид оказывается в состоянии когнитивного, эмоционального и деятельностного тупика. Исход определен – суицид.

Можно рассматривать эту же проблему с несколько другим акцентом. По нашему мнению, современный человек, при всей динамичности и стремительности жизненных изменений, изнежен и разбалован. Это проявляется хотя бы в том, что нам, в отличие от родоплеменных сообществ не требуется добывать себе пропитание с помощью агрессивно-захватнических методов, зачастую стоящих нашим сородичам жизни. Потребности в комфорте, безопасности, отдыхе также удовлетворены у большинства на планете, по крайней мере у тех, кто каждый вечер спокойно ужинает перед телевизором, не боясь, что его могут внезапно этого ужина лишить. От этой уверенности, укоренявшейся веками, подкрепляемой все большей зависимостью от внешнего мира и внутренней иллюзией большей свободы выбора, происходит постепенное размягчение интеллекта, в перспективе грозящее его полной атрофией.

Это не значит, что раньше было меньше проблем и меньше стрессов, однако люди были психологически более выносливей и устойчивей, поскольку выживание требовало больших усилий, чем сейчас, и это делало жизнь более ценной, т.к. человеку свойственно дорожить тем, что дается с трудом.

По мере развития общества кривая суицида все время поднималась вверх, за исключением периодов тотальных и локальных ожесточенных конфликтов, революций, войн [13]. Это вполне объясняется тем, что в условиях реальной угрозы жизни и проявления агрессии по отношению к себе со стороны других, инстинкт самосохранения обостряется. Кроме того, постоянная борьба за выживание, страх смерти от руки другого, исключают саму возможность размышлений не только о суициде, но и общих вопросах бытия, и даже, если в прошлом человек когда-то задумывался об этом, то в условиях положения «жертвы», «живца», эти воспоминания трудно реанимировать. В этой связи поразительный факт: «в Освенциме уровень самоубийств среди охранников был в несколько раз выше, чем у заключенных» [261].

Итак, основной вывод подобных рассуждений: чем комфортнее, удобнее, безопаснее бытие человека, тем больше статистически диагностируется количество самоубийств в данном обществе, т.е. тем больше социально дезадаптированных людей. Технический и социальный прогресс, интеллектуальное и духовное развитие человечества по идее должны расширять возможности в индивида освоении окружающей действительности и его адаптации к ней, но, как ни парадоксально, ведут к энтропии, снижению рефлексивных механизмов интеллекта и «тепловой» смерти. Жизненный инстинкт за не востребованностью снижается до нулевой отметки; человек все больше стремится к совершенству, а совершенство, как известно, - это смерть. Недаром, профессии, требующие высоко развитого интеллекта (творческие работники, писатели, бизнесмены), относятся к профессиям высокого суицидального риска, что подтверждается соответствующей статистикой.

Еще одна крайне деструктивная дезадапционная форма человеческого поведения, которая воплощается в форме внешней агрессии по отношению к другим людям, обществу, государству, и значительно прогрессирующая в последнее время – терроризм.

Террор, как и суицид, явление не новое, но именно в XXI веке оно получило статус сложнейшего геополитического, социокультурного, социально-психологического, социально-философского феномена, который сегодня изучается на междисциплинарной основе. На сегодняшний день под терроризмом понимается особым образом организованное насилие, вид социального противодействия, которое по военно-политическим целям, средствам, способам и результатам воздействия является одной из форм ведения войны и представляет собой антиобщественную деятельность крайне агрессивных организованных, идеологически подготовленных субъектов и представляет собой целостную систему, где представлены экстремистские идеи и действия людей и соответствующих организаций [120]. В особую группу выделяются преступления с террористической направленностью. Подробности данного аспекта рассматриваемого вопроса будут упущены, как будет упущена его политическая подоплека. По нашему мнению терроризм – это любое явление, связанное с намерением и реальным осуществлением массового уничтожения людей. Кроме того, автора диссертации интересуют только те стороны проблемы, которые имеют непосредственное отношение к адаптационной проблематике и решению задач настоящего исследования. Поэтому терроризм, как и суицид, будет рассмотрен как явление, отражающее выражение крайней дезадапционной формы поведения индивида в обществе - попытки найти выход, используя деструктивные механизмы адаптации, поскольку общественно приемлемыми средствами достигнуть желаемого не удастся.

Безусловно, весь спектр мотиваций террора, весьма широк, так же, как и спектр его разновидностей. Рассмотрим такую форму проявления терроризма как массовые убийства, совершенные по личностным мотивам. Примерами могут

служить вопиющие случаи массовой агрессии (в том числе, с применением оружия) в школах, торговых центрах, в офисах и других общественных заведениях [149]. Причем одинаково сильное потрясение производит как сам факт преступления, так и личность преступника. Это относится, прежде всего, к половозрастным характеристикам: нередко агрессорами становятся подростки и дети среднего школьного возраста, к тому же среди них с равной частотой встречаются дети, как мужского пола, так и женского. Поражает возраст агрессоров – 12-17 лет, что в свою очередь, позволяет большинству в нем (в возрасте) видеть причины поведения, выпадающего за все нормы [149]. Наверное, поэтому сегодня, сочетание «трудный подросток», на наш взгляд, уже не содержит и намека на укоризну, а, скорее, имеет некоторую «оправдывающую» естественность: «Что поделаешь? Возраст...».

Причин совершения преступного агрессивного акта много, но в большинстве случаев в их основании лежит дезадаптационный синдром, опять же складывающийся из симбиоза внутренних и внешних факторов, доля которых одинакова. Не зря многие известные ученые нашей страны говорят о детях – преступниках, как о больных, но больных настолько, насколько поражено этой болезнью наше общество [237]. Насаждение и демонстрация агрессии как доминирующей формы любого вида интерактивного взаимодействия в большинстве сфер общественной жизни: от «большой» политики до единичных актов межличностной коммуникации, сегодня превращается в ведущий механизм самоутверждения современного подростка.

Но главное даже не в этом. Наше современное общество, отчаянно борющееся с агрессией и нетерпимостью, ратующее за толерантность и свободное волеизъявление, отстаивающее неприкосновенность и права каждого человека, привычно утратило чувство «меры» в погоне за отстаиванием ценности всякой личности. Крайнее выражение этого факта находит свое воплощение в ощущении вседозволенности и безграничной свободы. Известная же истина гласит, что когда свободы слишком много, чувство ответственности утрачивается. Оно

утрачивается у всех: и у правящей верхушки, и у рядовых граждан, следствием чего обычно является усиление тенденции махинаций этим ощущением. На практике это проявляется в том, что «чувство свободы» становится предметом торга и эффективным средством, используемым для достижения конкретных целей. Сегодня ценность человеческой личности возведена в ранг абсолютных, а потому любое покушение на эту ценность беспрецедентно и недопустимо: за нее будут бороться и отстаивать [120]. Подобное обстоятельство порождает и усиливает две тенденции в современном обществе: увеличение доли людей с манией величия и использование человеческой жизни в качестве предмета манипулирования.

Безусловно, личность террориста (любого возраста) глубоко патологична, но не всегда эта патология имеет в своей основе психиатрическое заболевание. Достаточно внимательно рассмотреть некоторые примеры недавних эксцессов, чтобы увидеть, что все действия преступников такого рода логично спланированы и рационально обдуманы. Это, скорее, социопат, акцентуированная личность, склонная к аффектации и истеричному поведению с непомерной гордыней и неудовлетворенным честолюбием; либо, наоборот, - это люди с заниженной самооценкой, склонные к депрессии и меланхолии, с экзистенциальным ощущением истощения жизненной силы и энергии. Впрочем, подобное ощущение характерно и для первого типа людей, которые переносят и проецируют внутреннюю неудовлетворенность и дискомфорт (в большинстве случаев неосознаваемые), во внешнюю среду [32].

Еще в 1917 г. в эссе «Скорбь и меланхолия» З. Фрейд [264] высказал предположение, что суицидальность – это переадресация агрессии с внешнего мира на себя. Почему бы не допустить возможность обратного влияния, тем более что свою мысль Фрейд так и «не доработал», объявив сформулированные положения об инстинкте смерти «биологической спекуляцией». Позднее американский психиатр Карл Меннингер все же сделал попытку довести до логического конца начинания Фрейда. Согласно автору, внешняя агрессия (месть)

является одним из трех компонентов суицидального поведения. Два остальных – вина (агрессия, направленная внутрь) и депрессия (желание умереть) [170].

Американские ученые Эндрю Генри и Джеймс Шорт пошли еще дальше и в 50-е годы XX века выдвинули гипотезу о связи уровня убийств и уровня самоубийств: когда в обществе уменьшается количество внешней агрессии, кривая суицида растет вверх. Объяснения ученых были аналогичны фрейдовскому с небольшим дополнением: в стабильном, хорошо организованном, демократичном и легитимном обществе агрессия, направленная вовне, не находит выхода и пере адресуется вовнутрь [280].

Однако мы считаем, что все же глубинной первопричиной внешнего агрессивного поведения является именно внутренняя неустроенность, психологический дискомфорт, личностная «драма», которые в явной или латентной форме сублимируются во враждебное отношение к внешнему миру. Здесь срабатывает инстинкт самосохранения, который вытесняет аутоагрессию на задворки бессознательного. Не нашедшая выхода энергия трансформируется вовне. Здесь же есть еще один момент: совершая агрессивный акт, по сути, являющийся преступлением против общества и предусматривающий достаточно суровое наказание, индивид тем самым опять же осознанно или на бессознательном уровне уничтожает себя, пренебрегая полноценной жизнью или собственной жизнью вообще (нередко в ходе спецопераций террорист погибает от руки правоохранительной системы государства). Возможны случаи, когда конечной целью является самоуничтожение, а теракт – это разработка выразительной мизансцены на пути достижения этой цели.

В любом случае, и агрессоры и аутоагрессоры - это глубоко несчастные личности, процесс развития и социализации которых протекал болезненно и трудно, с нарушениями усвоения необходимых ролевых функций для адекватного взаимоотношения с социальным окружением [32]. При изучении симптоматики данных состояний, становится очевидным социальная дезадаптированность таких индивидов, которая, по нашему мнению, проявляется в двух главных аспектах:

этическом нигилизме и утрате смысла жизни. Это одна из общих черт, роднящих внешнюю агрессию и суицид. Другая, как уже было сказано, заключается в том, что в обоих случаях, среди причин, обуславливающих оба эти явления, наблюдается паритет влияния внешнего окружения и генетико-индивидуальных факторов. Третий общий аспект провозглашает взаимообусловленность и взаимную детерминированность внешней агрессии и суицидальности. Еще один момент общности этих дезадаптационных форм поведения связан с генезисом их изучения и ранними попытками объяснить столь радикальные социальные aberrации психическими отклонениями в развитии человека. По нашему же мнению, в обоих случаях господствует идея гипертрофированного восприятия «исключительности» собственной личности, которая воплощается в индивидуальных дезадаптационных стратегиях поведения. И, наконец, главное, роднящее эти два явления, основание заключается в том, что и в первом, и во втором случае речь идет о социальных конфликтах, носящих характер субъект-объектных отношений индивида с социальной средой. Это формы девиантного поведения, демонстрирующие «акты очищения» социального организма. Как при суициде, так и при терроризме главная фигура, инициирующая последующие события – это личность, враждебно настроенная против общества и пытающаяся решить собственные проблемы, в первом случае, находя выход, в первую очередь, в самоуничтожении, отрицая собственную ценность, во втором, - отрицая ценность существования других.

Обобщая вышесказанное, социальной дезадаптации можно дать следующее определение - это конфронтационное, противоречивое отношение человека и социальной среды, в основе которого лежит деятельность (бездеятельность) по разрешению между ними противоречий, которая не соответствует общественно приемлемым и законным способам, принятым в данной социальной среде, что приводит к временной невозможности для индивида стать полноправным членом этой среды. Процесс социальной дезадаптации характеризуется отсутствием принципов гармонизации и пропорциональности в развитии человека,

обусловленным тем, что внутренняя движущая активность личности не соответствует или способностям, внутренним ресурсам человека, или требованиям социальной среды. Человека с подобным вариантом жизнедеятельности, выбирает пассивные стратегии совладения с трудной жизненной ситуацией, может предпочитать «уход» от проблем или решать их социально не одобряемым способом. Такую личность характеризует низкая мотивация к самореализации, страх неудач или, наоборот, высокий гипертрофированный уровень притязаний, что влечет за собой диспропорциональность, придающую поведению и жизненным проявлениям личности «обособленный» от общества, стихийный характер. При социальной дезадаптации неизбежно противоречивое отношение человека с социальной средой, причем, такие противоречия как минимум одной их сторон оцениваются и ощущаются как деструктивные, могут привести (в данный момент времени) к регрессу общества, личности или обоих субъектов конфликтных отношений, даже при наличии хорошо развитых личностных способностей и высокого уровня развития общества в целом.

В заключение отметим, что первоначально данный параграф, его содержание и стиль изложения изначально были спланированы абсолютно не такими, какими они получилось в действительности. Но при пристальном изучении описываемых проблем, которые, безусловно, являются чрезвычайно острыми во все времена существования человечества, возникло стихийное желание описать некоторые их стороны, которые более всего затронули и поразили автора. В результате, на мой субъективный взгляд, получилось много литературоведческих выкладок и мало собственно социально-философских выводов по исследуемой проблеме. Именно поэтому, автор не оставит без внимания данные вопросы и в дальнейшем продолжит их разработку по других работах.

Выводы по главе 1

Являясь междисциплинарной категорией, адаптация не может не приковывать внимание многих исследователей, которое обостряется в периоды общественных трансформаций. Уходящее своими семантическими корнями в естественно-научные области знания понятие адаптации сегодня значительно расширило сферы своего господствования, охватив педагогику, психологию, философию и другие области знания, следствием чего явились его многозначность (неоднозначность), нивелирование границ его исследования, слияние с другими, близкими по смыслу категориями. Для прояснения сути адаптации автором применялся прием теоретического гипостазирования, как средства построения универсального объяснительного принципа, уточняющего методологию и определяющего логическую согласованность разноплановых теорий адаптации. При этом аксиоматически предполагается, что адаптация неотделима от процесса жизнедеятельности человека.

Было определено, что специфика адаптации как особой онтологической формы жизнедеятельности человека, выражается в ее гетеро-онтологическом характере, предполагающем наличие трех качественно различных, но взаимосвязанных сторон: природной, психологической и социальной.

Природная, биологическая сторона адаптации разворачивается объективно как механизм эволюции и развития всего живого, в том числе, и человека вне зависимости от стремлений и предпочтений индивида, который выступает объектом воздействий окружающей среды. Ее результатом выступают морфофизиологические изменения, необходимые для полноценного живого существования и самовоспроизводства.

Психическая адаптация определяет способность человека установить равновесие между степенью воздействия внешних влияний и внутренним психическим состоянием, между собственными потребностями и способами их удовлетворения.

Основополагающим философским аспектом, характеризующим адаптационный процесс человека как таковой, может считаться его

диалектическая природа, выражающаяся в разных формах самодетерминирующей активности индивида посредством частичного самоотрицания, реализующимся в динамике двух состояний: относительного покоя и непрерывных флуктуаций. В результате возникает диалектическое противоречие, которое можно разрешить, найдя точку равновесия между процессами присвоения (пассивной адаптации) и объективации, «отдачи себя обществу» (активная стратегия адаптации) индивидуальным, присущим данному конкретному человеку, способом.

Содержание и результативность адаптационного процесса в равной мере зависят от смыслового содержания тех жизненных отношений личности, реализации которых служит адаптация как таковая. Жизненный смысл и индивидуальные (групповые) потребности адаптирующейся личности (группы), кристаллизованный в этих отношениях, выступает в качестве объективной мерки, воплощенной в абсолютной ценности адаптации и ее модусов: адаптивных качеств (количественная характеристика адаптационного процесса), адаптивного поведения, (качественная сторона адаптации) адаптированности (обобщенный результат приспособительного процесса). Эти модусы являются основными компонентами адаптационного процесса, определяющими динамику его развития.

Социальная адаптация как вид адаптационного процесса требует особого подхода к ее исследованию. Этот подход не утрирует ни биологический, ни психологический, но требует особой разработки (чисто теоретической), поскольку связан исключительно с человеком и его жизнедеятельностью. Социальная адаптация – это всегда отношение человека и социальной среды, направленное на разрешение возникающих между ними противоречий и представляющее элемент диалектического механизма в развитии упорядоченности социальной системы.

Социальной адаптации присущи статические и динамические характеристики. Статические связаны с событиями кардинального (макро-анализ) или локального (микро-анализ) преобразования окружающего мира и себя; динамические отражают процесс перехода, приобретения нового качества,

сущности. Динамические и статические характеристики социальной адаптации опосредованы как ментальными особенностями субъектов адаптации, так и отдельными составляющими, компонентами и детерминантами, характеризующие своеобразие фаз адаптации, ее стадий и этапов.

Процесс социальной адаптации обеспечивается сложной многоуровневой функциональной системой, представляющей различные типы детерминаций и взаимосвязей внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов. В основе функциональной системы социальной адаптации лежит динамически-деятельностное многофазное «развертывание» личности – особый тип последовательных субъект-объектных преобразований в пределах индивидуально «очерченного» диапазона изменчивости, заданного как личностными особенностями, так и требованиями конкретной социальной среды. Важнейшими ментальными характеристиками адаптирующегося субъекта являются особенности сознания и самосознания, степень развития процессов саморегуляции, самоконтроля и самооценки.

Сложная, многокомпонентная структура социальной адаптации обуславливает необходимость применения (в рамках деятельностного подхода) системного принципа ее изучения. Автор выделяет несколько характеристик социального адаптационного процесса, определяющих три основных подструктуры: уровневость (иерархическая подсистема, которая соответствует уровню организации и развития субъекта), субъективность-объективность (координационная подсистема, которая позволяет видеть индивидуальную вариативность адаптационных реакций и соотносить их с объективными законами развития социальной и природной среды) и степень обобщения (обобщающая подструктура, определяющая общее, особенное и единичное в структуре адаптационного процесса).

Общими системными атрибутами процесса социальной адаптации являются: проблемная социальная ситуация, актуализирующая адаптационный процесс, адаптационные ресурсы (имеющиеся, достаточные и необходимые) для

ее разрешения, социальные отношения, возникающие в процессе разрешения личностью противоречия, принимающие форму адаптационных стратегий, и результат адаптации, выражающийся в социальной адаптированности или дезадаптированности индивида.

Основные методологические векторы исследования социальной адаптации отражаются в следующей схеме: деятельностный подход – субъектно-деятельностный подход – системный аспект деятельностного подхода, личностно-динамический аспект субъектно-деятельностного подхода – принцип включенности личности. Принцип включенности подчеркивает детерминирующую роль процессов самовыражения личности в ходе активного преодоления и разрешения человеком различных социальных противоречий.

Социальная адаптация выполняет функции организации и развития человека как субъекта общественных отношений, как субъекта деятельности, являясь «буферным» механизмом, системой сдержек и противовесов, определяющей такой вариант жизнедеятельности, при котором человек находит соотношение между степенью приспособления к социуму и степенью своей автономности, как способности противостоять общественному давлению. Это отражается в модели развития человека как субъекта труда, основанной на спецификации каждой стадии этого развития через определение ведущей стратегии жизнедеятельности, детерминированной совокупностью субъективно-значимых отношений человека и совокупностью способов реализации этих отношений.

Социальная дезадаптация явление такое же многоаспектное, как и социальная адаптация. Много точек соприкосновения можно найти в методологическом плане их изучения: диалектическая природа обоих явлений; макро и микро анализ, базирующиеся на деятельностном подходе с учетом системности и принципа включенности личности, исследования ее особенностей; общая структура, включающая основные описанные компоненты; относительность критериев и уровней оценки этих явлений.

Однако, по нашему мнению, процессы социальной адаптации и дезадаптации представляют собой не диалектическое единство, а два принципиально различных, полярных варианта жизненных траекторий личности. Первый путь соответствует объективно благоприятному ходу жизни и объективно эффективной временной организации активности личности, когда в силу благоприятного соотношения потребностей, способностей, характера, мотивационных установок, механизмов саморегуляции и т.п. возникает внутренне пропорциональный и пропорциональный внешним условиям способ существования. Подобная сбалансированность внутренних движущих сил и объективных требований социальной среды обеспечивает относительную равномерность жизненного движения, предполагающую циклическое, поступательное временное развитие на основе стремления преодолевать возникающие трудности и противоречия.

Процесс социальной дезадаптации – это конфликтное отношение человека и социальной среды, обусловленное уровневыми нарушениями в поведенческой, эмоциональной и когнитивной сфере индивида в условиях субъективно или объективно меняющихся обстоятельств, которые индивид внутренне и/или внешне не принимает, не хочет или не может принять. Основными симптомами социальной дезадаптации являются внутренняя дезорганизация, психоэмоциональное напряжение, экзистенциальная неудовлетворенность, дистанцированность человека от общества, неспособность «вписаться», стать полноправным и полноценным членом данной социальной среды, напряжение, отчуждение или разрыв социальных связей и отношений.

Социальная дезадаптация не тождественна различным формам проявления девиаций. Они являются лишь результатом дезадаптации человека, как его неспособности справляться с трудными жизненными ситуациями. Происходят глубокие деформации и нарушения в связях между потребностями индивида и его возможностями, между способностями и требованиями, предъявляемыми социальной средой. В результате человек не может распорядиться своей жизнью в

желаемом, избранном им направлении, поскольку не может удовлетворить свои потребности собственными силами. В результате такой человек либо становится чрезвычайно зависимым от общества, либо дистанцируется от него, выбирая не соответствующие нормам и требованиям социальной среды стратегии поведения.

ГЛАВА 2 ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ»

2.1 Временные этапы адаптивного цикла.

Исследование процесса адаптации личности с социально-философской позиции, которая требует его соотнесение с обществом как целостной системой, предполагает выявление генезиса, сущности, форм, функций этого процесса. Предметнее наша задача может быть представлена следующим образом: проанализировать имеющиеся исследования, сопоставив их с существующими авторскими результатами наработок, разработать специальный категориальный аппарат и с его помощью, а также с помощью диалектического подхода, охватив как можно шире, осуществить теоретическую рефлексию и обобщить в целостной концепции имеющиеся и возникающие у автора сведения и идеи.

Деятельностный подход и принцип системности, являющиеся опорой настоящего исследования, представляются нам достаточно валидными «инструментами» для решения подобной задачи, поскольку позволяют рассмотреть процесс адаптации с разных ракурсов и позиций, сделать необходимые обобщения и сформировать целостное представление о нем. Однако уже на данном этапе работы видно, что разработки только этого момента недостаточно. Совершенно очевидно, что необходимо теоретическое конструирование конкретного прикладного механизма управления социальной адаптацией.

Социальная адаптация определяется нами как отношение человека и общества, направленное на разрешение возникающих между ними противоречий.

В связи с этим, детерминантами социальной адаптации будут являться отношение (оценка) противоположных субъектов к этому противоречию, а также атрибутивные черты самого противоречия, а именно: субъектность-объектность, степень напряженности, ареал и способ существования этого противоречия, временной отрезок существования [185]. Отношение личности/социума к противоречию определяют потребности, ценности личности/социума, личностные/социальные ресурсы адаптации, способы разрешения противоречия и двусторонняя оценка результативности разрешения этого противоречия (субъективная и объективная). Возможно, выделенные атрибуты не являются исчерпывающими, но, по нашему мнению, они составляют «ядро» социального адаптационного процесса, задают алгоритм его существования. В этом отношении автору представляется перспективным проведение анализа социального противоречия, которое лежит в основе социального адаптационного процесса, на основе выделения и исследования интервальных структур, конкретных этапов его развития, содержание которых наполнено ментальными характеристиками адаптирующегося субъекта, интегрирующими внутренние тенденции развития противоречия [107]. Такой анализ возможен на основе выделения временных периодов развития противоречия, которые будут соответствовать этапам конкретного адаптивного цикла. Благодаря учету личностных и средовых параметров, влияющих на социальный адаптационный процесс на каждом его этапе, мы можем увидеть конкретные «болевы точки», более глубоко понять и конкретизировать связи, возникающие в ходе адаптации, увидеть подробную динамику личностных изменений. Это же позволит вскрыть составляющие оптимизации адаптационного процесса, позволит выстроить прогноз и таким образом эффективно воздействовать на социальную адаптацию личности в целом.

У К. А. Абульхановой-Славской и Т. Н. Березина есть труд «Время личности и время жизни» [4], где авторы подробнейшим образом рассматривают категорию времени относительно личности и ее жизнедеятельности, где сама категория времени, а именно «времени жизни» ценностно связывается с

потребностью личности в самовыражении, самоосуществлении, самореализации. Речь идет о таком специально организованном образе жизни, о таком времени жизни, при котором человек последовательно, шаг за шагом решает определенные ценностные жизненные задачи, достигая главной цели всей своей жизни – самовыражение самого себя как субъекта деятельности, как личности. Таким образом, время – это особая форма организации деятельности, это ценность, которая используется человеком для собственного самосовершенствования.

В данной работе мы будем рассматривать адаптивный социальный процесс как цикл, имеющий собственную временную референцию, а сама категория времени будет пониматься автором именно как особая форма организации индивидом своей деятельности на трех основных этапах бытия: прошлого, настоящего, будущего.

Говоря об адаптивном цикле как о процессе, имеющем свою временную референцию, мы, в первую очередь, конечно же, имеем в виду время не в физическом, а в субъективном, индивидуальном, психологическом смысле. Здесь значение приобретает исследование особенностей организации адаптивной деятельности на каждом интервале цикла с точки зрения ее внутренних значений и оценок для самой личности. Большинство же существующих практических исследований сосредоточены в области диагностики «симптомов» социальной адаптации и социальной дезадаптации в целом. Культивируя значимость адаптационного процесса и значимость учета интерпретативных личностных смыслов [141] в ходе его осуществления, многие ученые не учитывают именно промежуточные этапы, которые также предполагают личностные интерпретации (причем в ходе одного адаптивного цикла они могут многократно модифицироваться), а потому требуют особого внимания. Физический аспект времени абсолютно игнорироваться не будет, поскольку результативность социальной адаптации определяют и длительность, и ритм, которые совершенно

конкретно характеризуют адаптивную деятельность человека, но главное внимание, все же, будет уделено первому аспекту.

Время является, пожалуй, одной из самых «старых» философских категорий, а потому одной из самых разработанных. Оно и универсально, и многолико, имеет собственную структуру, но различно в разных системах, оно и объективно необратимо, бесконечно, и субъективно конечно.

Говоря о категории времени в философии, нельзя не остановиться на взглядах И. Канта на природу «субъективного времени», связанного с осознанием и познанием человеком окружающего мира, предметов. Это познание является деятельностью, способами деятельности, которые можно фиксировать, используя категорию времени. Время, согласно ученому, существует постольку, поскольку сознание человека «мыслит линию, последовательно конструирует предмет как явление...» [25, с. 122-145].

В теории «становления» времени М. Хайдеггера [270] поднимается проблема взаимоотношения прошлого, настоящего и будущего. В работе «Кант и проблемы метафизики» (1929 г.) автор связывает эти три модуса с познавательными процессами человека, что в свое время пытался сделать Августин. Августин доказывал, что время – это достояние человеческой души, а условием возможности времени является ее строение, где ожидания, чаяния, упования, надежды – это будущее; внимание, взгляды, воззрение, созерцание – настоящее; память, воспоминание – прошлое [5]. Хайдеггер же говорит не о трех временах, а о «тройственном единстве времени». При этом центральным вопросом является анализ смысла категории бытия, которая им наполняется своеобразным содержанием. По его мнению, «бытие от раннего начала западноевропейской мысли до сего дня значит то же, что присутствие. Из присутствия, присутствования звучит настоящее. Последнее, согласно расхожему представлению, образует с прошлым и будущим характеристику времени. Бытие как присутствие определяется временем». Иными словами, бытие у Хайдеггера — это существование вещей во времени, или экзистенция. [269].

Для того чтобы определить специфику нашего подхода и теоретически и эмпирически его обосновать, необходимо определить контекст проблемы времени в адаптационном процессе, обозначить его основные «границы», место, координаты.

Мультигранность проблемы времени обусловлена различными аспектами бытия человека, его многообразными качествами жизнедеятельности. Историческое, экономическое, социальное, биологическое, техническое – эти далеко не все перечисленные модальности времени, не говоря уже о его характеристиках: ценности, насыщенности, темпах, скорости, периодичности, субъективности, объективности и т.п. Существующие направления изучения времени можно классифицировать исходя из этих оснований, а можно, выделяя тот или иной аспект [78].

Так или иначе, все многочисленные исследования времени можно объединить в следующие направления. Во-первых, это концепции, касающиеся изучения специфики отражения объективного времени человеческим сознанием и механизмы этого отражения, главным из которых является восприятие времени. Это собственно философские исследования, которые связывают время с поиском ответа на главнейший вопрос этой науки: «что есть бытие человека, и каков его смысл?» Этот вопрос ветвится на множество под вопросов: когда зародилась жизнь, когда она закончится и закончится ли вообще, в чем смысл истории, в чем значение конечности конкретной человеческой жизни и кто задает ее временные границы и т.п. Эти исследования берут начало из древнейшей философии, простираются сквозь многовековую научную практику, и волнуют ученых наших дней, у которых по прежнему нет однозначного ответа на эти вопросы (Кант, Хайдеггер, Гуссерль, Хокинг).

Второе, не менее мощное научное направление, связанное с исследованием физических и процессуально-динамических характеристик времени, берет свои истоки из естественно-научных областей знания (А. Эйнштейн, Н. А. Козырев и др). Здесь время определяется исходя из лежащих в его основе ритмов

биологических, нейрофизиологических, органических, физических и иных процессов нашей жизни [130; 269].

Третье, наиболее популярное в наши дни, но и наиболее «загадочное»¹ направление (тайм-менеджмент, англ. - time-management), связано с исследованием возможностей регуляции и управления временем в области менеджмента и его отраслей (маркетинга, бизнеса и т.п.). [11; 72].

Наконец четвертая область исследований связана с изучением особенностей организации человеческой жизнедеятельности, этапов развития человека, т.е. той временно-пространственной композиции, которая определяет ценностно-смысловые отношения личности с миром на протяжении всего ее жизненного пути [3; 71]. Это изучение деятельности субъекта как основы его становления в обществе, обусловленное событийным контекстом. Одним из первых философов XX века, кто сделал предметом исследования специфику времени. Переживаемого человеком как сознательным существом, был А. Бергсон. Субъективное время он характеризовал как необратимое, текущее целостным потоком, емкое, называя его «длительностью» [34].

Безусловно, настоящее исследование, будет осуществлено с опорой на последнюю концепцию, раскрывающую социально-философский аспект настоящей проблемы.

Не вдаваясь в подробности рассмотрения сущности времени как философской категории, определим смысл времени в контексте рассматриваемой нами проблематики.

Категория времени в процессе адаптации будет раскрываться нами как специфически организованная деятельность индивида, имеющая свою структуру, траекторию, архитектонику, соотносящая объективную реальность с субъективными характеристиками человека, его целями и задачами, а также с временными осями прошлого, настоящего и будущего. Время в адаптационном

¹ Ремарка: Автору не удалось найти хоть сколько-нибудь достаточно ясных, методологически оснащенных, верифицируемых теорий, посвященных «time-management». Возможно, их можно обнаружить, обратившись к зарубежным научным первоисточникам, но это выходит за рамки задачи данной работы.

процессе – это «движение деятельности», а точнее, системы деятельностей, поэтапный переход человека из одного состояния, соответствующего конкретному этапу, в другое, и эти состояния характеризуют определенные качественные сущности – следствие количественных изменений. Развертывание данного аспекта, его онтологических и гносеологических сторон позволит получить представление о сути и особенностях адаптационного процесса конкретного индивида, то есть решить поставленную задачу нахождения механизма управления адаптацией через обнаружение необходимых «мишеней» воздействия.

Для того чтобы категория времени по отношению к адаптационному процессу не выглядела как аннексия, обозначим некоторые позиции, которые позволяют, с нашей точки зрения, обосновать предлагаемую концепцию.

Во-первых, процесс адаптации в широком смысле представляет собой конструирование человеком определенного экзистенциального пространства с такими параметрами, которые позволят снять возникшее напряжение и дискомфорт и удовлетворить насущные потребности индивида. Эти параметры не являются константами, они находятся в состоянии непрерывной динамики, обусловленной процессами личностной организации, интеграции, координации, саморегуляции и т.п. Другими словами, фактически проблемная ситуация включает имплицитное представление о некотором временном образовании, которое можно обозначить как адаптивное экзистенциальное пространство, которое имеет определенную архитектуру (у Л.С. Рубинштейна - это «расстановка сил»). Это пространство возникает, как и сама проблемная ситуация, актуализирующая адаптационный процесс, существует определенное время и исчезает. То есть, адаптационный процесс представляет собой временной цикл, развертывающийся в пространстве, имеющий определенные границы своего существования.

Во-вторых, автор понимает и рассматривает социальную адаптацию – как циклический процесс. Как и как всякий цикл, адаптационный цикл имеет свои

периоды развития, этапы. Это, своего рода, витки-события, поскольку предполагают внутренние оценки индивида и его отношение к проблемной ситуации, которые не одинаковы в каждом из периодов. На каждом из таких витков-событий происходит создание индивидом пространственно - временных континуумов (входящих в состав описанного выше единого экзистенциального пространства), имеющего свои параметры, атрибуты, особенности, которые индивидом же аккумулируются и выражаются в форме все тех же внутренних оценок и характеристик. Исследуя эти особенности, мы можем оценивать адаптационный процесс с позиции прошлого (какие ресурсы уже есть у индивида для решения проблемной ситуации), настоящего (какие методы, стратегии и формы деятельности он выбирает, для того, чтобы справиться с проблемной ситуацией) и будущего (прогнозирование результата адаптации). Используя предложенный подход, который будет обозначен как темпоральный, мы можем, во-первых, получить картину переходных состояний разрешения индивидом социального противоречия, а, во-вторых, определять (прогнозировать) эффективность разрешения социального противоречия в зависимости от выбранного темпорального периода.

Именно поэтому главный акцент необходимо сделать на временной специфике противоречия, где за основу можно взять гегелевскую схему развертывания и разрешения противоречия: «тождество-различие-противоположность-противоречие-основание. Адаптивный социальный процесс рассматривается как цикл, имеющий временную референцию: 1) стадия тождества, 2) стадия «раздвоения единого» или фаза различий, когда противоречие из потенциального превращается в актуальное и 3) основание – снятие данного противоречия. Данные три фазы были соотнесены с временными модусами прошлого, настоящего и будущего соответственно, каждый из которых соответствует этапам адаптивного цикла: этап прошлого – стадии тождества, этап настоящего – стадии «различия», этап будущего – стадии основания.

Третья позиция, связывающая социальную адаптацию и время, определяется исходя из понятия самой адаптации, которое предполагает, способность к быстрой перестройке организма и его систем в соответствии с изменениями [7]. Здесь время и его физический атрибут - скорость, играют роль важнейшего фактора успешности адаптационного процесса в динамично меняющейся реальности. Неправильно организованное субъектом время собственной деятельности может привести к противоречию между естественными, природными скоростями (био-, психо- и социо - ритмами) человека и социально заданными. Здесь также важны и скорость «вхождения» индивида в новую жизненную ситуацию, и скорость ее освоения, и скорость промежуточных перестроек в зависимости от конкретных требований социальной среды.

И, наконец, четвертая позиция, главная, на наш взгляд, связана с пониманием времени как абсолютной личностной ценности, определяющей логику жизненных событий, динамику жизненных циклов и периодов развития человека. Здесь очень важен способ организации личностью своего жизненного пространства в соответствии с поставленными целями и потребностями, которые ведут к самореализации человека, к максимальному выражению его сущности. Данный аспект принципиально важен для автора данной работы, поскольку, по нашему мнению, именно процесс самореализации, самоактуализации (А. Маслоу) личности в гармоничном сочетании с процессами поиска и нахождения своего места в обществе, лежат в основе «идеальной» адаптационной траектории [168]. Перекос в сторону решения задач, сообразуясь только с требованиями социальной среды, приводит к постепенному уходу от главной цели человеческого существования, которая, на наш взгляд, заключается именно в самовыражении, и тогда при субъективной адаптированности время жизни личности, «оставаясь экзистенциальным, перестает быть ценностным». Перекос в сторону решения задач, сообразно только своим потребностям и целям, приводит к нивелированию ценности социального времени и социальных требований, к постепенной

изоляции и выпадению индивида из социально задаваемых жизненных ритмов, дезадаптации в социальной среде. Способность к организации времени вообще и в адаптивном процессе, в частности, к использованию времени как ценности для саморазвития, самовыражения субъекта есть важнейшая жизненная адаптивная способность человека.

Таким образом, дальнейшая задача видится нам в разработке теоретической модели универсального механизма управлением социальным адаптационным процессом, через преодоление депривации естественно-научного, психологического, философского подходов, используя новый методологический темпоральный подход.

Итак, социальная адаптация – это отношение, возникающее у человека с обществом, которое направлено на разрешение возникающего между ними противоречия. Сама траектория, весь путь, сопровождающий разрешение личностью социального противоречия будет обозначен понятием «социальный адаптивный цикл», состоящий из «витков-событий». Совокупность качеств, любых новообразований, которые необходимы индивиду для разрешения противоречия, назовем адаптационными личностными ресурсами. Общая направленность, своеобразный поведенческий ориентир личности, задающий траекторию стратегий и тактики движения индивида в направлении разрешения противоречия, обозначим понятием адаптивной личностной стратегии. Результат (как конечный, так и промежуточный) адаптивного цикла будем выражать понятиями адаптированности /неадаптированности/ частичной адаптированности.

Совокупность этих категорий позволяет более конкретно и точно описать логику адаптационного движения личности, его темпы, уровни, ценностные характеристики, масштабы и противоречия, выявить двоякую зависимость времени адаптационного цикла от личностной способности к организации времени, от выбора стратегии и тактики адаптивных личностных стратегий. Временно-пространственный континуум, в котором осуществляется адаптационный процесс, является своеобразной платформой движения личности,

личностных изменений и появлением новообразований, касающихся характера субъект-объектных отношений человека с социальной средой.

Здесь важно отметить, что социальная среда, как особая система, обладающая свойствами, которых нет во многих других системах (например, воспроизводство и само воспроизводство) [265, с. 201-204] функционирует в особом временном режиме, задающем параметры жизнедеятельности своих членов (элементов). Это выражается в требованиях к ритму, скорости, темпу и другим параметрам деятельности, специфика которой обусловлена целью и задачами существования данного общества [26, с. 78-80]. Социальное время, по нашему мнению, - это специфика условий и особенности организации деятельности общества. Поэтому социальное время не является чем-то внешним по отношению к личности, оно детерминирует всю жизнедеятельность человека, поскольку он живет общественным трудом. Общественное время – это не только объективная реальность и необходимость, но и совокупность представляемых человеку возможностей и условий, которые аккумулированы в социальном опыте: науке, культуре и других общественных сферах [4, с. 26-31]. С этих же позиций становится ясным смысл понятий «современник», «современность» - это характеристика, способность личности согласовывать свою активность с общественным временем, с теми событиями, ситуациями, задачами, которые, собственно, и задают параметры деятельности каждой личности [99]. Здесь принципиально важен не столько момент совпадения личности с тем или иным временем, сколько соотношение общественного времени и собственно личностного. Речь идет о том, что для успешной адаптации человека в социуме, необходимо наличие у него способности соединить самоорганизацию с организацией общественной жизни.

К. А. Абульханова-Славская и Т. Н. Березина отмечают, что подобная способность осуществляется механизмами сознания и способностью к организации времени жизни. Последняя проявляется в трех — еще более частных — временных способностях. Это, во-первых, ускорение, первые формы которого

мы находим в произвольности психической деятельности: ускорение достигается и интенсивностью осуществления жизни, и ее ценностно-личностной наполненностью, и потенцированием времени. Это, во-вторых, способность к установлению своей и изменению заданной временной последовательности или одновременности — деятельности, общений, встреч, событий жизни [4, с. 46-49].

В-третьих — это своевременность как характеристика способности личности согласовывать решающий момент своей активности, ее пик с тем временем, моментом события, ситуации, задачи, за пределами которого ее активность бессмысленна и безрезультатна [4, с. 49-56].

Не оставляя без внимания важность всех этих аспектов, обратимся в сторону периодизации адаптационного цикла, где его отдельные «события» увязаны между собой в пространстве и времени, и в то же время каждый из периодов имеет свою собственную качественную определенность. Тогда, основной задачей адаптации будет являться такой способ поэтапной организации субъектом собственной деятельности, который был бы согласован с социальным временем, требованиями социальной среды и в то же время удовлетворял потребностям и особенностям самого субъекта адаптации. Более коротко эту же мысль можно сформулировать следующим образом: основная задача субъекта адаптации заключается в максимально эффективном использовании конкретного «момента» для самореализации и самостановления в данной социальной среде.

В экономической теории есть понятие тайм фрейма (англ. time-frame) — интервал времени, используемый для группировки котировок при построении элементов ценового графика [27]. Нам представляется, что это понятие в некоторой степени приближено к сути нашей модели адаптационного цикла, только, если в экономике, выбранный тайм фрейм включает в себя количественные показатели изменения того или иного параметра за определенный промежуток времени, то в нашем случае адаптационные периоды будут наполнены качественным содержанием, которое, прежде всего, будет

определять соотношение прошлого, настоящего и будущего в адаптационном цикле.

В этой же связи будет актуальна гениальная идея А. А. Ухтомского о «хронотопе» как системном единстве времени и пространства [250]. Понятие хронотопа требует определения временных особенностей какого-либо объекта, предмета применительно к определенному пространству, т. е. к той системе, в которой они выполняют те или иные функции. Данный момент предполагает наличие не фиксированной, а временной функциональной организации элементов в самой системе – адаптивном цикле. То есть, временно-пространственные структуры, существующие в адаптационном цикле, интегрируя в себе внешние и внутренние факторы, заключают в себе модели отношения (взаимодействия) субъекта адаптации с социальной средой. Фактически эти модели – временные пространства – витки-события включают имплицитное представление о количественных и качественных характеристиках того или иного этапа адаптационного цикла. Допущение о том, что подобные временные пространства существуют, позволяет выявлять их специфику и дифференцировать. Кроме того, можно спрогнозировать и сконструировать «идеальные» пространства адаптационного процесса.

В настоящей работе категория времени будет пониматься как особая форма организации индивидом своей деятельности (разрешение противоречий в процессе социальной адаптации) на трех основных этапах бытия: прошлое, настоящее, будущее. При этом социальное время не является чем-то внешним по отношению к личности, оно детерминирует всю жизнедеятельность человека, поскольку он живет общественным трудом. Общественное время – это не только объективная реальность и необходимость, но и совокупность представляемых человеку возможностей и условий, которые аккумулированы в социальном опыте: науке, культуре и других общественных сферах [99]. Очень важно для успешной адаптации, чтобы личность обладала способностью согласовывать свою активность с общественным временем, с теми событиями, ситуациями, задачами,

которые, собственно, и задают параметры деятельности каждой личности. Речь идет о способности соединить самоорганизацию с организацией общественной жизни.

Описанные положения нашли свое отражение в разработке автором нового подхода к исследованию социальной адаптации личности, который был назван темпоральным подходом, и который будет развернуто представлен далее.

Итак, адаптационный процесс актуализирует проблемная ситуация, которая, по сути, является противоречием между двумя сторонами (в данном случае, между человеком, личностью и обществом). Эти противоречия неизбежны и неустранимы, поскольку именно они являются источником развития всего живого, в том числе, и личности (Гегель). Только разрешая различные противоречия, возникающие на жизненном пути, человек приобретает тот необходимый опыт, который позволяет ему самореализовываться, самоутверждаться в социальной среде, становиться полноправным и полноценным ее членом.

Как и понятие «время», понятие «противоречие» широко описаны и изучены в научной литературе, поэтому в дальнейшем при описании предлагаемого темпорального подхода, дабы избежать компилятивного собрания уже известных фактов, автор будет останавливаться только на тех моментах, которые являются ключевыми для решения данной задачи.

Рассматривая социальный адаптационный процесс в контексте деятельностной парадигмы и одного из ее аспектов – системного подхода, противоречие и социальное противоречие, в том числе, будет рассматриваться именно в этом ключе. Личность – это социальная система, являющаяся элементом более глобальной системы – общества [110, с. 301-306]. Возникающие противоречия, как источник развития и личности, и общества, дают возможность получить наиболее глубокую сущностную характеристику этих изменяющихся и развивающихся систем. Однако, сами противоречия, на наш взгляд, нельзя назвать причинами развития человека и общества. Здесь корректнее говорить не о

причинах, а об условиях возникновения противоречий, которые, так или иначе, сводится к различиям взаимодействующих субъектов [84]. Наличие различий между человеком и социальной средой – это необходимое условие возникновения противоречия. Различия обуславливают противоречия, а противоречие, в свою очередь поляризует, движет различия взаимодействующих сторон.

Еще из «классической», ранней диалектики известно, что противоречия имеют место быть всегда, на любой стадии развития предмета, объекта, субъекта. Даже сам момент рождения – это противоречие, в основе которого лежит гегелевский закон отрицания отрицания [67]. Глубинный рациональный смысл схемы великого философа «тождество – различие – противоположность – противоречие – основание» заключен не только в последовательной характеристике процесса познания противоречивой сущности предмета, но и в описании развития самого противоречия. На стадии тождества противоречие существует потенциально. Превращение потенциального противоречия в актуальное означает разделение единого, т. е. появляются различия, где противоположность определяется как наибольшее различие, затем следует разрешение противоречия (фаза «основание» как его снятие) [133, с. 198-200].

По-видимому, эта же схема лежит в основе адаптационного процесса, поскольку именно процесс разрешения индивидом противоречия является его содержанием. Но здесь необходимо учесть еще один момент. Исходным в определении противоречия является его понимание как взаимоотношения, взаимодействия противоположностей [205, с. 118]. Рассматривая адаптационный процесс, мы говорим о противоположных сторонах взаимодействия – человека и социальной среды и, соответственно, полагаем, что противоречие возникает между ними. Это действительно так. Большинство конфликтов человека связано с различиями в представлениях, возможностях, потребностях личностного бытия по отношению к особенностям бытия общественного. Таким противоречиям внешнего характера свойственна более или менее четкая фиксированность, определенность полюсов отношения (субъектов взаимодействия), их полярность,

пространственная раздельность [243, с. 24-28]. Однако есть противоречия внутренние, когда уместно говорить не о противоположных сторонах отношения, а о противоположных моментах, тенденциях, которые заключаются в каждой из противоположностей. Тогда каждая противоположность заключает в себе «свою противоположность», свое «иное», и мы говорим в этом случае о противоречии субъекта с самим собой, о самоотрицании и самопротиворечивости субъекта. В этом контексте внутреннее противоречие может быть определено как сущность самодвижения, саморазвития субъекта. Естественно, подобная дифференциация противоречий возможна только умозрительно, хотя нам представляется, что внешнее противоречие первично по отношению ко внутреннему, во всяком случае, применительно к социальной адаптации. При взаимодействии с социальной средой личность сталкивается с различиями и не соответствиями собственных особенностей с особенностями и требованиями социальной среды. Обнаружение внешних различий побуждает человека углубляться в собственный внутренний мир и искать ответы на вопросы о поисках гармонии с социальным окружением именно там. То есть внешнее противоречие стимулирует внутреннюю борьбу личности с самим собой, мотивирует к самоанализу, саморефлексии, умственной и физической деятельности в поиске разрешения проблемы. Но следует отметить, что подобная трактовка источника самодвижения личности в контексте адаптации не ограничивает его понимания только как внутреннего процесса – это результат взаимодействия и внешних, и внутренних детерминант [220].

По аналогии с этапами развития противоречия, первый этап (виток) социального адаптационного процесса – это стадия тождества [167]. Личность и социальная среда – это две тождественные (и в то же время различные) субстанции, которых объединяет множество признаков. Остановимся на самых значимых из них.

Во-первых, это абсолютная взаимообусловленность. Без людей нет, и не может быть общества, как и без общества не может быть человека. Хотя примеры

последнего существуют, однако дети – «маугли», например, не обладают так называемой «социальностью», не способны взаимодействовать, строить социальные отношения с себе подобными. Другой пример – люди-отшельники, однако они прошли через некоторые этапы социализации в социуме и, возможно, приняли решение благодаря сформированному именно в данной социальной среде, мышлению. Но это так называемые частности. Если мыслить в глобальном масштабе, общество сформировалось именно потому, что существует человек, оно функционирует, поскольку существует общественная деятельность и общение между людьми, позволяющие творить культуру, искусство, науку и другие общественные структуры [244].

Во-вторых, и человек, и общество – это социальные системы, с характерными для них признаками: воспроизводящий характер деятельности всех структур; многообразные и динамичные отношения; неразрывное единство объективного и субъективного; сложная внутренняя структура; способность реагировать на процессы познания, прогнозирования и проектирования; вероятностность; самоорганизация; самоуправление; рефлексия; ценностная ориентированность, и, пожалуй, одно из главнейших свойств – целенаправленность. В-третьих, и личности, и обществу присущи самодеятельность, самоорганизация, саморазвитие [137; 265, с. 204-208].

На стадии тождества может возникнуть объективная проблемная ситуация, появиться противоречие, однако оно еще не осознано и развивается латентно. Нарастание дискомфорта и напряжения, неудовлетворенность и потребность принять меры – это стадия осознания противоречия и его начальной оценки.

Автор работы, проанализировав соответствующий корпус литературных источников, составила собственную классификацию противоречий (естественно, не претендующую на полную исчерпанность).

К первой группе были отнесены противоречия объективного характера (ПО), часто носящие массовый характер. Это все изменения, возникающие вне зависимости от воли и желания человека: дефолт, экологический кризис,

стихийное бедствие, и т.п. Основную трудность в плане адаптации для человека (для всего общества в целом, отдельных групп) такие ситуации представляют из-за своей внезапности, неконтролируемости и неизбежности. Однако именно эти противоречия они в силу своей трагичности по массовым последствиям, как представляющие угрозу стабильному существованию людей, вызывают наиболее резкую интенсификацию поиска активных стратегий и борьбы с подобными конфликтами, иными словами обуславливают активные способы адаптации.

Ко второй группе были отнесены противоречия, которые обозначены нами как конфликты «незавершенного действия» (КНД). Следует сказать, что и первый выделенный выше вид можно отнести к данной группе, однако автор предпочла их дифференцировать, поскольку здесь и далее речь будет идти о конфликтах, носящих больше индивидуальный характер, нежели массовый. Конфликты незавершенного действия имеют место быть, когда одна из сторон имеет четко поставленную цель, но по каким-то причинам не может ее достичь. Такие конфликты можно разделить на несколько видов.

Первый вид был обозначен нами как «конфликты противодействия» (КП). Их причиной является противоречие между стремлением одной стороны достичь цели, завершить действие и противодействием (стихийным или целенаправленным) этому другой стороной. Такие конфликты, особенно с целенаправленно осуществляемым противодействием, часто быстротечны, аффективны, носят, как правило, открытый враждебный, конфронтационный и агрессивный характер. Тактическое разрешение противоречия в данном случае может быть направлено на устранение препятствия (активная стратегия адаптации) или на «отсрочку», отрицание поставленной цели (пассивная стратегия адаптации).

Второй вид конфликтов незавершенного действия – можно обозначить как конфликты «неопределенной потребности» (КНП). Их основное содержание, на наш взгляд, связано с бессознательной потребностью индивида что-либо изменить, при этом сам предмет желания не определен. Метафорично это можно

выразить в известном выражении «хочу, сам не знаю чего». Такое противоречие достаточно редко для адаптационного процесса, и более характеризует психологические проблемы, связанные с «пресыщенностью» бытия (апатия, депрессия). На практике оно проявляется хаотичной, малопродуктивной деятельностью, многообразием попыток реализации себя в различных общественных сферах без достижения удовлетворяющего результата [106].

Рядом с описанным видом противоречия стоит конфликт, связанный с необходимостью выбора необходимого и нужного действия. Такие конфликты выбора (КВ) могут быть связаны с целым комплексом противоречий, однако главное из них – это противоречие между необходимостью достижения поставленной цели и незнанием, неуверенностью в выборе способа для достижения нужного результата.

Третий вид конфликтов незавершенного действия связаны с проблемой неразвитости или недостаточной развитости индивидуальных ресурсов для решения поставленной жизненной задачи (КР). Пожалуй, это самый распространенный вид противоречий между человеком и социальной средой, который проявляется как несоответствие между требованиями, которые предъявляет общество человеку, для того чтобы он был востребован и нужен данному социуму, и отсутствием, слабой развитостью необходимых личностных качеств и характеристик [225]. Данный вид противоречия может проявляться на любом этапе адаптивного цикла, актуализироваться на начальном, среднем или конечном этапе, или пронизывать весь адаптационный процесс.

Третья группа конфликтов была обозначена как конфликты завершенного действия (КЗД). Здесь можно выделить два основных вида конфликтов. Первый связан с противоречием между желаемым и реальным (достигнутым) результатом деятельности индивида (КЖР). В этом случае для процесса адаптации имеют значение два возможных варианта: когда необходимый результат адаптационной деятельности не достигнут вообще, или меньше ожидаемого, и когда достигнутый результат не соответствует полученному итогу, например, противоположен или

совершенно другой, чем предполагался [37, с. 34-41]. Второй вид конфликта завершеного действия связан, по нашему мнению, с ситуацией, когда индивид совершает определенные действия, не предвосхищая будущий результат, не зная, во имя чего он что-то делает (КНР).

Данные противоречия были выделены, исходя из их актуальности для адаптационного процесса. Предложенную классификацию можно модифицировать, упростив определение содержания противоречий до классической дихотомии: «знаю - не знаю» и, обозначив основные ключевые точки, которые могут являться источником конфликта: необходимые для адаптации ресурсы, методы, способы действия и результат деятельности. Итоги такой модификации отражены в предложенной ниже таблице 1.

Таблица 1

Виды противоречий адаптационного процесса

№ п/п	Источник конфликта	Что имею? (ресурсы адаптации)	Как хочу (методы адаптации)?	Что хочу получить? (результат адаптации)	Вид конфликта
1	Нет противодействия	знаю	знаю	знаю	Отсутствие противоречия
2		знаю	знаю	не знаю	КНР
3		знаю	не знаю	знаю	КВ
4		знаю	не знаю	не знаю	КВ+КНР
5		не знаю	знаю	знаю	КНП
6		не знаю	знаю	не знаю	КНП+КНР
7		не знаю	не знаю	знаю	КНП+КВ
8		не знаю	не знаю	не знаю	Острое противоречие
9	Внешнее противодействие	знаю	знаю	знаю	ПО

Безусловно, в предложенной классификации отражены не все существующие и возникающие социальные противоречия, но именно эти, по нашему мнению, наиболее характерны для процесса адаптации.

Суммируя вышеизложенное, повторим всю логическую цепочку авторских рассуждений.

Социальная адаптация определяется как отношение человека и общества, направленное на разрешение возникающих между ними противоречий. В связи с этим управление социальной адаптацией личности возможно на основе разработки механизма воздействия на процесс разрешения противоречия. Следовательно, необходим анализ таких противоречий, причем, наиболее релевантным способом анализа, на наш взгляд, является выделение и исследование интервальных структур развития противоречия, содержание которых наполнено ментальными характеристиками адаптирующегося субъекта. Выделение и изучение подобных интервальных временных структур (витков-событий) позволит не только дать оценку текущему состоянию адаптирующегося субъекта, но и видеть и прогнозировать перспективы успешности/неуспешности социальной адаптации через соотнесение объективной реальности с субъективными характеристиками человека, его целями и задачами. Время в адаптационном процессе – это «движение деятельности», системы деятельностей, поэтапный переход человека из одного состояния, соответствующего конкретному этапу, в другое, и эти состояния характеризуют определенные качественные сущности – следствие количественных изменений. Исследуя эти особенности, мы можем оценивать адаптационный процесс с позиции прошлого (какие ресурсы уже есть у индивида для решения проблемной ситуации), настоящего (какие методы, стратегии и формы деятельности он выбирает, для того, чтобы справиться с проблемной ситуацией) и будущего (прогнозирование результата адаптации).

2.2 Адаптивность и начальный этап адаптации: определение и основные критерии

Начальный виток адаптационного процесса начинается с осознания проблемы и оценки противоречия. Как правило, оценка степени «сложности» противоречия зависит от состояния адаптационных ресурсов индивида, иными словами, оказавшись в трудной ситуации, человек первым делом задает себе вопрос: «Способен ли я справиться с возникшей проблемой?». В зависимости от получаемого ответа возникает ранжирование проблемы и внутренняя оценка ее сложности. Рефлексия состояния собственных ресурсов очень важный стартовый момент в адаптационном процессе. Итоги подобной «инвентаризации» определяют дальнейшие шаги и перспективы адаптации индивида.

Какие аспекты, свойства индивида приобретают первостепенную важность для успешного завершения процесса адаптации? Безусловно, их ценность относительна и специфична для каждой конкретной проблемной ситуации, однако можно выделить некоторые характеристики, которые могут иметь универсальное значение. Для того чтобы провести подобный анализ, необходимо обратиться к психологии человека.

В работе уже говорилось, что человек, личность – это триединство биологического, психологического и социального аспектов. Физиологические адаптивные свойства определяют основу мобилизации энергетических ресурсов, практического резерва и всех защитных способностей организма, направленных на энергетическое обеспечение важных функций и сохранение нормальной жизнедеятельности целостного организма-системы [7, с. 204]. Соответственно, можно выделить и критерии биологической адаптивности: жизнеспособность, выносливость, работоспособность, устойчивость к болезням и другим факторам внешней среды. Однако для социальной адаптации имеет значение, прежде всего, именно последний аспект, который определяет эффективность отношений человека с социальной средой [154].

Мы попытались классифицировать человеческие ресурсы, имеющие психологическую и социально-психологическую природу, выделив две основные группы: индивидуальные личностные ресурсы и социальные ресурсы, образующиеся в результате взаимодействия людей.

Индивидуальные личностные ресурсы включают:

1. Когнитивные ресурсы, начальной единицей анализа которых выступают познавательные психические процессы, от уровня развития которых зависят в большей степени интеллектуальные способности человека. К этим процессам относят семь основных: ощущение, восприятие, память, воображение, внимание, мышление и речь. Это базовые единицы, развитие которых обусловлено в равной степени и генетическими и социальными факторами [169, с. 15-22].

2. Эмоциональные ресурсы, определяющие эмоциональную сферу личности и отношение человека к различным фактам и сторонам действительности. В качестве базовых единиц здесь выступают собственно эмоции и чувства.

3. Характерологические ресурсы: темперамент, характер, способности, воля.

4. Мировоззренческие ресурсы: ценности, потребности, интересы, склонности и т.п.

5. Ресурсы деятельности: цели, мотивы, стратегии поведения и т.п.

Социальные ресурсы – это массовые и групповые психические феномены, а также разные общественные явления:

1. Рационально осмысленные или когнитивные (взгляды, представления, мнения, убеждения, интересы, ценности, традиции и т.п.).

2. Эмоциональные (социальные чувства, настроения, психологический климат).

3. Стихийно возникающие (часто бессознательные и нерациональные), как следствие межличностных отношений (слухи, мода и т.п.).

4. Ресурсы социальной деятельности человека – общественные стратегии и формы поведения, регулирующиеся нормативно-правовой базой и морально-нравственными устоями [184, с. 56-72].

Безусловно, данная классификация учитывает далеко не все человеческие ресурсы, которые существуют и которые имеют значение для адаптационного процесса. Однако, по нашему мнению, именно они являются основой формирования и развития более сложных человеческих качеств и свойств, в том числе, составляющих основу адаптивности – общего свойства личности, определяющего успешность адаптации в социальной среде.

Пожалуй, одна из главных проблем исследования адаптивности – мозаичность получаемых данных и трудность согласования результатов, описанных разными авторами. Огромные массивы эмпирических данных, полученные и накопленные к настоящему времени, не позволяют прийти к однозначному выводу относительно состава свойств, которые можно трактовать как адаптивные. К тому же качественное разнообразие способов, приемов, стратегий адаптации делает нецелесообразным выявление конкретных элементов, имеющих адаптивное значение. Попытка решить эту проблему может быть реализована в замене субстратного подхода, делающего акцент на изучении качественного состава адаптивности, структурным, рассматривающим организацию элементов (качеств), имеющих ценность для конкретного адаптационного процесса. Безусловно, это связано и с тем, что различные факторы адаптации действуют не независимо друг от друга, давая некий суммарный эффект, а образуют систему со сложными взаимосвязями. Одни из них могут усиливать или, наоборот, ослаблять влияние других. Поэтому именно целостность, интегрированность и скомпенсированность личностных свойств могут служить основой адаптивности [169].

Однако когда речь идет о задаче нахождения и построения механизма управления адаптационным процессом, вопрос о качественном составе адаптивности занимает далеко не первое место. Большее значение для адаптации

имеет, на наш взгляд, метафизическое стремление понять природу, истоки возникновения и способы развития тех качеств, которые необходимы в данный момент времени жизнедеятельности человека. Ведь и мировой истории и современности известны примеры, когда обладая всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами, человек оказывался не нужным обществу, в котором он живет. Это ощущение ненужности, в том числе входящее в сложный состав признаков дезадаптированности, не зависимо от его субъективности или объективности, может быть временным или постоянным и приводить к трагическим последствиям. По каким причинам человек образованный, интеллектуально и физически развитый, получивший качественное образование и обладающий профессиональными знаниями, умениями, навыками, необходимыми и достаточными для того, чтобы быть успешным и востребованным в данном обществе, оказывается за «бортом» жизни? И наоборот: почему хулиган и бывший двоечник, не обладающий и сотой долей интеллекта и необходимыми способностями, оказывается хорошо адаптированным в данной социальной среде? Психологи, философы и другие ученые не однозначно отвечают на эти вопросы, но есть общая тенденция объяснять широкую популярность и всеобщее признание таких людей некой субстанцией – качеством, однозначного определения которого не существует. Его называют таинственной аурой, магнетизмом, харизмой, особой притягательностью, даром и т.п. [113, с. 34]

Выражений и слов для обозначения данного качества много. Мы провели свой собственный анализ и нельзя сказать, что его выводы содержат что-то новаторское, абсолютно новое. Дело в том, что автор работы, занимаясь адаптационной проблематикой, стала приверженцем концепции, которая известна еще со времен античности, и умы гораздо более острые и просвященные, чем представляемый, в течение длительного времени пытались найти ответы на вопросы, которые в разные эпохи звучали по-разному: что есть человек, куда он движется, движется ли он вообще, что двигает им: рок, судьба, или сам человек плетет нити своей жизни, в чем различия между людьми и чем они обусловлены?

и т. п. Со времен зарождения человечества ученые пытались понять и найти корни и причины успешности одних и не успешности других людей, в сущности, пытаясь ответить на главный вопрос философии: есть ли смысл в человеческом существовании и, если есть, то в чем он заключается? [108].

Безусловно, каждый человек стремится к достижению максимального комфорта, к ощущению собственного благополучия, удовлетворению собственных потребностей. Трудности, которые встают на пути достижения человеком целей, в том числе, связанные с социальным адаптационным процессом – это, фактически, главные факторы человеческого изменения, роста, развития. Без преодоления этих трудностей, человек не был бы человеком, или все время находился бы на одной и той же ступени развития. Чем больше таких трудностей встречается на жизненном пути личности, тем более опытным, более развитым становится человек, «более приспособленным» к данному социуму. Значит, чтобы успешно адаптироваться к различным социальным изменениям, да и быть успешным в принципе, необходимо постоянно преодолевать противоречия, накапливая соответствующий опыт, что способствует саморазвитию и самосовершенствованию человека.

Эти издревле известные истины, логичные и доступные для понимания практически каждому, почему-то не всеми активно применяются на практике. Человеческая лень, эволюционируя вместе с развитием общества, масштабируя пропорционально техническому и социальному прогрессу, является одним из факторов, дезорганизирующим адаптивную деятельность человека, делая его все более пассивным и апатичным в отношении разрешения социальных противоречий. Есть еще множество факторов: генетических, психофизиологических, связанных с характером человека и его темпераментом, много социальных причин, которые разрушают целеустремленность, силу воли, стремление к победе и достижению каких-то жизненных результатов.

Давно известно, что одной из главных отличительных особенностей человека является то, что он обладает свободой выбора как в рамках своих

отношений с внешней средой, так и по отношению к себе самому [267]. Это значит, что человек всегда может измениться, или, по крайней мере, стремится к изменению в отношении собственной личности как в «лучшую», так и в «худшую» стороны. В связи с этим возникает логичный вопрос о том, что такое лучшая и что такое худшая сторона для человека и каково их содержание? В психологии широко известна довольно простая истина: «каждый человек индивидуален, а потому нет универсальных правил и принципов жизни, для каждого они свои». В обыденной общественной жизни людей укоренилась такая же по смыслу поговорка: «каждому свое». И тем не менее, ответ на данный вопрос, как нам кажется есть. Автору данной работы понадобилось почти пятнадцать лет для того, чтобы безэмоционально, твердо и объективно решить данную задачу, во всяком случае, для себя. Ответ на вопрос, что хорошо для каждой личности, или, применительно к настоящей проблематике: как успешно адаптироваться к социуму в любой момент жизни человека, следует искать, по нашему мнению, в направлении раскрытия своих индивидуальных способностей, особенностей и возможностей, в которых данному человеку нет равных. Чаще всего, - это только какая-то одна способность, но бывает, что уникальность человека проявляется как талантливость и гениальность в нескольких сферах. Следует заметить, что под такой способностью автор работы не имеет в виду нечто выдающееся, особенное, творческое. Это может быть вполне заурядная, повседневная способность, которая представляет ценность, как для самого человека, так и для других людей, для общества в целом. Это то, что помогает человеку приблизиться к траектории своей неповторимой индивидуальности, подобрать ключ к своему дару.

Когда человек интуитивно или сознательно, частично или полностью осознает «свое предназначение», движется в направлении раскрытия своих способностей, тогда и процесс адаптации у него осуществляется несколько иначе, чем у другого. Такая личность ведет и ощущает себя совершенно иным образом, она полна осознания собственной значимости, значительности, нужности,

которые удерживают ее от множества малоэффективных, малопродуктивных, деструктивных поступков, препятствующих эффективности адаптационного процесса. Здесь следует отметить, что, по нашему убеждению, у человека, стремящегося к раскрытию собственных способностей в том смысле, в котором мы имеем в виду, «не кружится голова от собственного величия», а потому это не приводит к нарушению некоего нравственного баланса в отношениях с другими людьми. Человек ощущает себя уникальным, но при этом не кичится этой уникальностью, а использует ее на благо себе и других. Это в данном случае и позволяет ему достичь, по нашему мнению, истиной адаптированности в конкретном социуме.

Естественно, что одного стремления личности к раскрытию собственной уникальности и неповторимости, может быть не достаточно при определенных, например, неблагоприятных социальных условиях. Так было при различных диктатурах, экономических и культурных кризисах, коммунистическом режиме в нашей стране [65]. Если бы наше общество было устроено правильным и целесообразным с описываемой точки зрения образом, то важнейшей задачей всей системы образования и воспитания нашей страны была бы та, которая способствовала раскрытию сущностных сил и неповторимой уникальности каждого ребенка с самого рождения. Поэтому лучшее, с нашей точки зрения, общество, такое, которое помогает человеку всячески «приблизиться» к раскрытию своей индивидуальности и талантов, вне зависимости от своего происхождения и положения. Тогда же может решиться и проблема «звездной болезни»: если все в таком обществе будут в своем роде «гениями», причем, гениями нужными данному обществу и признаваемыми им, то и «кичиться» своим талантом будет не перед кем.

Итак, основной вывод подобных рассуждений применительно к адаптационной проблематике: эффективной социальной адаптации человека в обществе способствует активное стремление к раскрытию и реализации индивидуальных способностей и возможностей, востребованных в данном

обществе, и позволяющих личности удовлетворять свои потребности. Это общее стратегическое направление, естественно идеальный вариант жизнедеятельности. Очень часто жизненная реальность такова, что существует множество обстоятельств, препятствующих его осуществлению. Поэтому универсальная, глобальная задача адаптации любого человека видится нам в преодолении препятствий, разрешении трудностей и противоречий именно для реализации и раскрытия своих сущностных, неповторимых свойств и возможностей, а частные задачи и цели определяются исходя из конкретных обстоятельств жизни.

Способности человека определяются его задатками, в которых практически нет ничего социального, поскольку они задаются анатомо-физиологическим строением головного мозга и тела, а также генным набором [155, с. 34-38]. Задатки развиваются в процессе воспитания и социализации, который, с нашей точки зрения, в большинстве семей осуществляется «неправильным» образом. Парадоксально, но физически и психически здоровых детей мы воспитываем, совершенно не считаясь с их задатками, тогда как ребенка, родившегося с дефектами развития, воспитывают так, что у него развиваются именно те задатки, которые у него есть, и которые определяют его успешное и эффективное существование в обществе, помогают ему становится полноценным его членом. Собственный педагогический опыт автора, а также многочисленные опросы учащихся свидетельствует о том, что большинство родителей «подгоняют» детей под некий социальный образец, который складывается из множества стереотипов, формирующихся в общественной среде [156; 266]. Так или иначе, эти стереотипы (чем заниматься, куда поступать, какие иметь увлечения и т.п.) связаны с коллективным архетипом (Г. Юнг), неким собирательным образом успешного человека, который, зачастую складывается не на основе рационального осмысления жизненного пути успешной личности, а на основе интуитивных догадок и не достаточно объективных умопостроений. Если уж совсем углубиться в психологию, то по нашему мнению, такие родители сознательно или неосознанно пытаются реализовать собственные неудовлетворенные потребности,

заставляя своих детей добиваться того, чего не смогли добиться сами. В результате, ребенок не развивает или развивает свои способности не в том направлении.

Итак, для успешной адаптации индивида в социуме, необходимы ресурсы, которые реализуются человеком в общественном труде, который востребован данным социумом, и одновременно являются внутренними качествами, способствующими становлению и развитию его индивидуальной сущности.

Однако подобная трактовка представляется слишком широким условием. Совершенно очевидна необходимость определения некоторых общих критериев, которые и будут задавать описанное направление жизнедеятельности, обозначенное нами как магистральное в достижении эффективности адаптационного процесса.

Проанализировав имеющиеся данные из различных научных источников, в том числе, синтезируя и обобщая уже имеющиеся разработанные классификации адаптивных ресурсов, автор пришла к выводу о том, что все адаптивные качества представляют собой конгломерат характеристик, которые можно объединить в четыре группы: когнитивные, аксио-культурные, коммуникативные и поведенческие. Эти характеристики задают соответствующие одноименные критерии социальной адаптивности – интегрального личностного свойства, определяющего успешность социальной адаптации.

Первый критерий – когнитивный. По нашему мнению, он определяет способность человеческого интеллекта конструировать информационные модели решений проблемных ситуаций на основе их анализа и оценки. Аксио-культурный критерий связан со способностью усваивать нормы и ценности данной социальной среды; коммуникативный – со способностью построить отношения, достигнуть взаимопонимания с другими людьми, социальными группами. Наконец, поведенческий критерий социальной адаптивности определяет направленность личности на активное преодоление трудностей,

готовность к соответствующим видам деятельности в условиях самовыражения и самореализации творческих способностей.

Возможности оценки социальной адаптивности/неадаптивности, по нашему мнению, будут определяться тремя основными параметрами: количественным, качественным и объективными поведенческими показателями, которые можно диагностировать в ходе наблюдения.

Количественную величину адаптивных характеристик можно определить как уровень их развития или степень выраженности с помощью существующих диагностических методик. Они весьма разнообразны и многочисленны, позволяют получить информацию как об одном выбранном качестве, так и о нескольких. К тому же на сегодняшний день известны методики, которые позволяют как комплексно, так и точно (по отдельным показателям) исследовать социальную адаптивность (Д. Роджерс, С. В. Чермнянин, А. Г. Маклаков) [183; 315].

Качественный анализ социальной адаптивности, целесообразно проводить, на наш взгляд, опираясь на уже описанные выше критерии. Собственно же поведенческие показатели ориентируют нас на исследование истоков поведенческих актов и стратегий и направлений деятельности индивида. Таких общих стратегий, как известно, выделяют шесть: сотрудничество, компромисс, конфликт, соперничество, приспособление, избегание [282]. Однако нам представляется, что в контексте адаптационных вопросов, данная классификация нуждается в уточнении и дополнении. Это связано с тем, что в процессе приспособления, познания новых социальных условий жизнедеятельности у человека складываются неосознанные первоначальные оценки проблемной ситуации, которые через эмоционально-оценочно-деятельностные проявления постепенно осознаются и развиваются в устойчивые ценностные ориентиры личности, сказывающиеся на дальнейшей деятельности человека.

Итак, адаптационный процесс начинается с оценки адаптирующимся субъектом проблемной ситуации и инвентаризации им личностных адаптивных

ресурсов, необходимых и достаточных для ее разрешения. Данный этап адаптационного цикла будет обозначен нами как «активизационный» - это стартовый момент социальной адаптации. В зависимости от итогов рефлексии социальной адаптивности – совокупности адаптивных ресурсов, личностью будет осуществлен выбор стратегии адаптивного поведения, которая и определит общую направленность адаптационного процесса, задаст вектор движения личности в направлении решения проблемы.

Дальнейшая логика решения задачи определения и построения механизма управления адаптационным процессом со всей очевидностью видится в определении основных возможных вариантов развития адаптивной ситуации в зависимости от комбинации личностных адаптивных качеств и выбора индивидом стратегий разрешения проблемных ситуаций. Перечисление всех возможных подобных комбинаций – задача, с одной стороны, достаточно трудоемкая, с другой стороны – относительно простая, т. к. в конечном итоге сведется к обычному перечислению вероятностных вариантов комбинаций уровня развития адаптивности с адаптивными траекториями решения индивидом проблемы. Первоначально автор хотела следовать именно этой логике, однако в процессе работы стал виден поверхностный и описательно-приблизительный характер получающейся классификации (не абсолютно аналогичные, но напоминающие подобную в большом количестве уже встречаются в научной литературе) [81; 144]. Поэтому авторская задача с простого описания возможных вариантов адаптивной направленности личности сместилась в сторону нахождения «формулы», которая, с одной стороны, носила бы исчерпывающий характер, с другой, - не содержала ничего лишнего и необязательного.

В этой связи авторская мысль вернулась к рассмотрению социальной адаптивности, а именно к ее качественному составу. Была поставлена задача наполнить термин «социальная адаптивность» предельно точным содержанием, т.е. обозначить, выделить и конкретизировать адаптивные характеристики. Что же касается адаптивных стратегий поведения, то пока за основу было решено взять

шесть классических форм, о которых уже было сказано: сотрудничество, компромисс, конфликт, приспособление, избегание, конкуренция. Симбиоз конкретных адаптивных качеств с вышеназванными стилями и определит в конечном итоге возможные варианты адаптивной личностной направленности, которые можно измерить, и которые будут являться ориентирами в построении механизма управления социальной адаптацией. «Измерить все, что поддается измерению, а что не поддается – сделать измеряемым» [104] - именно этот Галилеевский принцип будет лежать в основе дальнейшей авторской попытки предложить метод, который позволит анализировать, измерять и даже градуировать один из важнейших параметров адаптационного процесса – социальную адаптивность.

Итак, из каких характеристик или компонентов складывается социальная адаптивность в ее «максимальном» выражении? Для начала разделим эти характеристики на три группы: первая определяет отношение к себе, вторая – отношение к другим людям и третья – отношение человека к труду [155, с. 45-49]. Кроме того, будем иметь в виду и выделенные выше критерии адаптивности: когнитивный, коммуникативный, аксио-культурный и поведенческий. Наконец, ставя данную задачу, постараемся избежать лишних нагромождений и ограничиться только одним качеством по каждому из выделенных критериев и групп. В итоге должен получиться идеальный тип человека, который, обладая совокупностью данных качеств, будет являться неким эталоном, демонстрирующим максимально эффективный результат адаптации. Такого человека для удобства и краткости дальнейшего изложения назовем адаптонистом.

Основополагающим и первым признаком социальной адаптивности, относящимся к последней группе (отношение к труду), является нацеленность человека - адаптониста на развитие и самосовершенствование через осознание цели своей жизни, стремления ее достичь. Это качество может обнаруживать себя в следовании некой идее, миссии или проявляться просто как увлеченность неким

делом, своей профессией, при условии, что человек стремится достичь в ней совершенства, постоянно шлифуя свое мастерство. Личность, обладающая подобным качеством, априори должна быть уверена в себе и в своих силах справляться с различными трудностями и разрешать возникающие противоречия, поскольку хорошо владеет определенными навыками, востребованными в данном обществе, и постоянно их совершенствует. И даже неожиданная смена ситуации не способна выбить ее из колеи, поскольку такой человек готов учиться, развивать и находить применение своим талантам в любой социальной среде. Воспользовавшись термином А. Маслоу, назовем данное качество самоактуализацией (С) и отнесем этот пример к деятельностному критерию социальной адаптивности [168].

Второе качество – целеустремленность (Ц). Автор сомневалась, выделять ли это качество в самостоятельный параметр, поскольку оно тесно связано с самоактуализацией личности, однако было решено признать подобную сегрегацию необходимой. Самоактуализацию без целеустремленности представить трудно, но целеустремленность без стремления к самоактуализации встречается довольно часто. Например, это может выражаться в желании достичь материальных благ не посредством личностного развития и совершенствования своих навыков для того, чтобы больше зарабатывать, а путем накопительства или мошенничества. Целеустремленность определяет смысл жизни человека, она позволяет фильтровать информацию, давая понять, что является важным в данный момент, а что абсолютно не важным, второстепенным, не стоящим внимания. Иными словами, интеллект целеустремленного адаптивиста как раз и обладает способностью конструировать информационные модели решений трудных жизненных ситуаций, что соответствует когнитивному критерию социальной адаптивности и определяет отношение человека к себе.

Третье качество определилось само собой, логично вычленившись из предыдущего, – чувство ответственности (ЧО) за выбор того или иного действия, в данном случае – стратегии выхода из проблемной ситуации (аксио-культурный

критерий соответственно). Оно должно базироваться не на стыде или страхе выглядеть жалким в глазах окружающих, а на чувстве самоуважения (боязни выглядеть жалким в своих собственных глазах)². При этом здесь нельзя забывать и о «комплиментарном» понятию ответственности понятию «свобода». Адаптонист, не чувствующий соотношение и не понимающий истинное значение этих понятий может стать мощнейшим орудием зла для других в стремлении достичь своей цели любыми способами. Ответственность как личностный атрибут отражает отношение человека к социальному окружению и является основой ценностных ориентаций человека.

Ну и, наконец, осталось определить четвертое качество, которое соответствовало бы коммуникативному критерию адаптивности, и, соответственно, группе качеств, определенных как отношение к другим. Здесь автору тоже пришлось немало сомневаться. Первое, что изначально приходило на ум – коммуникативная компетентность. При всей широте и многозначности своего смысла, это понятие охватывает самую суть того, что хотелось передать. Именно коммуникативная компетентность является одной из основ успешной жизнедеятельности личности в обществе, именно она во многом позволяет личности находить компромисс в конфликтных ситуациях, сглаживать их остроту. На наш взгляд, наиболее удачное из всего множества определений коммуникативной компетентности дают В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша: коммуникативная компетентность — это... формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдение приличий, воспитанность, ориентация в коммуникативных средствах, присущих национальному, сословному менталитету и выражающихся в рамках данной профессии [143]. Однако громоздкость и чрезмерная многослойность подобного определения дисквалифицирует его в рамках решения данной задачи.

² Ремарка: Долго размышляя о проблеме долга и ответственности, автор пришла к выводу, что все же «истинная» ответственность «не нуждается в свидетелях». По настоящему ответственный человек принимает решение, регулирует свою деятельность, не столько оглядываясь на других (хотя и это тоже имеет значение в адаптационном процессе), сколько по внутренней убежденности. Любой безответственный поступок глубоко противоречит самой природе такого человека, является для него противоестественным.

Необходимо определить конкретное качество. Сначала автор выбирала из предложенных вышеназванными авторами критериев. Более всего импонировала воспитанность, однако и это качество не несет конкретной смысловой нагрузки, поскольку обладает чрезмерной субъективностью. Нужно было качество, которое аккумулируя в себе все содержащиеся компоненты определения коммуникативной компетентности, было предельно конкретным и четко связывалось с адаптационным процессом. Постепенно отсекая одно за другим, из всех качеств было выбрано качество на первый взгляд, совершенно не подходящее и неуклюжее - чувство собственного достоинства (ЧДС). Это четвертая характеристика адаптониста, соответствующая коммуникативному критерию. Подобный выбор нуждается в пояснении.

Аристотель, например, считал умеренность и сдержанность главным элементом в «арете» (достоинство) личности [189]. Кантовское требование гласит: «обращайся с человеком, который есть нечто большее, чем машина, сообразно его достоинству» [115]. Кант же писал: «Уважение, которое я испытываю к окружающим и которого они вправе требовать от меня (*osservantia aliis praestanda*), есть признание достоинства (*dignitas*) другого человека, то есть некой ценности, не имеющей стоимости и не могущей быть обмененной ни на какой эквивалент, являющийся объектом оценки» [116].

Этимологически «чувство собственного достоинства» можно интерпретировать и в негативном ключе, подразумевая болезненное самолюбие человека, чрезмерную обидчивость, чванливость. Поэтому, с нашей точки зрения, достоинство – это набор внутренних регламентаций и табу, которые регулируют процесс общения между людьми. Это не статус, не естественное право человека, а именно внутреннее состояние, совокупность мировоззренческих и нравственных принципов, которые позволяют человеку, с одной стороны, выстраивать бесконфликтные, толерантные, равноправные отношения с партнером по общению, с другой стороны – сохранять индивидуальность, верность собственным представлениям и принципам. Вести себя достойно с партнером,

сохраняя при этом собственное достоинство – это, на наш взгляд, главнейшее качество эффективной коммуникации в процессе социальной адаптации личности.

После того, как было определено четвертое качество, возник закономерный вопрос об его измерении. Самоактуализацию, целеустремленность и даже чувство ответственности можно измерить с помощью существующих уже разработанных валидных методик. Для чувства собственного достоинства такого измерителя нет. Однако есть методики, измеряющие чувство собственного достоинства односторонне, то есть диагностирующие «терпимость, стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от превалирующего типа или не придерживаются общепринятых мнений», то есть – толерантность [238]. В связи с этим было принято решение разработать собственный инструмент измерения – анкету для изучения того, насколько человек в процессе общения с другими сохраняет свою индивидуальность, верность собственным представлениям и принципам, и использовать ее совместно и одновременно с диагностической методикой «Индекс толерантности». Данный тест был разработан Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаевым и Л. А. Шайгеровой. Стимульный материал опросника составили утверждения, отражающие как общее отношение человека к окружающему миру и другим людям, так и социальные установки в различных сферах взаимодействия и общения, где проявляются толерантность и интолерантность человека, а также коммуникативные установки: уважение к мнению оппонентов, готовность к конструктивному решению конфликтов и продуктивному сотрудничеству [228].

Если собрать все вышеизложенное воедино, то «формула» социальной адаптивности будет выглядеть следующим образом: социальная адаптивность – это совокупность следующих личностных характеристик: стремление к самоактуализации, что позволяет человеку раскрывать свои сущностные силы; целеустремленность, которая позволяет человеку фильтровать информацию и

выбирать необходимую для решения данной проблемы; чувство ответственности, позволяющие выбирать адекватные адаптивные стратегии; и чувство собственного достоинства, определяющее толерантность в процессе общения с другими и сохранение собственной индивидуальности и принципов.

Каждая из этих характеристик является неотъемлемой характеристикой социальной адаптивности. Отсутствие или недостаточная выраженность хотя бы одной из них означает, что человек хотя и находится на пути к достижению положительного результата социальной адаптации, но еще все-таки не достиг его.

Для того, чтобы проверить верность этого утверждения автор решила продемонстрировать и описать на конкретных примерах типы людей, которые лишены одной из перечисленных черт, обладая при этом всеми остальными. Начнем по порядку, следуя за компонентами, перечисленными в «формуле». Для удобства и краткости иногда будут использоваться аббревиатуры: С (самоактуализация), Ц (целеустремленность), О (чувство ответственности), ЧДС (чувство собственного достоинства).

Первый тип будет обозначен как адаптонист без стремления к самоактуализации (А-С). Первое, что приходит на ум в качестве примера – прототип героя Евгения Онегина из одноименного произведения А.С. Пушкина. Онегин предстает перед нами как способный, интеллектуально развитый молодой человек. «Ц» - есть, хотя недолговременные, стратегические, а достаточно ситуативные (волочиться за красавицами, вызвать Ленского на дуэль, добиться внимания Татьяны в конце поэмы и т. д.). «О» - с некоторыми колебаниями, но все же следует признать, что есть. Поступки Евгения порывисты и неразумны. Чего стоит только вызов Ленского на дуэль, нанесение оскорбления Татьяне (но он же не виноват, что не любил ее; жалость в тот момент была бы более кощунственна, на наш взгляд). Однако практически за каждым совершенным поступком идет рефлексия совершенного и раскаяние (...»На тайный суд себя призвав, он обвинял себя во многом...» - как раз подтверждение того, о чем

писалось выше – истинная ответственность в свидетелях не нуждается) (А. С. Пушкин Евгений Онегин).

«ЧДС» у персонажа выражено достаточно ярко. «Быть бойцом, мужем с честью и умом» - это жизненное кредо особенно четко просматривается и в объяснениях с Татьяной, и на дуэли.

Единственное, чего не достает этому во всех отношениях лично нам симпатичному персонажу, – самоактуализации, стремления к чему-то высшему, к развитию своих собственных возможностей. Отсюда скука, тоска, «охота к перемене мест». Отсюда и не способность найти свое место в обществе, адаптироваться и утвердиться в какой-либо социальной среде. Если бы Онегин вместо того, чтобы непрерывно и хаотично «таскать самого себя» из одной точки жизнедеятельности в другую, занимался саморазвитием, он стал бы классическим примером адаптониста.

Второй тип будет представлен как «адаптонист без чувства ответственности» (А-О). Ярким примером данного типа, по нашему мнению, могут служить многие ученые, самозабвенно занимающиеся наукой и преклоняющиеся перед ней. Научно-исследовательский интерес и страсть к науке у таких людей может быть выражен настолько сильно («С» безусловно, присутствует и даже главенствует), что заглушает чувство ответственности за результаты собственных разработок, которые могут быть губительны как в единичных, так и в массовых масштабах (водородная и атомная бомбы, например, орудия массового уничтожения и т.п.). Целеустремленность безусловно характерна таким людям, ЧДС может иногда переходить «нормы» (гордыня и излишняя чванливость), однако большинство ученых все же обладают необходимым качеством. И тем не менее, только тогда, когда описываемый нами ученый осознает и попытается каким-либо образом исправить причиненный им вред – тогда он и станет настоящим адаптонистом. Опять возьмем пример из литературы – профессор Преображенский из повести М. Булгакова «Собачье сердце». Ученым движет жажда познания, стремление изменить природу, и он

превращает пса в человека, в котором нет души, нет любви, чести, благородства (М. Булгаков).

Третий тип «недоадаптиста» соответствует схеме А-Ц. По сути, это тип человека, который не знает, чего он хочет, который не может определиться и хаотично мечется в поиске своего места в обществе. При этом он, безусловно, обладает «С», даже в избытке, и при первом взгляде может производить впечатление всестороннее развитого человека, однако однозначной жизненной цели, «миссии» у него нет. Такой типаж людей довольно распространен в наши дни, они напоминают игроков, которые не ставят постоянно на одно и то же число, надеясь, таким образом повысить свой шанс на успех, но на самом деле результативность такой стратегии очень низкая. В народе на этот случай существует поговорка: «наш пострел везде поспел». ЧДС у таких людей может быть на очень высоком уровне. Есть много людей, как раз подходящих под этот тип, которые скорее на интуитивном, чем на осознанном уровне, выстраивают более чем гармоничные отношения с другими людьми, слынут «душой компании». Ответственность – присутствует. Такие люди, например, рискуя собственной жизнью, могут спасти несколько человек из горящего здания. И только отсутствие четкой цели в жизни, постоянная разбросанность и стихийное брожение, не позволяют им окончательно утвердиться в обществе и быть адаптивным.

Наконец, четвертый тип – адаптонист без чувства собственного достоинства (А-ЧДС). Для примера опять приведем литературного персонажа - князь Мышкин из романа «Идиот». Это человек, стремящийся к развитию, некой вершине («С» и «Ц» присутствует), с высоко развитым чувством ответственности («О»), что просматривается почти в каждом его поступке. Что касается ЧДС, то его, по нашему мнению, у героя нет. Не смотря на уважительное и эмпатичное отношение ко всем окружающим, не смотря на эпизод, где князь в доверительной беседе пробуждает человеческую реакцию в лакее, у Мышкина нет одного из важнейших качеств, необходимого для адаптониста – чувства самоуважения. Не

случайно его иисусоподобной смиренностью пользовались все кому не лень. Недостаточное уважение к себе и чрезмерный конформизм чреваты готовностью отступить от цели своего существования, от раскрытия своих способностей и возможностей (Ф.М. Достоевский).

Итак, описав основные типы адаптониста, сформулировав определение социальной адаптивности, конкретизировав и наполнив его строго определенными качествами, наличие и степень развитости которых во многом определит результативность адаптационного процесса, возникает закономерный вопрос, касающийся другой стороны адаптивного отношения, коей выступает социальная среда, общество. Ведь социальная среда может обладать характеристиками и свойствами, которые будут препятствовать эффективному адаптационному процессу личности, даже при условии высокоразвитых вышеописанных личностных качеств. Примеры этому уже приводились: диктатура, при которой личностный рост, целеустремленность, ответственность и достоинство личности не только ценятся, но являются даже опасными качествами, наоборот препятствующими эффективной адаптации; тяжелые затяжные экономический и социальный кризисы, которые порождают хищнические и эгоистические интересы; войны и анархия, которые представляют уродливые формы бытия, порождающие новые, но такие же уродливые способы адаптации и т.п. [285]

Так каким же должно быть общество, чтобы социальная адаптивность личности раскрылась и проявилась в полной мере? По всей видимости, здесь необходимо ввести новое понятие – понятие «адаптивного общества и рассмотреть его критерии.

Прежде всего, следует оговориться, что, пожалуй, никогда в истории человечества не существовало общества (в масштабах государства), которое бы можно было отнести к стандартам адаптивного, т.е. создающего всесторонние условия для успешной адаптации каждого из его членов. Более того, проблема адаптации вообще никогда ни в одном обществе не ставилась во главе угла и не

поднималась на уровне государственного масштаба. Даже вопросы, связанные с миграционными процессами [147], напрямую имеющие отношение к адаптации, обсуждаются, в России, например, в основном на уровне устранения угрозы государственной безопасности, либо укрепления позиции страны на мировой арене (как это показали события на Украине). Проблема адаптации тех же украинцев – мигрантов – это, прежде всего, задача обеспечения их минимально необходимыми условиями, достаточными для того, чтобы выжить в новой стране и в новых обстоятельствах жизни. Что ж, наше государство делает все возможное для этого, однако, эстафета первенства во всех возникающих при этом проблемах, принадлежит государственным интересам, а отнюдь не интересам отдельных граждан. Иными словами, по нашему мнению, государству не важно, как именно будет идти хотя бы элементарный процесс приспособления к новым ценностям, стилю, особенностям образа жизни, культуре, не говоря уже о том, чтобы создавать условия для раскрытия способностей каждой личности, что и есть социальная адаптация; важно обеспечить протекание хотя бы с минимальным комфортом процесс физиологической адаптации, как будто речь идет не о людях, а об изношенных механизмах, работу которых нужно поддерживать, пока они еще функциональны.

Однако совсем проблемы построения адаптивного социума не игнорируются. Они поднимаются на научно-научном уровне в пределах того диапазона, в рамках которого существует практическая задача создания возможностей преодоления трудностей адаптации в конкретной социальной среде (образовательной, учебной, профессиональной и т.п.). Не случайно в последнее время в научной литературе появилось множество исследований, связанных с проблемами построения адаптивной социальной среды.

Например, чрезвычайно популярным в последние годы стал вопрос о формировании адаптивной **образовательной** среды. Инициативным начинаниям в этом направлении способствовал принятый в 1992 г. в России «Закон об образовании», где прямым текстом провозглашается необходимость адаптивности

системы образования применительно к особенностям развития и подготовки обучающихся [98]. «Это возможно осуществить только в адаптивной школе, которая учитывает возможности учащихся, ориентируется на удовлетворение их разнообразных потребностей и интересов, обеспечивает условия для их жизненного самоопределения и самореализации, создает благоприятный психологический климат педагогического взаимодействия всех субъектов образовательной среды» (Т. М. Давыденко, Н. П. Капустин, С. В. Красиков, Н. А. Рогачева, И. Б. Сенновский, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова, Е. А. Ямбург и др.).

В указанном же контексте в различных науках поднимается проблема формирования адаптивной системы управления (в локальных масштабах), адаптивного рынка труда, экономики, правовой сферы, инвестиций и т.п. Так или иначе, все исследования по данному вопросу можно систематизировать следующим образом. К первой группе отнесем те из них, которые определяют адаптивную среду как способную выжить и успешно функционировать в постоянно меняющейся реальности (М. К. Белый, А. А. Коростелев, М. В. Сорокина В. Приходько и др.) [31; 132; 229]. Ко второй группе можно отнести исследования Т. Парсонса [195], В. Г. Савельева и др. [221], как традиция понимать адаптивную социальную среду как общество, способное к постоянному воспроизведению себя как системы за счет гармоничного соотношения его структуры и функций, которые направлены на удовлетворение потребностей членов данного общества и самого общества в целом.

К исследованиям третьей группы можно отнести работы, посвященные формированию адаптивной социальной среды различных учреждений, в том числе, образовательных, что предполагает учет потребностей, особенностей, возможностей личности [241; 281].

Не смотря на осознание обществом необходимости формирования адаптивной среды и большое количество разработок в данном направлении, этот вопрос по-прежнему является одним из актуальнейших вопросов современности. Причин тому, на наш взгляд, несколько, но так или иначе, вытекающих из одной –

общество (не только российское, но весь мир в целом) еще не готово, не «доросло», не «созрело» для того, чтобы стать адаптивным. Попытки создать такое общество, безусловно, были и в мировом масштабе. Наиболее серьезные из них - идея Лиги Наций Вудро Вильсона [163], еще ранее – работы утопистов-социалистов Томаса Мора, Анри Клода, Сен-Симона и др. [57]. И. Кант в политологическом трактате «К вечному миру» изложил принципы мирного сообщества наций, на идеях которого во многом и зиждился проект В. Вильсона [114]. Мы не зря упомянули работы именно этих классиков. Ведь важнейшим критерием адаптивного общества является мирное сосуществование его членов, за что и радели великие умы. Война, революция, перевороты – это, прежде всего, потеря человеческого достоинства, отсутствие чувства ответственности, ценностная дезориентация и моральное уродство. В подобных условиях тоже можно чувствовать себя адаптивистом, адаптированной личностью, и многие находят свое место в подобной среде, но это меньшинство, которое с нашей точки зрения, трудно назвать адаптированными, поскольку большинство членов общества в этот период чувствуют страх и абсолютную дезориентацию.

В чем причины несостоятельности утопических теорий? С точки зрения построения адаптивного общества в нашем понимании, они не учитывают самый главный критерий такого общества, который подразумевает наличие возможностей для самоактуализации и саморазвития личности. Ведь в таком обществе все едины и равны, трудятся во имя общего блага, используя общие же ресурсы, что априори гасит дух соревновательности, соперничества, а значит и личностного движения вперед. Развитие такого общества возможно, но оно будет идти однолинейно и иметь только одну общую тенденцию. Выйти за ее рамки – значит покинуть данное общество.

В данном отношении более импонирует идея всеобщего мирного сосуществования граждан. Конечно, цели Лиги Наций были заоблачно высокими и достаточно разбросанными: предотвращение войн на основе добровольного разоружения и установление мира в планетарном масштабе; установление

женского равноправия, искоренение рабства и наркомании, отладка эффективных механизмов работы системы здравоохранения и трудового права [163]. Во всем этом содержалась изрядная доля маниловского прекраснотушия, к тому же мировое сообщество того времени еще было не достаточно «взрослым», для того, чтобы сдерживать обещания в направлении установления и поддержания мира и толерантности в меж дипломатических отношениях. К тому же сама идея в то время дискредитировала на корню вторая мировая война, испытание которой и позволило (как это ни кощунственно звучит) по новому оценить значимость мирного существования и подойти к решению этой проблемы с большей ответственностью.

Доказательством этому служит и ныне существующая Организация Объединенных наций, ценность и значимость которой автор видит не только и не столько в том, что эта структура – эпицентр по поискам компромиссов в ситуациях конфликта различного масштаба, (а по сути представляющих конфронтацию эгоистических интересов мировых держав), сколько в том, что она стоит на защите прав человека. ООН задает, во всяком случае, ратует за то, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства» [249]. Эта максима задает «правильный» вектор движения в сторону построения адаптивного общества. Остается надеяться, что когда-нибудь, - желательно не в столь отдаленном будущем, эта цель будет достигнута. Очевидно, что процесс этот будет проходить неравномерно, и в некоторые страны станут адаптивными обществами быстрее, чем другие.

Какими же качествами должна обладать адаптивная социальная среда?

Попробуем оттолкнуться от тех же самых качеств, которые мы приписали адаптивной личности и «примерить» их на объект большего масштаба.

Рассмотрим, как видоизменяются в пределах целого общества адаптивные признаки, свойственные отдельному человеку.

Фактор С (самоактуализация), по нашему мнению, сольется с фактором Ц (целеустремленность), образуя четкое целеполагание. Миссия адаптивного государства в этом аспекте очевидна – оказывать всяческую помощь, создавать все условия для раскрытия сущностных сил каждого человека, его уникальности и таланта. Государство должно оказывать человеку всестороннюю поддержку в этом отношении, и, прежде всего, через формирование соответствующих статей бюджета в области системы образования. Все-таки личностно-ориентированный подход к обучению и воспитанию детей, логическая преемственность различных ступеней образования, профессиональная ориентация, начиная с раннего возраста, всецелостная диагностика способностей и ведение мониторинга личностного роста, - все эти направления не должны декларироваться только на бумаге [9, с. 107-111]. Необходима целостная методологическая и методическая система, обеспечивающая единство их протекания.

Сегодня российская система образования переживает период «переходного», подросткового возраста, кризисное состояние. С одной стороны, государство осознанно взяло курс, ориентированный на Запад, пытаясь приспособить его новейшие тенденции в области образования под российскую действительность, с другой стороны – консерватизм и ригидность, свойственные российскому менталитету, смешивание элементов разных систем обучения приводят к внутреннему конфликту в самой системе образования и отсутствию эффективности в обучении. Есть определенные положительные шаги в этом направлении: законодательно закрепленные приоритеты, частные школы, где субъективный подход применяется более широко, чем в обычных учреждениях, обязательная должность психолога и социального работника в учебных учреждениях и т.п. [129] К тому же, в последнее время весьма популярны и даже введены в уровень обязательных компонентов личностные E-portfolio учащихся,

которые как раз и позволяют осуществлять мониторинг личностных достижений, успехов и других особенностей учащихся [226].

Фактор ответственности «О» предполагает, что руководство страны будет просчитывать последствия каждого своего решения, касающиеся как политико-дипломатических отношений с другими странами, так и внутригосударственных отношений. Здесь одно из главнейших направлений государственной ответственности – это, конечно, сохранение и улучшение качества жизни своих граждан через создание условий для всестороннего развития и самосовершенствования каждой личности, для становления каждого человека полноправным и полноценным членом данного общества, нужным и востребованным. Кроме того, с точки зрения ответственности и по нашему мнению, адаптивное общество – это один большой коллектив, каждый член которого готов пожертвовать своими интересами, своими потребностями ради всего коллектива, и, наоборот, за счет удовлетворения потребностей всего социума удовлетворять свои собственные потребности [256]. Только таким образом можно соблюсти полностью интересы обеих сторон, без ущерба для них самих.

Наконец, последний фактор – чувство собственного достоинства «ЧДС» приобретает для адаптивного общества исключительное значение. Каждое суверенное государство, будь оно хоть адаптивным обществом, хоть нет, заслуживает уважительного, толерантного, равноправного отношения со стороны других государств, равно как и каждый член общества в таком государстве. И хотя эти принципы в современном мире считаются нечто самим собой разумеющимся, соблюдаются они далеко не всегда. Очень часто, оказавшись мишенью агрессивного, пропагандистского, экономического давления, многие страны опускаются до истеричных реакций, низменной риторики, ксенофобии. Порой главы таких государств напоминают «заигравшихся в войнушку» подростков, а не взрослых, апеллирующих к фактам и разуму людей [123]. Идеальный вариант тот, при котором государство, в случае внешней агрессии,

способно к внутренней консолидации и готовности в момент потрясения для страны вынести лишения и пройти через различные испытания, не потеряв при этом собственное «лицо», сохраняя достоинство и давая отпор не силовыми, но дипломатическими методами. Прекрасный пример этому, на наш взгляд, показала Россия в ситуации с украинским конфликтом.

Идеальная модель адаптивного общества, на наш взгляд, - это спортивная команда, сформированная по следующим принципам. Во-первых, это открытая система, куда попасть может каждый, кто обладает соответствующими способностями. Положение в данной группе определяется, прежде всего, уровнем личностной компетентности, а не связями, блатом и другими обстоятельствами. Каждый член команды чувствует свою востребованность и значимость, поскольку занимается деятельностью, направленной на достижение общей цели. Выполняет он эту деятельность не по принуждению, а с радостью, поскольку достижение цели удовлетворит его собственные потребности. Именно поэтому сама структура деятельности каждого члена такой команды подчинена общей логике достижения коллективной миссии. Еще один признак – трудности и противоречия сплачивают, объединяют членов адаптивного общества, и разобщают неадаптивного. В этот период для общества последнего типа, как никогда, характерен групповой и личностный эгоизм [155? с/ 105-110].

Таким образом, мы видим, что все четыре качества, входящие в состав адаптивности, свойственны и адаптивному обществу. Однако не трудно заметить, что применительно к масштабам целого социума этих признаков явно не достаточно. Для того, чтобы государство могло создавать условия для раскрытия возможностей каждого из его членов, необходимо чтобы оно не было озабочено проблемами экономического характера, базового выживания. Трудно представить себе адаптивным общество, где люди голодают, бродяжничают по причине дефицита жилья или не имеют хотя бы элементарной социальной государственной поддержки. То есть, для того, чтобы общество могло называться адаптивным, оно должно быть экономически стабильным и развитым.

Кроме того, в адаптивном государстве должна быть очень хорошо развита система контроля и исполнения законов, норм и принципов, которые принимаются данным государством. В любом обществе по причинам как объективного, так и субъективного характера, рождаются и живут социопаты, нравственные инвалиды, девианты, сущность которых противоречит нормам адаптивного общества. Именно поэтому такое общество должно обладать высокоразвитой правоохранительной способностью, а перечисленные выше качества априори не позволят правоохранительной системе выходить за рамки своих обязанностей и полномочий, как это наблюдается в наши дни, как это было и в прошлом.

Итак, сегодня, многим государствам, многим обществам и сообществам необходимо пройти еще достаточно ступеней в своем развитии, чтобы отвечать требованиям адаптивных. В этом отношении многие современные государства напоминают инфантильных подростков, которым до взрослого состояния еще расти и расти. Адаптивность вообще представляет собой ассортимент черт, которые можно ассоциировать со взрослостью в противовес инфантильности. Э. Берн считал взрослость самым «здоровым» Эго-состоянием человека. Ведь кто является взрослой личностью? Это тот, кто имеет профессию, а значит, обладает необходимыми квалификационными качествами, ведущий себя со сдержанным достоинством, имеющий цель и активно к ней стремящийся, обладающий чувством ответственности [38]. Государство или любая социальная среда-подросток часто ведет себя жестоко, эгоистично, экспрессивно, крикливо, безответственно. По сути, становление и развитие адаптивного общества – это его постепенное взросление. А его существование на ряду с неадаптивными обществами возможно лишь тогда, когда положение неадаптивной социальной среды по отношению к адаптивной – это отношение ученика и учителя.

С учетом всего сказанного можно сформулировать итоговое определение адаптивного общества – это общество (социальная среда), которое обеспечивает полноценное развитие своих граждан в направлении раскрытия ими их

индивидуальных способностей и особенностей; существует в соответствии с твердыми моральными, нравственными, ценностными нормами и способно их сохранять; обладает исторической ответственностью и политической выдержкой; способно гибко реагировать на изменения внешней среды, поскольку зиждется на солидарности и собственной прочности.

К сожалению, в современном мире, очень мало адаптивных обществ на уровне государств, или отдельных государственных отраслей, разве что есть небольшие сообщества – группы, чаще всего профессиональные. Более или менее приближены к адаптивным социальным средам группы, которые в современном менеджменте называются командой, или не таким сегодня модным термином – коллективом [87, с. 27-30]. Его основные обобщенные характеристики уже перечислялись, конкретные же и дополнительные будут зависеть от текущих обстоятельств.

И все-таки есть ли в мировой истории какое-то движение вперед, какой-то прогресс в направлении построения и формирования адаптивных обществ? Возможно, что в конце XIX века этот вопрос можно было бы считать риторическим, и с уверенностью ответить – «да, безусловно, есть. Безмерно расширились способы и возможности адаптации человечества, а общество стало уже не варварское, первобытнообщинное, а цивилизованное, культурное, грамотное, толерантное. Однако события начала и середины XX века показали обратное. После потрясших весь мир революций, двух ужасающих войн и невообразимых зверств, после всех настоящих межнациональных и межгосударственных конфликтов, результатами которых стали израненные морально и экономически государства по всему миру, голоса позитивистов звучат не так бодро.

И все же, кое-какой прогресс есть, человечество движется к адаптивному обществу, только не линейно, а с рецидивами. Адаптивная эволюция «человека разумного» проявляется не только в постепенном усовершенствовании орудий и средств приспособления, но и в смене мотиваций его нравственного и

социального поведения. Если ранее рабы трудились на плантациях ради того, чтобы выжить, избежать наказания от хозяина, то в настоящем времени мы трудимся ради достижения определенной зоны комфорта и удобства, а в будущем, возможно, мы будем заниматься только той деятельностью, которая способствует раскрытию наших способностей, работой по призванию, т.е. ради собственного удовольствия.

В историческом вчера люди адаптировались к социальной среде с определенной «вынужденной» направленностью, чаще для того, чтобы избежать наказания, чтобы не быть изгнанным и отвергнутым; сегодня мы адаптируемся по убеждениям, добровольно, чтобы стать полноправным членом данного общества, в котором бы нас признавали и уважали; в будущем – возможно необходимость в социальных нормах и запретах отпадет совсем, подобные регуляторы адаптации будут не нужны, поскольку в адаптивном обществе психологически здоровому человеку вряд ли вздумается действовать противоправно, аморально, безответственно и безнравственно. Сама нравственность до недавнего времени была неким императивом, достижение которого осуществлялось по религиозной колее: «дабы избежать наказания Господа». Она была неотделима от религии и сочеталась с постоянным страхом предстать перед неизбежным ответом за содеянные грехи. В настоящем столетии, когда мир столкнулся с религиозным кризисом, можно увидеть, что опасения Достоевского (если не станет Бога, все окажется дозволено) были не совсем состоятельны, поскольку современный человек может вести себя (адаптироваться) достойно, и не опасаясь небесной кары. Конечно, это утверждение верно не для ста процентов населения, и даже, возможно, не для пятидесяти, но важен сам факт прогресса в данном направлении. Человек совершенствуется и это как никогда видно не на единичных случаях, а на сумме личностей, т. е. в общественной среде [204].

Еще несколько фактов: если раньше жестокость и агрессия считались определенной адаптивной нормой, то сегодня они рассматриваются как аномалия и преступление, поскольку человек придумал «человеческие», отличные от

животного мира способы адаптации с помощью собственного разума. Конечно, и уже в цивилизованном уровне расстреливали и сажали в газовые камеры, но сегодня это вызывает ужас и негодование, тогда как во времена, когда сажали на кол – это было обычным распространенным явлением. Конечно, мы видим завоевания прогресса и в том, что сегодня адаптация человечества – это не только добывание пищи и воспроизведение потомства, т.е. жизнь по биологическому закону: «выживает сильнейший», но существование в настоящем по законам нравственности, гуманности, уважения. Да, и сегодня во многих частях света дети умирают от голода, миллионы людей живут за чертой бедности, однако оценивать завоевания человечества только по худшим его зонам – это все равно, что судить о произведениях Лермонтова по самым слабым его работам. Адаптивный прогресс по сравнению с предыдущими эпохами виден по государствам и социальным группам, достигшим достаточно высоких ступеней развития [139, с. 204]. Хочется еще раз подчеркнуть, что у ребенка, родившегося в нищей, социально деградирующей, бесправной стране очень низок шанс раскрытия своих способностей.

Жизнь на Земле существует миллионы лет, по сравнению с которыми наша цивилизация появилась только вчера, а точкой отсчета «социального адаптивного времени», на наш взгляд, следует считать момент, когда человек впервые изобрел и взял в руки каменный топор, чтобы подчинить себе природную среду. И хотя еще во времена Екклесиаста считалось, что «нет ничего нового под солнцем», сегодня мы видим всю парадоксальность данного утверждения. Мы все еще шагаем по целине, не смотря на то, что прошло более трех тысячелетий, открывая новые законы, новые возможности и средства собственного духовного и физического устройства (адаптации). И тем не менее, мы еще находимся на раннем этапе своей биографии, где-то на пороге подросткового возраста со всеми причитающимися ему атрибутами: непоследовательностью, жестокостью, легкомыслием, склонностью к бунтам и непослушанию, неуверенностью в себе.

Но у нас есть определенные сдвиги в построении собственного адаптивного пространства как зоны нашего ближайшего духовного развития.

В завершении данной части работы хотелось бы подчеркнуть одно немаловажное свойство адаптивности – ее относительность. По определению Ю. А. Урманцева определенная система существует в конкретной окружающей среде с ее объективно проявляющимися условиями – «адаптивной зоне». Относительно именно такой среды система может быть адаптивной [248, с. 26-28]. Относительно других сред она может и не быть таковой. Применительно к собственной адаптивной зоне система может быть адаптивной абсолютно, но в разной степени, из-за разной значимости адаптивности для ее существования. Например, адаптивность системы образования, по нашему мнению, может быть абсолютной в конкретных условиях образовательного пространства. При их изменении адаптивность может и утратить свое значение и ценность в рамках специализации к тому или иному образу жизни и, с точки зрения, эффективного функционирования объектов системы образования. Анализ этого факта и приводит к понятию об «относительной ценности» адаптивности, затронутому еще биологами.

Относительность адаптивности по сути, на наш взгляд, обусловлена разными типами и уровнями связей и отношений человека и общества в процессе социальной адаптации. Иными словами, адаптивность, если ее понимать как свойство, проявляет себя, формируется и развивается в конкретном деятельностном отношении личности с другими людьми и социальной средой. Но, тем не менее, четыре выделенных качества: самоактуализация, целеустремленность, ответственность и чувство собственного достоинства являются, по нашему мнению универсальными составляющими этого личностного свойства. Именно они задают параметры адаптационного процесса, определяют его критерии и дальнейший выбор индивидом стратегии адаптации. Определение адаптивного общества синхронно определению адаптивной личности. Адаптивное общества – это общество (социальная среда), которое

обеспечивает полноценное развитие своих граждан в направлении раскрытия ими их индивидуальных способностей и особенностей; существует в соответствие с твердыми моральными, нравственными, ценностными нормами и способно их сохранять; обладает исторической ответственностью и политической выдержкой; способно гибко реагировать на изменения внешней среды, поскольку зиждется на солидарности и собственной прочности.

Таким образом, начальный этап адаптационного цикла совпадает по времени с начальным этапом разрешения индивидом противоречия. Основное содержание данного этапа связано с оценкой противоречия и рефлексией личностных ресурсов с точки зрения их достаточности и необходимости для разрешения противоречия.

Существует некое «универсальное Качество», которое способствует эффективности адаптационного процесса. Оно актуализируется и «созревает», когда личность активно стремится к раскрытию и реализации своих сущностных сил, позволяющих ей, с одной стороны, удовлетворять свои потребности, с другой стороны, быть востребованной в данном обществе. Это Качество было обозначено как социальная адаптивность, критериями которой являются: когнитивный, аксио-культурный, коммуникативный и поведенческий.

2.3 Специфика адаптивных стратегий поведения личности в становления и развития личности

Активизационный этап адаптационного цикла помимо оценки индивидом собственных ресурсов, необходимых для разрешения противоречия, включает и оценку самой адаптивной ситуации. Совокупность этих оценок влияет, в конечном счете, на выбор индивидом стратегии поведения в конфликтной ситуации. С этого момента начнется новый временной этап адаптационного цикла, который будет обозначен нами как поисковый.

В этом отношении еще раз необходимо сделать реверанс в сторону докторской диссертации М.В. Ромма, который раскрывает этот аспект с позиции трех подходов: интерпретативного, нормативного и нормативно-интерпретативного или бифокального [211]. Один из главных недостатков этой фундаментальной концепции, на наш взгляд, проявляется в том, что выделяемые адаптивные стратегии рассмотрены безотносительно к адаптивным личностным качествам, а также к результату адаптации. Но автор и не ставит подобную задачу. В своей работе он представил типологию, которая служит основанием для «создания комплексной классификационной системы стратегий социальной адаптации, способной учесть и совместить нормативные и интерпретативные методологические основания анализа адаптации личности в социуме» [211, с. 217]. Следует признать заслугой автора и то, что он, анализируя «комплексную адаптационную стратегию личности», определяя направленность, приоритеты и способы адаптации, не оставил без внимания «частные адаптивные стратегии (активные и реактивные, сознательные и бессознательные, предметно-деятельностные и информационно-психологические), посредством которых личность осуществляет адаптацию на всех уровнях: индивидуальном, групповом и социетальном – и во всех сферах человеческой активности: деятельностной, психологической, информационной...» [211, с. 301].

Вообще же в научной литературе классификация адаптивных стратегий (копинг-стратегий) чрезвычайно распространенное явление, встречающееся даже гораздо чаще, чем вопрос о сущности и природе самого адаптационного процесса. Вполне возможно, что это связано с не вполне серьезным отношением исследователей к данной проблеме как таковой. Любой адаптивный барьер, встречающийся на жизненном пути личности, любая проблемная ситуация уже дает повод для подобных классификаций. И если не углубляться в сущность вопроса, то возникает иллюзия того, что «достаточно просто типологизировать все многообразие адаптивных форм и процессов в обществе, для того, чтобы получить твердое основание классификации стратегий социальной адаптации» [144].

В данной работе предлагается упрощенная классификация, причем ключевым моментом, дающим основу для ветвления адаптивных стратегий, будет являться проблемная ситуация. Тогда адаптивные стратегии индивида – это, по сути, способы, стратегии решения данной проблемной ситуации, противоречия.

Анализируя существующую литературу по данной проблематике, мы столкнулись с разночтениями исследователей по поводу понимания смысла понятий: противоречие, проблема, конфликт, а потому считаем существенным остановиться на определениях данных категорий и внести ясность в понимание их сущности в данной работе. Дабы избежать ненужной компиляции и не муссировать достаточно изученные термины, автор просто кратко изложит свою собственную позицию.

Итак, под противоречием будет пониматься отношение противоположностей, противоположных объектов, сторон, их тенденций. Противоречия объективны и неизбежны в нашей жизни [67].

Проблема, на наш взгляд, - это субъективное отношение человека к объективному противоречию. Например, абитуриент, поступая в вуз, не набирает нужное количество баллов. Объективно существует противоречие между желанием, намерением бывшего школьника поступить учиться и реальным

препятствием в виде требований, которые не позволяют достичь цели. Противоречие в данном случае может быть и другим: между требованиями, предъявляемыми вузом (системой образования) будущим студентам и недостаточно развитыми когнитивными ресурсами, необходимыми для получения высшего образования. Проблему будут актуализировать данные обстоятельства, но в случае индифферентного отношения абитуриента к описываемой ситуации, мы не можем говорить о существовании проблемы как таковой, а только лишь о существовании объективного противоречия. Однако, если к данной ситуации абитуриент будет проявлять личное отношение, выражающееся в форме негативных переживаний, порождающих душевный дискомфорт от того, что цель не достигнута, то речь, конечно же идет о проблеме, сама ситуация воспринимается и оценивается индивидом как проблемная. Есть и третий вариант развития событий, при котором упоминаемый абитуриент может радоваться тому, что цель не достигнута (например, он и не хотел поступать в данный вуз, но «надавили» родители), тогда проблемы для данного индивида тоже нет.

Конфликт, по нашему мнению, – это отношение двух противоположных сторон, при котором одна или обе стороны нарушают «правила» (нормы, законы, принципы, традиции), принятые или установленные для данной ситуации. Этот основополагающий признак конфликтной ситуации вообще почему-то игнорируется многими исследователями, дающими определение конфликта [19]. Чаще всего (если это не аффективный конфликт) конфликт включает в себе и противоречие, и проблему, тогда как проблемная ситуация и противоречие – это еще не обязательно конфликт. Понятие конфликта, на наш взгляд, наиболее соответствует адаптационному процессу, поскольку смена условий существования, которая и актуализирует адаптационный процесс, – это объективное или субъективное нарушение традиционных «правил» бытия.

При такой позиции становится очевидным, что онтологическими, гносеологическими, и методологическими «единицами» измерения, социальной адаптации должны являться «отношения» индивида, его оценки, суждения по

поводу и в каждой конкретной ситуации. На первый взгляд объективно проблемная ситуация может не оказаться таковой для конкретного человека, поскольку он не воспринимает и не оценивает ее как проблемную, и, наоборот, то, что для большинства может казаться проблематичным, не воспринимается и не оценивается как проблема для конкретного человека. Однако подобная выкладка не является причиной для того, чтобы сам исследовательский процесс понимания социальной адаптации потерял смысл, хотя, безусловно, это положение является чрезвычайно важным для дальнейших рассуждений.

В начале главы мы дали общую типологию причин конфликтных ситуаций и пришли к выводу, что источник любого внутреннего и внешнего конфликта лежит в плоскости дихотомии «знаю - не знаю», которая и задает параметры его классификации. Автор выделяла три группы конфликтов, наиболее характерных для адаптационного процесса: противоречия объективного характера, незавершенного действия и конфликты завершенного действия и в их рамках соответствующие разновидности в зависимости от той или иной ситуации. Причем границы и типы этих конфликтов напрямую определяются недостаточной выраженностью или отсутствием выраженности одного из трех личностных атрибутов: адаптационных ресурсов, выбором действия, неопределенностью желаемого результата.

На самом деле это, конечно, не полная систематика конфликтов, мы говорили лишь о наиболее часто встречающихся и характерных для адаптационного процесса. Создание исчерпывающей классификации вряд ли достижимо на практике. Наиболее приемлемым в этом отношении для конфликтологии вариантом является классическая классификация, которая делит конфликты на социальные и внутриличностные [75, с. 122-126]. По всей видимости, задача подобной систематизации – уточнить границы взаимодействия основных структурных единиц (субъектов) конфликта. Но на самом деле эти два вида конфликтов очень тесно взаимосвязаны, взаимодополняют и взаимоопределяют друг друга. Трудно вообразить себе социальный конфликт,

который, в свою очередь может быть представлен межличностным, межгрупповым, между личностью и группой, без острого внутреннего переживания индивида(ов), вызванного затянувшейся борьбой различных структур его (их) внутреннего мира. И наоборот, внутри личностные конфликты порождены итогами взаимодействия индивида с социальным окружением, теми отношениями, которые он выстраивает с себе подобными и, которые не возможны без размышлений, анализа, сравнений, сопоставления своей собственной жизни и внутреннего мира с миром внешним. Подобная рефлексия часто вызывает обострение внутренних комплексов, неудовлетворение, зависть, злость, агрессию и другие негативные чувства – активаторы внутреннего дискомфорта [75, с. 131-134].

Внутриличностные конфликты, по нашему мнению, – это противоборство, отношение противоречия между следующими внутренними личностными подструктурами: между «хочу» и «хочу», между «хочу» и «нужно», между «хочу» и «не могу», между «могу» и «не могу», между «нужно» и «нужно», между «нужно» и «не могу». Как можно увидеть из данной классификации, триада: «хочу» - «могу» - «нужно» практически соотносится с выделяемыми нами выше модусами адаптационного процесса: «как хочу?», «что имею?», «что хочу?».

Итак, какие же основные стратегии деятельности характерны в ситуации конфликта? Шесть основных: избегание, соперничество, компромисс, сотрудничество, конфликт, отрицание уже упоминались. Сейчас речь пойдет о более общих стратегиях, задающих «общий камертон», личностную направленность в ситуации противоречия.

Если говорить в самом обобщенном виде, то таких стратегий всего две: активная и пассивная [275]. Активная стратегия характеризуется целенаправленным стремлением человека разрешить противоречие, снять деструктурирующие нормальную жизнедеятельность факторы. Это деятельная форма отношения индивида к трудной жизненной ситуации, направленная на активное преобразование окружающей среды. Но эта активность может иметь как

положительную, так и отрицательную направленность, быть как конструктивной, так и деструктивной. Критериев у того и у другого вариантов множество, они задаются параметрами окружающей среды, и, прежде всего, соответствием деятельности индивида нормам и требованиям данного общества. Но в контексте нашей работы, любая деятельность, которая не приводит к личностной прибавке опыта, а значит личностному росту – деструктивная. Она характеризуется спонтанностью, дезорганизацией, импульсивными, а не целенаправленными поисками выхода из ситуации конфликта. Кроме того, для такой деятельности могут быть характерны разрушительные или агрессивные действия по отношению к социальному окружению или самому себе и ухудшение качества жизнедеятельности в целом [151]. Иными словами, речь идет о дезадапционном поведении.

Конструктивная активная деятельность – это всегда личностный рост и развитие через расширение и повышение уровня поисковой, познавательной активности, мобилизация адаптивных ресурсов на решение проблемы.

Пассивная стратегия совладения с трудными жизненными ситуациями также реализуется в двух формах. Первая связана с простым приспособлением, конформным поведением индивида, при котором он отказывается от отстаивания и защиты своих интересов и целей, идет на уступки социальной среде, обстоятельствам. Происходит общее снижение эффективности жизнедеятельности или она остается на уровне, соответствующем меняющимся условиям. Другая форма пассивной адаптивной стратегии проявляется как уход или избегание ситуации конфликта. Демонстративно это выражается в отказе от дискомфортного взаимодействия, уход в фантазии и иную реальность с помощью алкоголя, наркотиков, психотропных средств, которые и способствуют «квази-адаптации». основополагающей чертой пассивной стратегии адаптации является отсутствие прибавки социального опыта, остановка в развитии, личностный или общественный регресс [151].

Диалектический парадокс этих двух стратегий адаптации – активной и пассивной, заключается в том, что в обоих случаях, не зависимо от того, какую стратегию выберет индивид, общая результативность социальной адаптации как таковой (а именно ее количественный аспект) может быть одинаково оценена как положительная. Иными словами, и в том, и в другом случае, можно диагностировать внешние признаки адаптированности индивида в конкретной социальной среде, и даже его успешное функционирование в ней. Но эта успешность (при пассивной стратегии) на самом деле иллюзорна: при всем внешне атрибутивном благополучии, в душе у такого человека может твориться ад, т. е. развиваться внутриличностный конфликт. В ситуации, когда человек принимает различные психоактивные средства, для того чтобы адаптироваться, «смириться» с окружающей реальностью, можно говорить о той же самой адаптированности, но как о внутреннем субъективном ощущении, т.е. самооценка процесса адаптации будет положительной, а внешняя оценка социального окружения – отрицательной. Это положение только подчеркивает диалектичность каждого из компонентов и аспектов адаптационного процесса, в том числе и его направленность. Вот почему так важно изучать внутренние ментальные характеристики субъекта на всех временных этапах адаптационного цикла; это позволит дать более объективную картину его социальной адаптации.

Итак, безусловно, наиболее приемлемой и эффективной с точки зрения результативности адаптационного процесса будет активная конструктивная стратегия. Однако, в процессе анализа различных адаптивных стилей, мы столкнулись с одной конфронтационной позицией, касающейся разделения адаптивных стилей поведения в конфликте на активные и пассивные.

А. А. Реан, рассматривая варианты взаимодействия человека с социальной средой, возражает против такого разделения. «Второй тип, - пишет автор, - тоже активный. Но здесь речь идет об активном приспособлении личности, об активном самоизменении, самокоррекции в соответствии с требованиями среды» [207, с. 23-25]. Именно поэтому автор предлагает критерием различения типов

адаптационного процесса считать не «активность-пассивность», а вектор активности, его направленность. В этом отношении с автором, безусловно, можно было бы согласиться, но лишь отчасти. С его концепцией диссонирует вариант девиантного и делинкветного поведения (как способов, стратегий адаптации), где самоизменение и самокоррекция осуществляются в гипертрофированном, общественно не принимаемом виде [193]. Любое преступление – это, безусловно, попытка изменить социальную среду и только социальную среду. Индивид потому и совершает противоправные и аморальные поступки, поскольку не может, или, что вероятнее всего, не хочет изменить себя. Свои неудачи такая личность объясняет внешними обстоятельствами (не повезло), а удачи – исключительно собственными заслугами (эффект каузальной атрибуции) [15]. Положительный исход конфликта еще больше культивирует в самосознании такого человека гипертрофированную высокую самооценку своих личностных качеств и заслуг, и потому, априори, блокирует появление каких-либо побудительных мотивов и стимулов к саморазвитию.

В качестве еще одного примера, демонстрирующего разноплановость классификаций адаптивных стилей, можно привести концепцию К. Хорни. Единственный недостаток ее гениальных научных работ видится нам в чрезмерной акцентуации культурного фактора в развитии личности и нивелировании биологических задатков, которые также могут определять личностные установки и поведение. Представляют интерес выделяемые автором основные противоречия, которые препятствуют «гармоничному» становлению и развитию личности: между соперничеством, успехом и общечеловеческими, гуманными ценностями; между стимуляцией потребностей и фактическими препятствиями на пути их удовлетворения; между утверждаемой человеческой свободой и всеми ее ограничениями.

Постоянно разрешая данные противоречия, человек стоит перед выбором: приспособиться, уступить или бороться, пробиваться (пассивная и активная стратегии адаптации соответственно). Внутренне современного человека

постоянно мучает разрыв между его желаниями и их осуществлением; он постоянно колеблется между ощущением власти в определении собственной судьбы и ощущением беспомощности. Данные противоречия объективны, они заложены в культуре социума.

Помимо этого Хорни выделяет три главные тенденции, определяющие «движение», жизненную траекторию личности. Эти тенденции можно сопоставить со стратегиями адаптации. Первая тенденция «К»: она проявляется в стремлении к обществу, К людям, к общению и взаимодействию с другими. Вторая тенденция – «ОТ», которая выражается в стремлении к уединению, покою, тяги уйти ОТ общества и остаться в одиночестве. Третья тенденция – «ПРОТИВ», - это стремление противопоставить себя обществу, выразить свою индивидуальность, отстаивание собственных интересов, потребностей.

«Победа» любой одной из данных тенденций будет свидетельствовать о дезадаптации и дисгармоничном развитии личности, и только при благоприятных условиях воспитания, при соответствующих Социокультурных условиях будет развиваться чувство «Мы» - адаптивная стратегия, симбиоз выделенных трех тенденций: К, ОТ, ПРОТИВ.

Мы примем за основу классификацию адаптивных стратегий на активные и пассивные с единственной оговоркой: пассивные стратегии поведения – это те стратегии, результатом которых не является прибавка эффективного, социально полезного опыта, необходимого для становления и развития человека в данном обществе. Активные стратегии связаны с целенаправленным преодолением трудностей через выбор такого варианта жизнедеятельности, результатом которого является саморазвитие и самостановление субъекта как востребованного члена общества. Но и здесь есть один нюанс, который связан со следующими обстоятельствами.

Автор диссертации считает, что тип общества, его особенности и социальная структура во многом определяют формы поведения, имеющие в этом самом обществе наибольший адаптивный шанс. В этом отношении мы более

склоняемся к точке зрения Т. Парсонса, имеющей структурно-функциональный акцент [196, с. 341-345]. В разное историческое и социальное время разные же общества предъявляют свои требования к личностным характеристикам человека, особенностям индивидуального стиля его деятельности, профессиональным качествам и т.д., при этом сами общества имеют определенную специфику, которая задает общие параметры их существования и развития. Это ценности, традиции, общее направление деятельности, конкретное проявление и своеобразие общественных отношений на определенном этапе их развития. Именно поэтому необходимо учитывать, что каждая конкретная ситуация может требовать социальной «податливости», т.е. формирование таких форм поведения, форм бытия и способов достижения равновесия, которые необходимы для нормального и успешного функционирования самой социальной среды. Эта та форма социальной податливости, когда общество корректирует процесс социальной адаптации и эта коррекция необходима. При этом активная позиция личности, целенаправленное воздействие, направленное на изменение существующей ситуации, а также отстаивание собственных интересов и самовыражение могут быть не только не нужны, но и опасны, вредны для данной социальной среды или самого человека. Речь идет, например, о военных сообществах, где решения должны приниматься диктаторски централизованно, особенно в критических или экстремальных ситуациях, иначе возникнет не только угроза распада такого общества, но и угроза благополучного существования всей социальной системы как таковой. Социальный опыт показывает, что в кризисной ситуации демократия не только не нужна, но и вредна, поскольку разбросанность мнений и отстаивание собственных индивидуальных позиций и интересов, не позволяют вовремя принять взвешенное рациональное решение, помогающее выйти из проблемной ситуации [30]. Иными словами, в социальной жизни людей есть ситуации, успешная адаптация к которым требует только социальной податливости, подчинения, а стремление отстаивать собственные интересы выглядит не только глупо, но и опасно. И в самом

деле, в условиях землетрясения, например, или пожара, необходимо рациональное, взвешенное решение профессионала, который четко и осмысленно может предложить пути выхода из сложившейся ситуации, организовать группу людей на слаженные действия в критической ситуации, тогда как любое «демократическое» обсуждение, или действия с учетом только своих интересов, могут привести к трагическим последствиям [30].

Таким образом, выбор индивидом пассивной стратегии адаптации к социальной среде, если она является указанной формой социальной податливости, не всегда формирует перекосы и является «регрессом», такая стратегия может быть объективно необходима для успешности адаптационного процесса. Существует еще несколько обстоятельств, демонстрирующих «полезность» пассивной стратегии адаптации.

Во-первых, эта стратегия является единственной на начальном этапе социализации человека – младенческом возрасте, когда идет усвоение простейших норм и правил социальной среды [234]. Речь идет об элементарных биологических и социальных умениях, которые совершенно необходимы для выживания: умение держать ложку, правила гигиены, основы этикета. Подобные объект-объектные отношения являются решающими для сохранения необходимого равновесия в социальной среде. И только постепенно, в периоды взросления происходит процесс субъективации, отрыва от общества и выражения собственной индивидуальности, становления личностной неповторимости.

Некоторые ученые считают личностью едва ли не сперматозоида [253]. Это спорное утверждение, согласиться с которым достаточно трудно. Индивидуальность как проявление неповторимых особенностей человека может проявляться и младенческом возрасте, личностная неповторимость – это характерная черта уже более зрелого человека.

Во-вторых, пассивная адаптационная стратегия с необходимостью проявляется как вторичная адаптационная стратегия к тем изменениям, которые были совершены человеком при активной адаптации согласно диалектическому

закону отрицания отрицания (Гегель). То есть, человек активно адаптирует окружающую или социальную среду под свои потребности, затем адаптируется (уже пассивно) вторично к той среде, которую создал. В этом смысле мы наблюдаем противоречие между соотношением самого процесса адаптации и филогенеза человека, а точнее, диалектическое противоречие между целями человека и результатами достижения этих целей. Желая облегчить себе жизнь, мы создаем множество новшеств, гаджетов и в конечном итоге, согласно тем же гегелевским законам, количество создаваемых удобств переходит в качество, которое есть нечто новое, не прогнозируемое первично, и к чему мы вынуждены вновь адаптироваться. Особенно эти процессы проявляются в области технического прогресса и глобализационных процессов [274].

Есть и еще один момент, касающийся специфики пассивной и активной стратегий социальной адаптации. В наше время процессы глобализации и информатизации дают массу возможностей для личностного и профессионального самоопределения [274]: открывают территориальные границы, например, для проживания, обучения, работы, дают возможность быстрого получения необходимой информации о мировых и локальных событиях, то есть у человека появляется гораздо больше возможностей выбора той «среды обитания», которая наиболее благоприятна для его жизнедеятельности. И многие сегодня этими возможностями пользуются. Адаптивны ли действия человека, которого по определенным причинам не признали, не приняли в данной социальной среде, и он решил ее сменить, а не бороться с существующими порядками? Безусловно, но только в том случае, если он в этой новой среде нашел себя, если она дала ему возможность удовлетворить свои потребности. Достаточно вспомнить, как тысячи ученых в советское время уезжали из СССР, потому что не были признаны существующей властью [65], не смогли адаптироваться к действующему режиму. За границей заслуги многих из них были оценены по достоинству, только на чужой земле они успешно

адаптировались, самореализовались как личности, тогда как на Родине их ждали гонения, лагеря, унижения.

Сегодня многие россияне уезжают на постоянное место жительства за границу. Является ли это бегством, уходом от проблем действительности, и, соответственно пассивной стратегией адаптации? Размышляя над ответом на данный вопрос, автор работы пришла к мнению, что не все так однозначно, как может показаться. Например, если человек является профессионалом в своей области деятельности, занимается общественно полезным и нужным данному обществу трудом, обладает множеством личностных достоинств, но его труд должным и достойным образом не оценивается той социальной средой (государством), в котором он осуществляет свою жизнедеятельность, или государство предоставляет недостаточно возможностей для его дальнейшего личностного и профессионального роста, то его стратегия адаптации, связанная с «бегством» за рубеж, будет выглядеть вполне резонной и логичной. В самом деле, если человек чувствует в себе потенциал, но условий для его развития и реализации нет, причем нет объективно, а все попытки изменить что-либо к лучшему уже осуществлены, то единственной рациональной адаптивной стратегией остается та, которая предполагает изменение собственной адаптивной зоны. Такую стратегию трудно назвать и активной, поэтому выберем промежуточный вариант и обозначим ее как активно-пассивную.

Итак, в адаптационном цикле, на его поисковом этапе, можно выделить три основные возможные стратегии поведения личности: активную, пассивную и активно-пассивную. Каждая из этих стратегий, будучи выбранной, может привести как к положительному результату (адаптированности), так и к отрицательному (дезадаптированности), поэтому судить о результативности адаптационного процесса и прогнозировать его результат невозможно без дополнительных сведений о том, какими внутренними ментальными процессами сопровождался выбор той или иной стратегии. Кроме того, могут быть ситуации, когда общество считает человека дезадаптантом (например, если он находится на

иждивении государства), однако с позиции самого субъекта этот же феномен может интерпретироваться иначе, но в том случае, если человек осознанно выбрал подобный способ жизнедеятельности, рассматривая его как наиболее соответствующий своим способностям и возможностям, базовым ценностям. С позиции общества подобное поведение неадаптивно, но с позиции самого субъекта оно оценивается как адаптивное.

В связи с этим, дальнейшая линия рассуждений должна свестись к поиску ответа на вопросы о характеристиках, внутренних атрибутах адаптационных стратегий поведения. Фактически, выбирая ту или иную стратегию адаптации, человек начинает построение собственно деятельностных отношений с миром. Мы имеем в виду, что именно на этом этапе адаптации можно объективно увидеть и оценить качество и особенности адаптационного цикла. Поскольку методологически социальная адаптация изучается нами с позиции деятельностного подхода, постольку и внутренняя атрибутика адаптационных стратегий должна быть основана на конкретных аспектах деятельности индивида. Однако деятельностный подход к адаптации является основным, необходимым, но недостаточным инструментом ее комплексного исследования, поскольку нивелирует субъективный смысл адаптационного процесса, оставляет «за скобками» интерпретации индивидом социального противоречия.

Необходимо принять во внимание теории экзистенциального анализа (Э. Фромм), символического интеракционизма (Дж. Г. Мид) и гуманистической парадигмы (К. Роджерс, А. Маслоу), которые раскрывают экзистенциальное бытие человека как последовательность сменяющих друг друга ситуаций выбора и принятия решений, ответственность за которые полностью несет человек.

Более приближена к интересуемому нас вопросу концепция гуманистов и экзистенциальная философия, главный принцип которых звучит как: «человек именно то, чем он сам решил быть» [284]. Именно К. Роджерс и его последователи раскрыли экзистенциальное бытие человека как самоценное, уникальное, и свободное, а человек понимался как существо, в полной мере

«способное к трансцендированию, самодетерминации и самореализации». Карл Роджерс ставит во главу угла внутреннюю проблему интерпретации личностью своего чувственного опыта с целью эффективного построения собственного жизненного пространства (адаптации – примеч. автора) [208, 209]. Но, пожалуй, самое ценное для данной работы положение указанной концепции заключается в том, что гуманисты поднимают вопрос о необходимости разрешения противоречия между внутренним феноменальным миром личности, миром «Я» и окружающей реальностью, но не с целью адаптации к последнему, а с целью становления, обнаружения подлинного «Я» человека и включение его в канву социальной жизни. (Маслоу) [292]. Обнаружение этого подлинного «Я» и есть, по сути, процесс становления и развития личности в процессе социальной адаптации.

Идеи гуманистической школы имеют много точек соприкосновения с идеями экзистенциалистов, центральной из которых является мысль, основанная на категории деятельности, как призыв всегда быть чем-то занятым в меру своих способностей. Действительно, наиболее часто дезадаптированными оказываются люди, которые находятся в состоянии экзистенциального вакуума и у которых утрачен смысл жизни. При этом неспособность к успешной адаптации является следствием неудовлетворенности одной из важнейших духовных потребностей человека – потребности в ощущении, чувстве собственной значимости. Экзистенциальная пустота – следствие бездеятельности человека или деятельности, но в неверном направлении – не в направлении раскрытия собственных способностей и возможностей. В этом отношении нельзя не упомянуть взгляды Э. Фромма, который писал, что «быть означает давать выражение всем задаткам, талантам и дарованиям, которыми наделён каждый из нас. Это значит преодолевать узкие рамки своего собственного «я», развивать и обновлять себя и при этом проявлять интерес и любовь к другим, желание не брать, а давать. <...> Лучшее всего, вероятно, модус бытия может быть описан символически, как это подсказал мне Макс Хунзигер. Синий стакан кажется синим, когда через него проходит свет, потому что он поглощает все другие цвета

и, таким образом, не пропускает их. Значит, мы называем стакан «синим» именно потому, что он не задерживает синие волны (волны длиной ~ 440—485 нм, которые мы воспринимаем как синий цвет), то есть не по признаку того, что он сохраняет, а по признаку того, что он сквозь себя пропускает» [267, С. 102-107]

В контексте возможных адаптационных стратегий поведения человека, теория экзистенциального анализа позволяет вычленить как минимум две линии неадаптивного поведения: собственно бездеятельность и деятельность в «неверном», «неуспешном» относительно результативности адаптации направлении. Что касается стратегии эффективной адаптации, то в контексте теории экзистенциалистов мы находим дополнительное подтверждение обозначенному ранее центральному критерию такой стратегии - тенденции человека осуществлять деятельность сообразно своим потребностям, интересам и склонностям.

Теория символического интеракционизма также позволяет поднимать вопрос о ментальных характеристиках субъекта адаптации, которые имеют решающее значение для определения сути и содержания адаптационного процесса, его онтологических и гносеологических особенностей.

Дж. Г. Мид и его единомышленники, в отличие от сторонников нормативного подхода (например, Х. Абельса или того же Т. Парсонса), считали, что не социальная реальность задает параметры существования человека и определяет нормы и ценности а, наоборот, сам человек в процессе своих интеракций с другими создает социальную реальность, постоянно ее интерпретируя. Сама проблема как таковая с данной позиции существует только в оценке индивида и в его восприятии ситуации как проблемной [172; 174]. В этой связи не зря существует утверждение: «хочешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней», или его другой вариант: «нет неприятных ситуаций, есть не принятые решения». Однако при подобном подходе, который отличает чрезмерный субъективизм, возникает множество трудностей при анализе и уточнении перспектив и потенциалов теории социальной адаптации. При данной

позиции вообще будет достаточно проблематичным выявить какие-либо общие тенденции в описании этого явления. Сразу же возникает вопрос о ситуациях, которые можно было бы назвать «универсальными» адаптивными ситуациями и их критериях. При более глубоком размышлении становится очевидным, что в решении данного вопроса первостепенную роль играет все-таки субъект адаптации – центральная фигура всего адаптационного процесса как такового. Включение или не включение субъекта адаптации в канву адаптационных отношений зависит от его отношения к данной ситуации, которое складывается на основе его потребностей, целей, ценностей, мировоззрения и других личностных особенностей. Об этом же, в частности, пишет М. В. Ромм: «..именно интерпретация информационно-символических значений решающим образом определяет глубину и степень вовлеченности личности в социальную адаптацию, при этом одни ситуации личность квалифицирует как реальные (здесь и далее курсив М. В. Ромма), т.е. не требующие адаптации, другие – как адаптивные, приспособление к которым является для человека жизненной необходимостью... Именно благодаря субъективной интерпретации многообразия социальных ситуаций человек получает возможность, во-первых, психологически преобразовывать (переопределять) ситуацию в нужном для себя направлении; во-вторых, целенаправленно модифицировать собственное понимание, восприятие актуальной адаптивной ситуации; в-третьих, активизировать адекватные ситуации стратегии адаптации, вступающие в действие при изменении субъективно значимых условий» [209, 110].

Иными словами, эпистемологически социальная адаптация субъективна, поскольку субъект адаптации рефлексивует и интерпретирует социальную проблемную ситуацию на протяжении всех этапов приспособительного процесса, с другой стороны, онтологически, социальная адаптация объективна, поскольку субъект адаптации, независимо от своей воли, постоянно включен в систему социальных отношений.

Для М. В. Ромма данный аспект проблемы достаточно важен для решения поставленных им задач, поэтому автор, со свойственной ему обстоятельностью подробно на нем останавливается, доказывая необходимость объединения нормативного и интерпретативного подхода как создания «удобного» во всех отношениях методологического способа постижения социальной адаптации во всем ее многообразии.

С нашей точки зрения, важно не то, субъективна или объективна проблемная ситуация, важно понять какие смыслы субъект вкладывает в свое адаптивное взаимодействие с социумом **на каждом** этапе приспособления и обособления от него и какие из этих смыслов имеют первостепенное значение для его успешной адаптации. На наш взгляд, значимо определить именно те ключевые точки, из которых складываются дальнейшие оценки индивидом ситуации в процессе ее разрешения. Именно эти оценки (мнения, суждения) в конечном итоге позволят спрогнозировать, уточнить и понять стратегии социальной адаптации, и, наоборот, рефлексия стратегий социальной адаптации позволит судить о внутренних характеристиках субъекта. Кроме того, не столько важно конкретизировать адаптационные стратегии, сколько обозначить основные тенденции, тренды, векторы приспособительной активности личности.

Решение подобной задачи автор настоящей работы видит в применении структурно-темпорального методологического подхода, который позволяет «раздробить» адаптационный процесс на этапы, причем, центрообразующим из них будет описываемый поисковый этап, связанный с выбором индивидом стратегии адаптации.

Посмотрим, как это будет выглядеть на примере.

Логично предположить, что оценки индивидом проблемной ситуации и состояния собственных адаптационных ресурсов (начальный активизационный этап адаптивного цикла) напрямую обуславливают выбор стратегий адаптации. Так, если индивидуальные ресурсы развиты недостаточно для успешного разрешения проблемной ситуации, или сам субъект адаптации полагает, что у

него не хватит (или не хватает) сил, возможностей, способностей успешно разрешить такую ситуацию, то возможны три основные стратегии выбора: отказ от цели, изменение целеполагания или продолжение деятельности в выбранном направлении, но с дополнительным целеполаганием.

В ситуации, когда адаптивные ресурсы соответствуют уровню сложности поставленной задачи (или, опять же, индивид считает, что они соответствуют, хотя на самом деле это может быть не так), то наиболее вероятная стратегия поведения будет заключаться в стремлении успешно и уверенно преодолеть препятствия и достичь цели. Если препятствие достаточно легкое для человека или по иным мотивам он может выбрать стратегию поиска нового способа решения противоречия – выбрать стратегию, которая характерна и для первого типа – преодоление препятствия с дополнительным целеполаганием (например, если это человек творческий, стремящийся к личностному росту).

Таким образом, для того, чтобы спрогнозировать стратегию адаптивного поведения человека в проблемной жизненной ситуации, необходимо на первом шаге осуществить следующие процедуры:

1. Провести объективную внешнюю диагностику личностных ресурсов;
2. Провести диагностику оценки индивидом состояния собственных адаптивных ресурсов.

Естественно, мы не можем с точностью определить, какую адаптивную стратегию выберет индивид?. Любая адаптационная линия имеет несколько совершенно различных уровней детализации. Существует огромное множество факторов, которые могут оказать влияние на смену стратегии в процессе самого адаптационного цикла. Тем не менее, в масштабах и одной личности, и группы, и государства данный подход может иметь свое определенное значение. Получив оценки ситуации на каждом временном этапе адаптационного цикла и синхронизировав их, мы можем предполагать и знать «зону ближайшего поведения» человека в проблемной ситуации. Эти оценки складываются из когнитивных, эмоциональных и собственно поведенческих «взглядов» индивида

на ситуацию. Их необходимо изучать дискретно, на каждом из временном этапе адаптационного цикла: активизационном, поисковом, результативном.

Выводы по главе 2.

Социальная адаптация – процесс, имеющий собственную внутреннюю атрибутику, включающую отношение (оценку) субъектов адаптации к возникшему противоречию, а также некоторые черты самого противоречия: субъектность-объектность, степень напряженности, ареал и способ существования этого противоречия, временной отрезок существования. Отношение личности/социума к противоречию определяют потребности, ценности личности/социума, личностные/социальные ресурсы адаптации, способы разрешения противоречия и двусторонняя оценка результативности разрешения этого противоречия (субъективная и объективная). Возможно, выделенные атрибуты не являются всеобъемлющими, но, по нашему мнению, они составляют «ядро» социального адаптационного процесса, задают алгоритм его существования.

Поскольку социальная адаптация определяется как отношение человека и общества, направленное на разрешение возникающих между ними противоречий, то управление социальной адаптацией личности возможно на основе разработки механизма воздействия на процесс разрешения противоречия, актуализирующего и лежащего в основе адаптации. Следовательно, необходим анализ противоречия, а именно, исследование интервальных структур его развития, содержание которых наполнено ментальными характеристиками адаптирующегося субъекта. Выделение и изучение подобных интервальных временных структур (витков-событий) позволит не только дать оценку текущему состоянию адаптирующегося субъекта, но и видеть и прогнозировать перспективы успешности/неуспешности социальной адаптации через соотнесение объективной реальности с субъективными характеристиками человека, его целями и задачами.

Время в адаптационном процессе – это «движение деятельности», системы деятельностей, поэтапный переход человека из одного состояния, соответствующего конкретному этапу, в другое, и эти состояния характеризуют определенные качественные сущности – следствие количественных изменений. Исследуя эти особенности, мы можем оценивать адаптационный процесс с позиции прошлого (какие ресурсы уже есть у индивида для разрешения проблемной ситуации), настоящего (какие стратегии деятельности он выбирает, для того, чтобы справиться с проблемной ситуацией) и будущего (прогнозирование результата адаптации).

Таких этапов в адаптационном процессе мы выделяем три: активизационный, поисковый и результативный. Содержание начального этапа связано с оценкой противоречия и рефлексией личностных ресурсов с точки зрения их достаточности и необходимости для разрешения противоречия. Относительность ценности адаптивных качеств снимает необходимость их конкретизации, но в ходе проведенного анализа автор пришла к выводу, что существует некое «универсальное Качество», которое способствует эффективности адаптационного процесса. Это качество связано с раскрытием и реализацией человеком своих сущностных сил, позволяющих ему, с одной стороны, удовлетворять свои потребности, с другой стороны, быть востребованной в данном обществе. Это Качество было обозначено как социальная адаптивность, критериями которой являются: когнитивный, аксио-культурный, коммуникативный и поведенческий.

Социальная адаптивность – собирательное, сложное, составное качество. Автор сделала попытку выделить универсальные составляющие адаптивности, которые бы соответствовали ее критериям: когнитивному, аксио-культурному, коммуникативному и поведенческому. В итоге, по мнению автора, социальная адаптивность включает следующие личностные характеристики: стремление к самоактуализации, что позволяет человеку раскрывать свои сущностные силы; целеустремленность, которая позволяет человеку фильтровать информацию и

выбирать необходимую для решения данной проблемы; чувство ответственности, позволяющие выбирать адекватные адаптивные стратегии; и чувство собственного достоинства, определяющее толерантность в процессе общения с другими и сохранение собственной индивидуальности и принципов. В итоге получился идеальный тип человека - адаптониста, который при наличии данных качеств будет демонстрировать максимально эффективный результат адаптации.

После того, как была создана идеальная модель адаптивного человека, возникла задача построения идеальной модели адаптивного общества. Выявлено, что - это общество (социальная среда), которое обеспечивает полноценное развитие своих граждан в направлении раскрытия ими их индивидуальных способностей и особенностей; существует в соответствии с твердыми ценностными нормами; способно гибко реагировать на изменения внешней среды, поскольку зиждется на солидарности и собственной прочности.

Таким образом, начальный активизационный этап адаптивного цикла содержательно наполнен процессом инвентаризации личностью имеющихся у нее ресурсов. По сути от того, к какому выводу придет человек относительно достаточности или недостаточности у него адаптивных качеств для решения данной проблемы зависит его дальнейшая деятельность и выбор стратегии адаптивного поведения. Но это не единственное условия выбора адаптационной стратегии. Помимо оценки индивидом собственных ресурсов, необходимых для разрешения противоречия, активизационный этап включает и оценку самой адаптивной ситуации, которая субъективно индивидом может и не восприниматься как таковая. Совокупность этих оценок влияет, в конечном счете, на выбор индивидом стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Таким образом, онтологическими и гносеологическими методологическими «единицами» измерения, единицами понимания сути социальной адаптации как таковой должно являться именно «отношение» индивида, его оценки, суждения по поводу каждой конкретной ситуации и в каждой конкретной ситуации.

Второй этап адаптационного цикла – поисковый, который характеризуется выбором индивида стратегии поведения. Основных адаптационных стратегий – три: активная (характеризуется личностным ростом и развитием через расширение и повышение уровня поисковой, познавательной активности), пассивная (характеризуется спонтанностью, дезорганизацией, импульсивными, а не целенаправленными поисками выхода из ситуации конфликта) и активно-пассивная (с необходимостью объективная и эффективная для адаптационного процесса форма социальной податливости в конкретных жизненных ситуациях: начальный этап социализации, чрезвычайные ситуации и т.п.).

Пассивная стратегия совладения с трудными жизненными ситуациями также реализуется в двух формах. Первая связана с простым приспособлением, конформным поведением индивида, при котором он отказывается от отстаивания и защиты своих интересов и целей, идет на уступки социальной среде, обстоятельствам. Другая форма - уход или избегание ситуации конфликта. Основопологающей чертой пассивной стратегии адаптации является отсутствие прибавки социального опыта, остановка в развитии, личностный или общественный регресс.

Диалектика данных двух стратегий адаптации – активной и пассивной, заключается в том, что в обоих случаях, независимо от того, какую стратегию выберет индивид, общая результативность социальной адаптации как таковой (а именно ее количественный аспект) может быть одинаково оценена как положительная. Именно поэтому судить о результативности адаптационного процесса и прогнозировать его результат невозможно без дополнительных сведений о том, какими внутренними ментальными процессами сопровождался выбор той или иной стратегии. Важно понять какие смыслы субъект вкладывает в свое адаптивное взаимодействие с социумом на каждом этапе приспособления и обособления от него и какие из этих смыслов имеют первостепенное значение для его успешной адаптации. Именно эти оценки (мнения, суждения) в конечном итоге позволят спрогнозировать, уточнить и понять стратегии социальной

адаптации, и, наоборот, рефлексия стратегий социальной адаптации позволит судить о внутренних характеристиках субъекта.

Решение подобной задачи автор настоящей работы видит в применении принципиально другого, структурно-темпорального методологического подхода, который позволяет «раздробить» адаптационный процесс на этапы, причем, центрообразующим из них будет описываемый поисковый этап, связанный с выбором индивидом стратегии адаптации.

ГЛАВА 3 ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

3.1 Роль адаптации в процессе социализации личности: информационный аспект

Обычно в научных трудах, посвященных адаптационному процессу, в кандидатских и докторских диссертациях ученых, понятие адаптации используется совместно с понятием социализации [219; 239; 241]. Любой автор - адаптолог видит в качестве одной из главных своих задач нахождение общих граней и различий между этими понятиями. Автор данной работы тоже решила выразить свою точку зрения по данному вопросу, тем более что он тесно соприкасается тематикой исследования.

Начнем с точек соприкосновения, а точнее с того, почему эти понятия вообще начали стоять практически на одной научной линии разработки. Возвращаясь к истории возникновения адаптации, мы вспоминаем, что этот термин пришел к нам из биологии, тогда как понятие социализации – это понятие исключительно человеческого сообщества, социума. Именно поэтому со всей очевидностью можно было бы сказать о том, что различаются указанные понятия этими контекстами, можно было, если бы не существовало понятия социальной адаптации, которое на корню дискредитирует данный довод.

Социальная адаптация явление такое же общественное, как и социализация, а точнее, и социальная адаптация, и социализация – это процессы и формы бытия исключительно человеческие. В чем же тогда между ними разница? Начнем с определений данных понятий. Социализация в самом широком ее понимании – это процесс становления и развития человека как существа общественного, как

субъекта деятельности, общения и самосознания [12]. Социальная адаптация как было определено – это процесс разрешения личностью противоречия, возникающего между ней и обществом, результатом которого является самостановление и саморазвитие человека в социальной среде. Казалось бы, ключевое слово, определяющее разницу данных понятий – это противоречие. Социальная адаптация – это всегда преодоление противоречия; социализация – не всегда предполагает преодоление индивидом противоречия.

Н. В. Андриенкова считает, сущность социализации заключается в том, что человек постепенно усваивает социальный опыт и использует его для адаптации к социуму [16]. Такое усвоение происходит стихийно и целенаправленно. То есть, по мнению автора, адаптация – это процесс главный, это собственно и есть самоцель человека, а социализация его опосредует, являясь лишь средством адаптации к социуму. Существуют и другие точки зрения.

В некоторых источниках, в основном отечественных авторов социальная адаптация рассматривается как момент или часть процесса социализации (И. А. Милославова, Л. М. Растова, Б. Д. Парыгин, Л. Л. Шпак и др.), поэтому считается, что социальная адаптация реализуется в ходе социализации [175; 206; 197; 285]. Психология развития, отстаивая субъективные основы становления личности, практически отрицает пассивную адаптацию, отождествляя социализацию с индивидуальной активностью по овладению социальным опытом [203 с.19-21]. Такая точка зрения находит свое отражение в методологическом принципе «внешнее через внутреннее», разработанным С. Л. Рубинштейном, по которому внешние причины воздействуют на человека, преломляясь через внутренние условия – его индивидуальность. Социализация, с этой точки зрения, означает непрерывный путь становления личности путем самоопределения относительно себя, отношений с окружающим миром [217, с. 209-213].

На сегодняшний день существует два основных подхода к процессу социализации, которые вычленились из научного спора о том, что является двигателем и определителем человеческой жизни: сам человек или социум,

общественное взаимодействие. По такому же принципу можно выделить подходы ко многим концептуальным понятиям, относящимся к жизнедеятельности человека. Логическим итогом двух представленных оппозиций явился третий подход - представление о социализации и социальной адаптации как о двусторонних процессах, предполагающим как усвоение социального опыта, так и активную реализацию индивидом общественных отношений [64; 125]. Этот подход мог бы являться, своего рода компромиссом между двумя оппозициями, где подчеркивается и приоритет общественного воздействия, и приоритет активности личности, но он не объясняет различия между указанными явлениями.

После многолетних споров и даже придя к обозначенному компромиссу, современные ученые опять возвращаются к прошлому опыту. Так, М. В. Ромм, следуя уже описываемой логике Е. В. Андриенко, предложил противопоставить понятию «социализация» понятие «социальная адаптация», связав с первым традицию нормативного подхода, а со вторым — традицию интерпретативного подхода: «Социальная адаптация служит логическим итогом глобального процесса социализации, в то время как социализация представляет собой этап становления индивида и приобщения его к основным нормам, ценностям и социокультурным институтам для выполнения в последующем той или иной социальной роли... фундаментальный процесс социализации формирует всю систему предпосылок социальной адаптации» [209, с.10-11]. Много раньше Р. Бейломи, решая аналогичную задачу, противопоставил «социализацию» и «интеракцию» [311].

Трудно согласиться и с данным подходом, основанным на противопоставлении. Приведем несколько доводов. Аргумент первый можно назвать интуитивным. Он основан на знании о том, что первоосновой всех явлений является природа и все процессы, порождаемые ей, в том числе, адаптация, первичны по времени возникновения ко всему социальному. Социальная адаптация – суть явление, происходящее от адаптации биологической, которая следуя указанной логике, первична по отношению ко

всем социальным процессам и самому человеку, а значит социальному (социализации), так как человек, как известно, произошел из природы, возникшей за много веков вперед до возникновения его самого. Таким образом, социальная адаптация никак не может быть итогом социализации ни в глобальном, ни в частном масштабе. Мы не можем социализироваться, предварительно не адаптировавшись, поскольку в нас заложен описанный выше природный алгоритм развития: возникла трудность, проблема – мы к ней адаптируемся (или адаптируем ее под себя) – и накопленный опыт, интерпретируя и интериоризируя, приобщаем к общей копилке имеющегося, что является непосредственным содержанием уже социализации. Именно так происходит и в животном мире: возникла опасность, животное инстинктивно совершает действия, направленные изначально на избавление от опасности (адаптация), впоследствии эти действия превращаются в рефлекс (навык, форму поведения, новообразование), который закрепляется, если таковой был эффективным [79].

Аргумент второй: если рассматривать социальную адаптацию как итог социализации, то сам процесс социализации предстает перед нами как нечто завершенное на определенном этапе. Однако социализация – это процесс непрерывный, продолжающийся всю жизнь, который может быть завершен только со смертью человека или наступлением тяжелой деменции³.

И, наконец, третий довод исходит из внимательного изучения обоснований авторами своих точек зрения. Складывается впечатление, что социальная адаптация понимается исключительно как пассивное приспособление личности, которое и есть итог и смысл ее развития, а сама концепция социализации сужается до разработки большей части идей в рамках интерпретационного подхода.

Каковы же принципиальные отличия социальной адаптации и социализации. Начнем со сходства этих понятий.

³ Ремарка: Есть мнение, что даже болезнь Альцгеймера – есть не что иное, как этап цикла социализации, когда человек возвращается к ее начальной стадии – стадии младенчества. Первые этапы социализации – это «адаптация» души к имеющемуся телу, последующие (в том числе, в форме болезни Альцгеймера), – ее «отрыв», «отвыкание» от бренного тела, поскольку в зрелом возрасте душа уже готовится «ко сну».

Как в процессе социализации, так и в ходе социальной адаптации, происходит активное приспособление, усвоение человеком социальных норм и требований данной социальной среды. Кроме того, необходимым критерием и результатом как успешной социализации, так и эффективной социальной адаптации, является саморазвитие, самореализация и самоактуализация личности в обществе. В этом заключается, по нашему мнению, основное сходство этих процессов.

Теперь о различиях. Под социализацией понимается процесс диалектического взаимодействия личности и социальной среды, результатом которого является развитие и становление человека как объекта и субъекта общественных отношений посредством выработки социально-необходимых знаний, умений, качеств для выполнения социальных функций, ролей и взаимодействий в обществе.

Каким образом мы сможем приобрести эти знания, умения, навыки? Только преодолевая разного рода противоречия, возникающие в процессе жизнедеятельности, а это есть не что иное, как социальная адаптация. Получается, что процесс социализации осуществляется посредством социальной адаптации, т.е. социальная адаптация является способом социализации. Процесс социализации меняется в зависимости от содержания его этапов, от целей и задач, стоящих перед ним, но основной метод, каким он осуществляется, остается неизменным – это социальная адаптация.

Под социализацией мы понимаем процесс *усвоения индивидом некоторых из наличествующих в обществе норм, ценностей и форм поведения* (в том числе и адаптационных стратегий). Адаптация – это одна из форм, метод «подгонки» индивидом себя под конкретную ситуацию, в которой он оказался. Эти понятия, видимо, находятся в отношении перекрещивания: существуют процессы социализации, являющиеся в то же время процессами адаптации (например, усвоение норм поведения); существуют процессы адаптации, не являющиеся процессами социализации (например, выработка собственных уникальных

адаптационных техник); существуют процессы социализации, не являющиеся адаптационными (например, получение в школе знаний, которые не будут востребованы в дальнейшей жизни).

В ходе преодоления проблемных ситуаций человек использует приобретенные на предыдущих этапах социализации навыки и механизмы поведения, а также открывает новые способы решения различных задач, что расширяет его возможности освоения окружающей действительности, успешной социализации в обществе. Этот вывод означает также, что результат социальной адаптации детерминирует результат социализации. Неадаптированная личность не может быть и успешно социализирована.

Можно выделить и еще одно различие данных процессов. По нашему мнению, социальная адаптация способствует развитию личности, причем траектория этого развития в значительной степени определяется индивидуальными особенностями личности. Это те «уникальные» способы, которые выбирает человек, решая проблемную ситуацию (конечно, влияние среды здесь не исключается, но все таки одна и та же ситуация понимается разными людьми по-своему и решается, соответственно, индивидуальным для каждого способом). Пути социализации личности – это, своего рода, формы, оболочки саморазвития и самопрезентации субъекта в обществе. Социализация – это, прежде всего, социальная институализированная структура, система воздействий на личность, и именно эта система может оказать решающее влияние на выбор субъектом стратегий адаптации [125].

Конечная цель социализации, по нашему мнению, заключается не во «вписанности» человека в общество, которая предполагает относительную комфортность существования человека в социуме, а в формировании личности, востребованной, необходимой данному обществу, т. е. – это такая форма бытия личности и социума, когда именно социуму, а не личности, «комфортно» сосуществовать с такой личностью. Социализация и «заказывается» самим обществом, это, в первую очередь, общественная потребность, без нее не было бы

общества как такового [92, с. 88-91]. Конечная цель социальной адаптации – достижение личностью точки равновесия с обществом с помощью постоянной выработки социально-значимых качеств. Социальная адаптация – это процесс, необходимый, прежде всего человеку, это индивидуализированная человеческая потребность. Резюмируя данные размышления можно сказать, что движущей силой социализации, ее наиглавнейшим субъектом является, прежде всего, само общество; движущей силой социальной адаптации – человек.

В ходе размышлений о взаимной детерминированности данных процессов был сделан еще один вывод. Адаптация и социализация – два диалектически взаимосвязанных процесса. Эта диалектичность прослеживается в их взаимопроницаемости, а также в постоянном взаимопереходе активного и пассивного начал. Эти процессы и синхронны, и асинхронны, с другой стороны. На протяжении всей своей жизни человек усваивает накопившийся опыт, правила и нормы социальной среды, на основе чего он становится полноценным членом данного общества, и в то же время, поскольку каждый человек встречается с единственным в своем роде рядом проблем, то решает он их тоже по-своему, на основе чего у каждого формируется особенная, не похожая на других индивидуальность. Формирование человека как существа общественного (пассивное начало) и становление человеческой индивидуальности (активное начало) постоянно сопряжены между собой, и это не два разных процесса, а единый процесс социализации личности с помощью социальной адаптации. Задача последней – найти точку равновесия, баланс между «приспособлением» и «обособлением» человека в обществе.

Безусловно, подобная задача привлекательна чисто теоретически. Практически трудно представить и описать подобную форму жизнедеятельности. В реальной жизни мы постоянно лавируем в зависимости от ситуации: где-то только пассивно приспосабливаемся, где-то отстаиваем только свои интересы, доходя до эгоистичности и нетерпимости. Задача самореализации по пути адаптониста, о чем рассказывалось в предыдущей части работы, в настоящей

реальной жизни трудно осуществима, во всяком случае, для большинства людей. Это задача, по сути, сводится к нахождению человеком такого способа связи своих потребностей со своими способностями, который бы соответствовал не только остальным личностным особенностям, но и особенностям социальной среды.

В течение всей своей жизни человек ищет такой способ, постоянно разрешая указанное противоречие. К. А. Абульханова-Славская называет это противоречие присвоения и объективации [3]. Присвоение – проявление активности личности в овладении культурой, опытом, потребление человеком общественных благ и ценностей уже созданных и создаваемых. Присвоение – это также удовлетворение потребности в безопасности, уровне жизни, использование своих прав и материальных благ. Присвоение также может быть творческим и носить ярко выраженные оттенки индивидуальности, однако это не будет являться социальной адаптацией, в том смысле, какой мы вкладываем в данное понятие [187, с 111-113].

Объективация, согласно Абульхановой-Славской – это то, что отдает личность обществу «в обмен» на предоставляемые им блага. Но при этом, человек стремится жить не просто «отдавая» себя обществу, а хочет реализовать себя в разных формах жизни индивидуальным, только ему присущим образом. Присваивая, – человек удовлетворяет свои потребности; объективируясь – отдает свои способности, причем и присвоение, и объективация опосредованы обществом [3, с 48-50]. По нашему мнению, - это центральные, системообразующие формы социализации. Реализация человеком себя и своих потенций, своей сущности и индивидуальности – это процесс, опосредованный самой личностью - процесс субъективации – магистральная форма, цель социальной адаптации.

Если исходить из описанных посылок, то можно дать следующее определение социализации. Социализация - это становление личности в обществе через разрешение противоречия между присвоением социального опыта и

объективацией личностных возможностей с помощью развития своих способностей и самореализации. Иными словами социализация – это процесс вхождения человека в общество и самостановления себя в нем как личности. Говоря еще более простым, житейским языком, результат социализации – это признание человека обществом и уважение его как личности за различные заслуги. Отсюда – главным критерием успешной социализации личности будет являться признание обществом личности. В процессе социальной адаптации главное – это внутренняя удовлетворенность человека своей собственной деятельностью в данном социуме, самоудовлетворенность собой, своей жизнью. Главным индикатором успешной социальной адаптации, по нашему мнению, является самопринятие, высокая удовлетворенность от взаимодействия с социумом.

Таким образом, роль социальной адаптации в процессе социализации личности заключается в постепенной субъективации личности, его отрыве, дистанцированности от общества. Это становится возможным благодаря тому опыту, который получает человек, разрешая противоречия с социальной средой в процессе социальной адаптации. В конечном итоге, те потребности, которые удовлетворяло общество на начальных этапах социализации, человек научается удовлетворять сам, в результате итогом «идеальной» успешной социализации будет являться личность самодостаточная, самоосновная.

Таким образом, социализация включает три основных этапа: 1) присвоение; 2) объективацию; 3) субъективацию. Процесс социальной адаптации пронизывает данные три ступени, приводя к субъективации - высшей форме взаимодействия личности и социума, наивысшей ступени раскрытия личности, цели социализации [277].

Теперь, после того как теоретически проведены различия между социализацией и социальной адаптацией можно показать их на некоторых примерах. В данном случае в соответствие с тематикой и проблемой настоящей работы мы решили разобраться в двух, на наш взгляд, наиболее актуальных

вопросах. Прежде всего, - это проблема, связанная с информатизацией нашего общества и ее влиянием на социальные процессы, в том числе, социализацию и социальную адаптацию, и проблемы поликультурности современной реальности. Эти две проблемы раскрывают смысл двух основных подходов к изучению социальной адаптации – информационного и культурологического.

Следует отметить, что с тех пор, как информационные процессы стали активно утверждаться в нашей жизни, в научных исследованиях по адаптационной проблематике стал выделяться новый научный подход к социальной адаптации личности – информационный [91, с. 229-230]. Он возникал не в противовес уже имеющимся трем основным – естественно-научному, психологическому и философскому, а, с одной стороны как бы в их рамках, с другой – как самостоятельная научная концепция. К слову сказать, по нашему мнению, в весомую научную единицу этот подход не превратился и к настоящему времени, занимая по сей день некую промежуточную балансирующую позицию «между» или «сбоку».

Пожалуй, первым, кто явно озвучил связь между адаптацией и информацией был Н. Винер, который определял информацию как средство адаптации человека к внешнему миру. Получение человеком информации о социальной действительности, ее оценка, передача и хранение, приводят к созданию определенной картины социально-информационного мира как формы, в которой функционирует общественное сознание [240, с.14]. Общественное сознание - это не просто отражение действительности, это еще и реорганизация действительности, практическое приспособление человека к миру. Такое приспособление осуществляется за счет того, что вырабатываются новые формы социальной связи, утверждаются новые социальные нормы и те идеи, которые оказываются необходимыми для их воспроизводства. Именно сознание является главным аспектом, через которое «преломляется знание» в системе информационных адаптационных отношений личности и социальной среды [227, с.15].

Данный аспект отражает суть и роль информации в процессе адаптации. Информация, отражаясь в нашем сознании во всем многообразии ее смысловых семантических значений об окружающей среде, превращается не только в мощное орудие приспособления человека в обществе, но и в средство активного воздействия на само общество, становясь как аспектом сферы общественного сознания, так и сферы общественного бытия [240]. Это как оно должно быть в идеале. Каковы же реалии сегодняшнего дня?

Следует признать, что к сегодняшнему дню общество в целом, да и каждый человек в частности, уже прошел путь сложных рефлексий, метаний и переживаний (по научному называемый начальным этапом адаптации), связанных с переходом человечества в новую информационную эру. Общество немного успокоилось и выработало некоторые социальные средства и механизмы адаптации к новым веяниям эпохи [111; 118]. Во всяком случае, таковые появились в непосредственном деятельностном, практическом аспекте бытия современных россиян; «идейная» же сторона вопроса до сих пор будоражит отдельные умы, преимущественно старшего поколения и когорты некоторых ученых [17; 21].

Изначально позиционируясь как мощное средство адаптации человека к социуму, информация в сегодняшнем ее смысле, безусловно, в значительной степени удовлетворяет данному требованию. Единственный, на наш взгляд, существенный минус возникшей и все более разрастающейся единой информационной сети-паутины – разбросанность информации и невозможность быстро и гарантированно проверить ее достоверность. Огромный плюс в том, что мы можем моментально удовлетворить потребность практически в любой информации, в отношении которой испытываем дефицит, а значит быстро адаптироваться в новой для себя ситуации [214]. Однако сам по себе Интернет несет в себе еще много минусов, связанных с социальным адаптационным процессом и процессом социализации, на которых хотелось бы остановиться подробнее.

Выше мы отметили, что вершинной формой бытия человека является его субъективация, «отрыв» от общества, автономность. Это не означает полное обособление от социума, это та форма жизнедеятельности, при которой многие из своих потребностей человек может удовлетворить сам. Метафорично это можно представить следующим образом: если бы все люди, общество вдруг исчезли, то человек смог бы жить достаточно долгое время один, как Робинзон Крузо, например, как раз и достигший, и именно в процессе адаптации, подобной формы развития своей личности. Иными словами, такой человек мог бы существовать достаточно комфортабельно и один, но в обществе, а вернее, с обществом ему комфортнее, удобнее, лучше.

Что происходит сейчас? Эпоха информатизации принесла нам не только новые механизмы адаптации к окружающим реалиям, но и новые формы бытия, а значит, новые формы социализации [66; 213].

Сегодняшнему молодому поколению, которое социализируется «наиболее интенсивно» в силу своего возраста, а также в силу специфических условий смены эпох и культур, отводится роль творца новых «социально-информационных» духовных и нравственных ценностей. Именно сегодняшняя молодежь «содержательно наполняет» новую эпоху особым миропониманием, мировоззрением, творит новые архетипы сознания будущих поколений, разрабатывает оригинальные траектории социальной адаптации в постоянно меняющейся среде, которые со временем укоренятся в обществе и станут ведущими ориентирами жизнедеятельности людей. Именно сегодняшнее поколение закладывает основы будущих идей, теорий, взглядов, чувств, настроений, привычек, традиций, которые по истечении определенного времени будут отражать общественное бытие людей, условия их жизни.

Современное поколение растет в эпоху информационной эры, эпоху Интернета. Пожалуй, самую всемирную паутину можно назвать сейчас мощнейшим институтом социализации личности. Из новейшего программно-технического средства массовой информации и коммуникации Интернет превратился в

самостоятельную реальность, своеобразный виртуальный социальный Институт, киберпространство, а может даже и особое виртуальное «Общество», представляющее собой сложную систему со множеством элементов и их взаимосвязей. Интернет безмерно расширил возможности не только социальной адаптации людей в когнитивном аспекте, но и возможности взаимодействия, общения людей друг с другом [66; 213].

Проблема заключается в том, что большинство используют эти открывшиеся возможности адаптации как средство становления своей индивидуальности, субъективации в гипертрофированном, а зачастую даже в патологическом контексте. Но и это только часть проблемы. Второй ее аспект заключается в том, что с одной стороны, наблюдается патологическая субъективизация и индивидуализация личности, с другой – нарастание объективизации, сливания с толпой, массой. Поясним эти аспекты подробнее.

В настоящее время информатизации люди как никогда более в истории склонны образовывать толпы. Даже первобытно - общинный строй уступает по количеству стихийно и целенаправленно возникающих сейчас сообществ, в целом напоминающих именно толпы или массу в их классическом понимании, сформулированном еще Г. Лебоном [152].

То, что мы сегодня называем социальными сетями, на самом деле представляют собой многочисленные фиктивные сообщества, в недрах которых идеи и эмоции каждого его члена имеют тенденцию выражаться спонтанно. Виртуальной массе присуще во многом схожие свойства, как и обычной толпе. В гиперпространстве также действуют законы внушения, заражения и подражания. У многих пользователей повышается восприимчивость к стойким стереотипизированным и повторяющимся действиям [134]. На эту восприимчивость оказывает влияние и внушающая сила слова. Благодаря им разнородные люди в различных социальных сетях сливаются в однородную массу, поскольку искренне верят в ту или иную идею. Такие идеи чаще всего имеют догматический или утопический характер и связаны, как правило, с

надеждами масс на излечение, лучшую жизнь, быстрый заработок и т.п. Масса, оставаясь нечувствительной к рациональному, постоянно надеется. Эта надежда может породить и порождает колоссальную энергию, которая вызывает действия, в том числе, дезадаптивного, деструктивного характера. Такие действия во многом основаны на слепой вере [152, с. 95].

Членство в фиктивных информационных сообществах продуцируют спонтанные идеи и эмоции, а потому для «информационных толп» характерны скачки коллективного настроения в зависимости от получаемых из внешней и внутренней среды импульсов. Анализируя высказывания в различных чатах, во многих из них можно увидеть мгновенный переход от самой кровавой свирепости к благородству и героизму в высшем смысле [127]. Такие скачки коллективного настроения происходят тем резче, чем более критической становится ситуация. Основная форма выражения массового сознания в этих условиях – экстремизм, для реализации которого избирается центр притяжения, кумир или «аутсайдер», «жертва».

Администраторы, модераторы и другие «руководители» различных сайтов внушают массе посредством чатов и других форм общения в виртуальных сетях утрированные суждения, часто не требующие логического анализа и рационального осмысливания, которые являются удобными для мозгового пищеварения большинства людей. Чаще всего это различные слоганы, связанные с попыткой манипуляции массовым и индивидуальным сознанием: «Справедливое социальное устройство!» «Информационный порядок!» «Электронные кошельки...!» «Бесплатное общение в чате!» «Быстрый заработок в социальных сетях!» и т. п. [88] Под их эфемерным влиянием, становясь объектами манипулирования, люди осуществляют спонтанное, порой неосознанное поведение, мало напоминающие активную целенаправленную деятельность, направленную на включение в сферу реальных общественных отношений и культуры. Зато такая активная и целенаправленная деятельность ярко прослеживается в индивидуальном порядке, на страницах собственных

самопрезентаций. Это отчетливо демонстрирует хотя бы то время, которое сегодняшний человек «киборг-робот» тратит на посещение социальных сетей и нахождение в виртуальном пространстве [138; 279]. В ответе на вопрос о том, почему это происходит, нет ничего загадочного и нового. Это происходит потому, что именно через социальные сети человек может практически в полной мере удовлетворить одну из важнейших своих потребностей – потребность в признании и уважении [138; 279, с. 458]. Другое дело, что социальные сети позволяют удовлетворить данную потребность лишь отчасти, на время снимая симптом, как лекарство от головной боли, которое помогает, и может, даже долгие годы, но затем в силу выработки (адаптации) толерантности организма к данному лекарственному средству, его сила действия снижается. Но время упущено – человек привык и уже не может обходиться без данного лекарства, думая, что проблему можно снять, увеличив дозу. Нам представляется, что приведенная метафора очень ярко отражает одну из основных проблем современности – проблему информационного безумия, корни которого уходят в низкую или, наоборот, завышенную самооценку индивида, его комплексы, которые преодолеваются с помощью разных возможностей воображаемой реальности.

С этой точки зрения Интернет превращается в квази-средство адаптации человека к настоящей реальности. Будучи полностью погруженным в виртуальную реальность, личность теряет ориентацию в реальности «реальной» [134]. Следствием этого становится, по нашему мнению, растущая беспомощность человека перед настоящими жизненными реалиями, в результате чего возникает желание применить стратегию избегания или ухода от проблем (благо место ухода заблаговременно приготовлено и ждет свою жертву).

Человек сегодняшний уходит в «толпу», где теряет свою истинную индивидуальность, заменяя ее мистифицированной формой самопрезентации себя в различных социальных сетях. Состояние человека находящегося в массе, всегда сравнивали с сумеречным состоянием, поскольку его сознание, утратившее

активность, позволяет ему предаться мистическому экстазу, видениям или же в состоянии помрачения предаться панике или наваждению [152, с. 25]. Именно таких зомби напоминают многие сегодняшние пользователи Интернета.

Есть еще один момент. Попадая в виртуальную среду, киберпространство, человек сам приобретает атрибут виртуальности, происходит изменения на уровне виртуализации всех сторон личности, её аспектов, все социальные взаимодействия также приобретают виртуальный информационный характер. Основные сферы, которые подвергаются трансформациям в наибольшей степени – это: свобода, воля, достоинство [152, с. 30-45]. В виртуальной среде они могут трансформироваться таким образом, что приведет к отрицательным последствиям как для самой личности, так и для других пользователей Интернета. Это происходит из-за условий анонимности, при которых наблюдается исчезновение чувства ответственности, подменяемое вседозволенностью, ощущением безнаказанности. Личность человека деформируется, причем, в худшую сторону. Формируются девиантные формы поведения, появляются деструктивные виртуальные личности, наносящие остальным пользователям Сети не только психологический вред, при котором нарушается чужая свобода и достоинство, но и вред материальный (например, хакерство, плагиаторство и др.) [216].

Подобные девиации, связанные с отсутствием чувства ответственности, формирующиеся на уровне внутренних психологических изменений в структуре личности, после длительного пребывания в виртуальной среде могут легко проявиться в реальном измерении. Оно опасно еще и тем, что быстро распространяется с помощью механизма заражения и подражания и становится массовым.

По нашему мнению, современное объединение человека в сообщества напоминает исторический факт объединения древнейших людей в племена, только в то время такое объединение носило стихийный, неосознанный характер, продиктованный инстинктами самосохранения. Первобытные люди пассивно подчинялись требованиям вожака и стаи с тем, чтобы выжить. В современном

обществе также превалирует стратегия тоталитарного адаптивного поведения, основанная на пассивном, конформном принятии целей и ценностных ориентаций группы, тем более, что этих виртуальных групп существует бесчисленное множество, что дает такие же бесчисленные возможности варьирования в них. Общечеловеческие классические нормы, ценности, моральные ориентиры и запреты сметаются вместе с подчинением предрассудкам, стереотипам, нормам частным субкультур. Социальная иерархия ослабляет свое влияние, стираются различия между людьми по формам поведения, по способам коммуникации, по механизмам адаптации и социализации, и кажется, что даже потребности становятся общими [227].

Почему-то так устроен человеческий мир и человеческая жизнь, что люди тянутся друг к другу, взаимодействуют друг с другом и перенимают друг от друга чаще плохое? Именно толпа, масса в большинстве случаев является источником повышенной опасности, а не положительных эмоций. Возможно, это связано с тем темным началом, которое присутствует в каждом человеке, которое табуировано законами и общественными нормами, и которое стремится выплеснуться наружу в удобный для этого момент. Толпа и есть такой момент, в ней легче всего затеряться, плохому в том числе. В этой же связи приходит на ум другое объяснение.

Вспоминая советскую эпоху, в которой Интернета не то что не было, а и подумать не могли о том, что такое возможно, мы можем с уверенностью отнести к положительным чертам социалистической и коммунистической идеологии постоянную пропаганду позитивного. Это и понятно, поскольку советский строй только и мог быть таким: позитивным, высоконравственным, самым лучшим во всем мире [65]. Естественно, была и преступность, и катастрофы, и террор, но сведения о них не демонстрировались так рьяно и открыто, как это делается сейчас – в период гласности и демократии. Можно много дискутировать о том, полезно или вредно было такое умалчивание, но те мощнейшие потоки информации, которые проходят через людей сейчас, несут по статистике до 90%

процентов негативной информации. Мы бесконечно читаем и смотрим про убийства, эпидемии, коррупцию, политические скандалы, голод, катастрофы и т.д.[28]. Какие же должны быть люди в своей массе, живущие в подобном обществе? Какие средства адаптации они должны выбирать? Естественно те, которые им демонстрируются. Каким образом они защищаются от постоянно демонстрируемого негатива? Психика либо надламывается, при этом зарабатываются нервные расстройства, либо экранируется – когда человек перестает воспринимать негатив как нечто ужасное и выходящее из ряда вон. По мнению автора, в нашем обществе люди уже поделились именно на два соответствующих типа.

Итак, Интернет-сообщества – это способ самореализации, пусть и не настоящей, но с другой стороны – Интернет-сообщества провоцируют деиндивидуализацию, сливание с толпой, растворение в ней.

Можно ли разрешить данное противоречие – одно из главных противоречий современной социализации? Нам представляется, что данная задача достаточно сложна в силу ряда объективных и субъективных причин. Одна из основных заключается в самом нашем времени – времени коммуникаций. Человечеству в силу распространяющихся урбанизированных отношений довольно трудно удовлетворять потребности в общении. Ритм жизни очень быстр, год от года возрастают количество и темпы передачи информации. Бесперывная миграция населения разрушает человеческие сообщества в их традиционном понимании, что приводит к беспрецедентно легким разрывам социальных связей в их социокультурном значении. В реальной сфере общественных отношений таких связей становится меньше, соответственно человек стремится удовлетворить потребность в общении, стремясь стать членом какого-либо виртуального сообщества. Такие сообщества асоциальны по своей природе и асоциальным способом формируются в виде непостоянных и быстро разрастающихся информационных толп.

Мы описали наиболее, на наш взгляд, серьезные «побочные эффекты» информатизации, которые препятствуют эффективной адаптации и социализации современного человека. Безусловно, в нашем современном времени есть и положительные моменты. Проблема в том, что человек не может ими грамотно и в меру распорядиться.

Большинство пользователей сети Интернет являются не только объектами, усваивающими разного рода информацию, культурные традиции и опыт, но и активными субъектами, имеющими возможность выбрать из всего многообразия представленных в Сети «культурных событий жизни» те, которые соответствуют их внутренним особенностям, потребностям, интересам [28]. Более того, современное виртуальное пространство создает обширные возможности для творчества, и многие субъекты, бывает, что даже неосознанно, становятся авторами различных культурных образцов. Интернет увеличивает Социокультурный и интеллектуальный потенциал общества, раскрепощает и расширяет сознание народа, обогащает уже имеющиеся и создает новые, более эффективные ресурсы адаптации на основе расширения связей и взаимодействий человека с внешним миром.

Но данные обстоятельства опять порождают диалектическое противоречие. С одной стороны, наблюдаются позитивные перемены, связанные с раскрепощением сознания народа, увеличением социокультурного потенциала и ресурсов общества, с другой, - назрело множество проблем, вызванных отсутствием единой ценностной системы координат в духовной жизни россиян. Поиск ее идеалов сведен к личностным экспериментам при максимальных возможностях использования различных концепций, учений, религий. Подобная разбросанность порождает дезадаптацию, когнитивный диссонанс, рост девиаций, которые мы и наблюдаем в последнее время [212].

Что касается расширения механизмов адаптации и способов социализации человека, то применительно к данному информационному подходу следует обозначить различные гаджеты, которые усиливают традиционные средства

коммуникации и трансляции социального опыта. К ним можно отнести, например, форумы, голосование, он-лайн видеоконференции, вебинары и др. Эти средства формируют своего рода неофициальный параллельный пласт виртуального массового сознания [134]. Чем оно отличается от «реального» массового сознания? Пожалуй, что ничем, разве что в пространстве «он-лайн сознания» понятия «индивидуальность», «лидерство», «специализация», «авторитеты», «нормы», «ценности» более неустойчивы и могут изменять свой смысл и содержание быстрее, чем в реальности⁴. Тем не менее, виртуальные средства коммуникации могут формировать огромный пласт духовной и интеллектуальной сферы личности; они являются мощным подспорьем, средством и способом общения в сфере профессиональной деятельности, при практическом производстве продуктов труда.

Рост темпов использования таких средств приводит к тому, что в современном обществе происходит постепенная подмена понятий, обозначающих ведущие деятельности человека в обществе: традиционное «общение» заменяется на тиражирование и распространение информации. Меняется и целеполагание, соответственно [134, с. 237]. Если еще несколько лет назад потребность в общении можно было определить как одну из основ социальной деятельности, то сегодня ее основой становится производство и трансляция самих коммуникаций. Именно это производство и трансляция информации становится мощным орудием адаптации личности в социуме и мощным каналом ее социализации⁵.

Таким образом, современный процесс социализации характеризуется следующими основными моментами.

Во-первых, - это быстрота всего процесса социализации в целом. Недаром детей сегодняшнего поколения называют «акселератами». Быстрое взросление

⁴ Реплика: Являясь однажды участником одной научной конференции, которая проходила в режиме «он-лайн», автор с удивлением фиксировала, как очень быстро менялись позиции участников: с лидерских на аутсайдерские и наоборот. Тем не менее, общее впечатление от конференции осталось достаточно благоприятным, а коэффициент полезности (опять же субъективно) оказался даже выше, чем при участии в традиционных заседаниях.

⁵ Реплика: В качестве примера можно привести авантажные, безрассудные и опасные для жизни «селфи», имеющие огромное распространение в социальных сетях в настоящее время. Даже инстинкт самосохранения не останавливает активных пользователей в попытках повысить свой квази-рейтинг в социальном окружении.

обусловлено, на наш взгляд теми темпами жизни, которые задают возможности современных информационных технологий.

Во-вторых, - расширение когнитивных и социокультурных рамок, позволяющих становиться членом наибольшего числа сообществ, в том числе, сообществ по интересам и ценностям. Следствием этого является расширение социокультурного и интеллектуального потенциалов личности.

В-третьих, усиление влияния виртуальных агентов социализации, по сравнению с традиционными агентами. В качестве таковых может выступать не только отдельный человек, но и группы, сообщества и целые институты виртуального пространства.

Четвертая особенность определяется, на наш взгляд сменой критериев успешной социализации. Если ранее одним из таковых являлось включение человека в сферу реальных общественных отношений, востребованность социумом личностных и профессиональных качеств, то в сегодняшней виртуальной реальности успешно социализированным можно считать человека, владеющего информацией и способного эту информацию «добывать» [216]. Данное обстоятельство как-бы задвигает на задний план специализированные «традиционные» профессиональные навыки и знания. Нет, профессия токаря, например, или сварщика по-прежнему востребована, но они теряют свой «социальный престиж». На пике развития сегодняшнего общества важны не сами знания, а достаточно знать, где и как эти специализированные знания можно добыть и каким образом использовать.

Пятая особенность психологического плана. Она связана с двоякостью социализации индивида. По нашему мнению, на сегодняшний день создается ощущение, что сам этот процесс для многих людей протекает по двум траекториям, по двум каналам – реальному и виртуальному. На отдельных страницах социальных сетей пользователи, как уже отмечалось, имеют возможность презентовать себя в соответствие со своими потребностями и желаниями. Каждая виртуальная игра, клуб, квест и т. п. – это особый мир,

особый квази-институт, который накладывает свой отпечаток на процесс социализации. Иногда люди настолько уходят в воображаемый, искусственно созданный мир, что теряют ориентацию в реальности, которая предъявляет другие требования, другие правила, соответственно и процесс социализации протекает по-другому [258, с. 24]. Единственный способ синхронизировать два канала социализации – это сформировать внутренние и внешние границы пользования Сетью, воспринимать информационное пространство как средство социализации, а не как ее «поле».

Шестая особенность современной социализации связана «подвижностью» и неоднозначностью норм, правил, ценностей, которые всегда, во все времена являлись базовыми атрибутами, ключевыми точками социализации. Фальсификация, намеренное и ненамеренное введение в заблуждение, разбросанность мнений «экспертов» и т. п. – все эти процессы усилили свои акценты в благоприятной почве информационного поля. Когнитивный диссонанс – обычное явление современного гражданина, которого «растаскивают» в разные стороны завлекательные и хитроумные маркетинговые рекламные акции, чаще всего завуалированные под строгие формы научного знания. Пожалуй, с этой точки зрения именно наука и страдает больше всего [258, с. 25]. Наибольший урон несут критерии достоверности научного знания и сами ученые, которые часто занимаются не добычей новых научных знаний, а отстаиванием своих прав в отношении авторства той или иной идеи. Может поэтому наука в нашей стране так и остается развитой на достаточно низком уровне.

Таким образом, для того, чтобы быть успешно социализированным в современной «социо-виртуальной» среде, необходимо преодолевать указанные противоречия, что является сутью социальной адаптации.

Подведем некоторые итоги данного параграфа.

Итак, под социализацией мы понимаем процесс диалектического взаимодействия личности и социальной среды, результатом которого является развитие и становление человека как объекта и субъекта общественных

отношений посредством выработки социально-необходимых знаний, умений, качеств для выполнения социальных функций, ролей и взаимодействий в обществе.

Главным критерием успешной социализации личности будет являться признание обществом личности. Главными индикаторами успешной социальной адаптации человека являются самопринятие и высокая удовлетворенность от взаимодействия с социумом.

В процессе социализации между структурой социального мира и структурой личности всегда происходят два диалектически противоречивых процесса: процесс взаимного приспособления, адаптации друг к другу, и процесс обособления друг от друга. Со стороны личности процесс адаптации характеризует объективное и субъективное вхождение в социум, приспособление к определенному структурному порядку. Со стороны общества – это институционализация отношений, конструирование системы норм, регулятивов и принципов, с которыми личности будут согласовывать свое индивидуальное поведение. Но с другой стороны, каждая из взаимодействующих сторон обладает собственной определенностью, отражающей их особенности и специфические свойства, обуславливающие противоречивость отношений человека и социальной среды. Эта внутренняя противоречивость заключается в том, что с одной стороны, человек обретает социальные качества и социально обусловленную индивидуальность только под воздействием социальной системы, а с другой - не сможет развить индивидуальность и самореализоваться, если будет слепо копировать предлагаемые системой образцы культуры. Что же делать?

Для решения данной проблемы собственно и «вступает в игру» процесс социальной адаптации, который призван и дает возможность человеку определить оптимальное соотношение между степенью его приспособления к социальной среде и его умением противостоять общественному давлению в процессе социализации. Роль социальной адаптации в процессе социализации личности заключается в постепенной субъективации личности, его отрыве,

дистанцированности от общества. Это становится возможным благодаря тому опыту, который получает человек, разрешая противоречия с социальной средой. Именно этот опыт позволит ему научиться самостоятельно удовлетворять большинство своих потребностей и стать самодостаточной личностью.

Современный процесс социализации осложнен рядом противоречий, обусловленных информатизацией нашего общества и процессом глобализации. Коротко эти проблемы можно описать так:

1. противоречие между быстротой происходящих в мире процессов и «медлительностью» общественного и индивидуального сознания;
2. противоречие между объемом, получаемой человеком информацией и ее качеством;
3. противоречие между множеством Социокультурных ценностей, декларируемых разными сообществами и стремлением людей к единоначалию;
4. противоречие между линиями влияния традиционных институтов социализации и виртуальных институтов;
5. противоречие между обобществлением процессов жизнедеятельности и стремлением человека к субъективизации;
6. противоречие между потребностью человека в адаптивно-ценной информации и недостаточно развитыми каналами, которые бы такую информацию предоставляли и т. п.

Каждый процесс, попытка преодоления любого из упомянутых противоречий – это процесс социальной адаптации, в результате которого человеком приобретаются «актуальные» ценные навыки, свойства, черты, качества, которые расширяют его возможности в освоении окружающей действительности, позволяют утвердиться в социуме в качестве полноправного и полноценного его члена, а значит, становиться успешно социализированным.

3.2 Социокультурные аспекты адаптации и социализации

Более поздним и по времени своего возникновения, и по степени научной разработки является культурологический подход к социальной адаптации и, соответственно, к социализации личности [91]. Преимущественно он раскрывает свое значение в аксиологическом аспекте, поскольку именно ценности выступают одной из базовых составляющих исследований отношений между личностью и обществом. Целью данного параграфа является демонстрация еще одного важного современного противоречия между человеком и социальной средой, основанного на столкновении ценностей, культур и культурных миров адаптирующихся и социализирующихся субъектов. Еще одной своей задачей автор также видит нахождение новых аспектов, связанных с культурной адаптацией и социализацией и постарается показать, какую роль может сыграть и какое место занять толерантность в решении поставленного вопроса.

Серьезный интерес ученых к культурному подходу обусловил появление в адаптационной теории даже специального понятия – «культурная адаптация», иногда говорят о социокультурной адаптации [232, с. 10-13]. Причина подобного интереса лежит в зоне миграционных и эмиграционных процессов, и кроме того, мы всегда вспоминаем о социокультурной адаптации, изучая межэтнические, межнациональные, межрасовые и другие, связанные с данными, формы взаимодействия людей.

Проблема социокультурной адаптации сопряжена с проблемой возрастания в современном мире этнических конфликтов, ставшей одной из приоритетных проблем современности. Об этом свидетельствуют и популярные научные источники, и современная светская периодика, и многочисленные дискуссии, конференции, симпозиумы, меморандумы и т.п. [101; 181; 288] Одной из причин этнонациональных конфликтов считается столкновение ценностей различных культур друг с другом, более точно эту причину мы бы обозначили как

столкновение различных культурных норм друг с другом. Поскольку речь идет о столкновении, конфликте культур, постольку же мы говорим о социокультурной адаптации.

Традиционно, социокультурная адаптация изучается как конфликт, который связан с попаданием человека в новую для него социальную или национальную среду (миграция, смена профессии или социального статуса, служба в армии, тюремное заключение и т. п.) или радикальной сменой социально-политических условий его жизни (революция, война, оккупация, радикальные реформы в стране и пр.). При этом социокультурная адаптация, как правило, начинается с этапа аккультурации, т. е. совмещения прежних стереотипов сознания и поведения с процессом освоения новых, а затем при определенных условиях может привести и к ассимиляции, т. е. утрате прежних культурных паттернов (ценностей, образцов, норм) и полному переходу на новые [288, с.24-30]. В случае успешной социокультурной адаптации человек достигает соответствия (совместимости) с новой средой, принимая ее ценности, традиции, нормы и стандарты поведения, как свои собственные, и действуя в соответствии с ними (то есть, интернализируя их).

Но в большинстве случаев, так показывает практика реальной жизни, процесс аккультурации сильно затягивается, поскольку, например, в нашем обществе еще достаточно слабо разработаны механизмы социокультурной адаптации. На наш взгляд, дело здесь не столько в исследовательских трудностях, связанных с поставленной задачей, сколько в специфике самого феномена и самих механизмов социокультурной адаптации. Органически эти трудности уходят в существо природы человека, которую, как известно, изменить очень трудно, а то и практически невозможно. В частности, можно выделить несколько предпосылок, которые являются основой их возникновения, но сначала дадим авторское понимание социокультурной адаптации.

На наш взгляд, социокультурная адаптация – это отношение двух и более различных культур в лице их представителей, направленное на разрешение между

ними противоречия, связанного со столкновением разных культурных норм, результатом которого является выработка новой культурной нормы - общей для конфликтующих сторон.

Культура существует столько же, сколько лет человечеству. Мы понимаем культуру как совокупность определенных норм, причем эти нормы консервативны по своей природе и понятно почему. Норма – это определенный шаблон, по которому легче, проще, быстрее руководствоваться в своей жизнедеятельности. Любое изменение норм – это революция, которая нарушает спокойную, отлаженную жизнь социума [288], вынуждая его «адаптироваться» к новым вариантам жизнедеятельности, а потому общество, как самостоятельный «живой» организм инстинктивно стремится всеми силами поддерживать свою относительную устойчивость, свои выработанные временем нормы.

Культурные нормы социума – понятие собирательное, сложное. Нормы тесно связаны с такими структурами культуры, как ценности, мифы, арт-объекты, ритуалы, жрецов, последователей. Любой вид культуры поддерживается и удерживается ее «жрецами», которые также всеми силами стремятся поддержать устойчивость существующих культурных норм и контролировать появление новых [254; 286]. Исходя из этого, любая этническая группа – это «групповая норма» со всеми ее структурами, и когда мы говорим об этническом конфликте, имеется в виду именно столкновение этнических норм, которые естественным образом отличаются друг от друга. Как разрешить данный конфликт? Нам ответ очевиден: найти точки соприкосновения различных норм, которые станут новой общей нормой для конфликтующих сторон. Данная задача чрезвычайно сложна, ее решение можно сравнить с процедурой операции в нейрохирургии по соединению нервных волокон, что является кропотливым, долгим, не всегда приводящим к успеху трудом врача. Так же трудно соединить, найти что-то общее в разных, веками складывающихся культурах. Возможно, поэтому многие ученые [181; 232; 287] видят первоочередной задачей не поиск этого общего, а формирование механизмов, позволяющих найти точки перехода,

адаптации одной культуры к другой. Проще говоря, речь идет об «облегчении приобщения» человека одной культуры к другой. Эта задача выглядит гораздо проще по сравнению с задачей выработки новых общих норм. Однако это не значит, что и на практике она легко разрешима, не зря до сих пор проблема культурной адаптации считается одной из наиболее острых.

Одним из стратегических средств и способов такой «адаптации» человека к новой культурной среде является воспитание и формирование толерантных отношений в обществе. При этом под толерантностью в большинстве научных источников как раз и понимается «терпимость», способность перенимать и легко принимать «другого», то есть, по сути, быстро и безболезненно адаптироваться к этому «другому» [45; 77; 100]. В этом контексте в Красноярском крае принят проект постановления Правительства Красноярского края «Об утверждении государственной программы Красноярского края «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края» [202]. Целью Программы является укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Красноярском крае. В основе данной программы, помимо общеобязательных бюрократических пунктов лежит проведение различных межнациональных мероприятий, что довольно таки успешно действительно осуществляется на практике. За последнее время в крае значительно возросло количество таких мероприятий, результативность которых, возможно, будет в скором времени оценена. Автор данной работы была свидетелем некоторых из них в рамках участия в международном проекте «Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia» (сокр.ALLMEET)⁶, который нацелен на развитие непрерывного образования, направленного на формирование мультикультурализма в образовании и толерантности в России [200]. Помимо этого, автор является

⁶ Электронная платформа непрерывного образования «tempus-allmeet» / Электронный ресурс // Режим доступа: <http://tempus-allmeet.ipps.sfu-kras.ru/index.php/ru/dokumenty-2/postanovleniya/142-proekt-postanovleniya-pravitelstva-krasnoyarskogo-kraya->.

исполнителем по ГРАНТу в рамках регионального конкурса РГНФ, где также поднимаются вопросы толерантности⁷.

И все же нам представляется, что одного только знания о традициях, обычаях, нормах другой культуры явно мало. Хотя подобные мероприятия и предполагают взаимодействие представителей различных этносов, в ходе которого возможно установление «дружественных», толерантных взаимоотношений, но этого не достаточно, поскольку толерантность – это особое состояние души, тяжелый труд и работа над собой.

Почему же люди не только разных культур, но и просто разные по взглядам, привычкам, характеру не могут найти общих точек соприкосновения? Отметим один парадоксальный факт. Практически все население нашей планеты понимает важность мирного сосуществования «разных» ее членов, однако мировая практика отражает все метаморфозы этого понимания, еще раз демонстрируя правоту и полную состоятельность одного из постулатов теории Фрейда о том, что всеми нашими поступками управляет бессознательное. Геноцид, ксенофобия, радикальный (и не радикальный)⁸ национализм прочно и в геометрической прогрессии утверждаются как формы реальных практических общественных отношений, пронизывающих многие стороны нашей общественной жизни, начиная с детского сада [176, с. 896]. Уже там от малосознательного ребенка можно услышать пренебрежительные и агрессивные высказывания в сторону его товарища по играм, который отличается внешностью, манерой поведения, речью. С этого времени – периода неосознанного подражания и копирования поведения родителей начинаются перекосы сначала просто в сознании, а потом и в развитии

⁷ Реплика: Некоторые данные настоящего исследования были получены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках регионального конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» при реализации проекта «Разработка научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL 2 S) для поддержки и развития человеческого капитала Красноярского края», Красноярск 2016-1018 гг.

⁸ Реплика: Несмотря на найденные уточнения, для автора так и осталась не совсем понятным необходимость дополнения понятия национализм понятием «радикальный». Какие бы акценты не придавались, национализм (будь это просто религиозная нетерпимость или шовинизм) во все времена и во всех ситуациях национализмом и останется во всем негативном его смысле. Как не может быть «осетрина второй свежести», так и национализм не может иметь никакую степень своего проявления.

толерантного сознания личности. Именно эти перекосы мешают в дальнейшем адаптации, «настройке» различных культур друг на друга.

Следует отметить, что априори причинами интолерантного отношения к другому можно считать именно первые шаги осознания человеком своей индивидуальности и неповторимости как личности. При благоприятных условиях социализации, формируется и адекватная способностям и особенностям ребенка внутренняя самооценка, в результате чего ребенок учится выстраивать гармоничные, здоровые отношения с другими людьми [177, с. 17-18]. Гиперпротекция или наоборот, чрезмерное пренебрежение родителей к вниманием и нуждам ребенка, заставляют его искать в первом случае - гипертрофированные пути признания собственной уникальности и значимости другими, во втором – элементарного внимания к собственной персоне. В дальнейшем, для того, чтобы утвердиться и каким-либо образом самореализовать себя в обществе искореженная психика такой личности идет не по психологически здоровому пути построения гармоничных взаимоотношений, а по пути унижения и уничижения другого: через насмешки, издевательства, агрессию. Другая внешность, привычки, характер, манеры поведения, язык и т.п. являются провокаторами возникновения подобных негативных взаимоотношений и формирования интолерантности как особого отрицательного отношения к другому [45, с. 19-24].

Анализируя соответствующую литературу, автор столкнулась с множеством определений толерантности, принципиально и качественно друг от друга не отличающихся. Более всего импонирует, скорее не определение, а метафора или девиз понимания толерантности, наиболее точно формулирующий ее суть и определяющий связь с адаптацией: «толерантность – это гармония в разнообразии» [45, с. 46-49]. Стремление достичь этой гармонии, равновесия, жизненного баланса между совершенно, казалось бы, различными «элементами» нашей мега-системы является важнейшим условием толерантности. Эта гармония будет достигнута тогда, когда общество будет способно найти пути выработки и

укоренения как раз тех новых норм, которые будут являться общими для разных культур. В связи с этим можно дать следующее определение толерантности. Толерантность – это адаптивное отношение, осуществляющееся на основе принятия и осознания субъектами этого отношения полноправности и полноценности существования друг друга, не смотря на их физические, психологические, социальные различия.

Среди существующих в научной литературе определений толерантности, вызывающих несогласие, можно отметить те, в которых она понимается как терпимость к инаковости других [77; 89]. Само понятие терпимости, происходящее от слова «терпеть», уже означает неприятие. Терплю – значит, не приемлю, но вынужден внешне соглашаться, поскольку так требуют нормы социальной среды. По нашему же мнению, истинная толерантность – это состояние души, при котором человек инвариантно относится к другому, как равному себе, готов понять и принять точку зрения другого. Толерантность – это форма пассивной «адаптации» к другому, но при этом собственная личностная активность «не гасится», а существует параллельно, фактически не пересекаясь с активностью другого. В предыдущей части работы было показано, что толерантность является одной из важных составляющих чувства собственного достоинства человека, которое характерно для адаптивной личности.

Несмотря на кажущуюся простоту определения толерантное отношение – редко встречающееся явление. В самом деле, как часто мы говорим сами себе: «этот человек не плохой с какой-либо стороны, он просто «другой», не похожий на меня, и то, что он отличается от меня, не дает мне право его осуждать»? Некоторым людям в течение их жизни даже в голову не приходит такая простая и очевидная мысль, хотя если бы все мы следовали ей, то очевидно, в мире бы было меньше зла, агрессии, насилия, оскорблений и другого негатива.

По нашему мнению, этноконфликты – это лишь расширенный вариант проявления ненависти к «другому» на основании того, что инаковость этого «другого» очевидна глазу. Человека другой культуры ненавидеть «есть за что»,

хотя на самом деле корни этой ненависти лежат в органической неприязни и неприятии всего, что не соответствует твоим представлениям, твоим потребностям, взглядам. Мы ненавидим соседа за то, что он успешный предприниматель, который ездит на шикарной машине и живет в свое удовольствие, а мы лишь на зарплату. Мы ненавидим коллегу, за то, что он продвигается вверх по карьерной лестнице, а мы вот уже несколько лет все на той же должности. Мы ненавидим себя за то, что не достигли того, чего хотели и на фоне унижения другого чувствуем себя не так уж дискомфортно. Мы смотрим на демонстрируемые средствами массовой информации насилие и жестокость, и компенсируем собственную несостоятельность утешительными мыслями о том, что кому-то еще хуже, чем нам. Мы усваиваем образцы и модели поведения, навязываемые кино, театром, СМИ, принимаем их за эталоны и стремимся следовать им, несмотря на их откровенно негативный оттенок. Но именно эти эталоны помогают нам быстрее адаптироваться в окружающей действительности, поскольку не надо тратить время и думать самому, искать способы и выстраивать механизмы адаптации, - за нас уже обо всем подумали. Действительно, получается, что интолерантность – это такой защитный механизм, который используется личностью для поддержания собственной самооценки. Можно выделить еще несколько причин и предпосылок формирования интолерантности.

На прямой линии с президентом РФ в 2015 году поднимался вопрос, касающийся проблематики настоящего исследования. Он касался методов борьбы с национализмом, при этом было акцентировано внимание на том, что в свете последних событий на фоне ухудшения отношений и открытой конфронтации с Западом у россиян обостряется чувство патриотизма, которое провоцирует излишний национализм и ксенофобию: «Иногда кажется, что чем сильнее ты будешь Родину любить, тем сильнее ты будешь кого-то ненавидеть. Я называю это «патриотизм с ксенофобией»» [231]. Президент, оппонируя автору вопроса, справедливо заметил, что в данном случае были поставлены в ряд два совершенно разных понятия: патриотизм – любовь к Родине, и ксенофобия –

ненависть к другим народам, однако, по нашему мнению, подобная проблема действительно существует, и заключается она отнюдь не в путанице понятий, а в особенностях нашего менталитета и особенностях системы воспитания. Само понятие патриотизма, как и многие другие понятия, выражающие общечеловеческие ценности, во многом было исковеркано в процессе исторического развития нашей страны. Надо сказать, что здесь не обошлось без роли политической власти, которая на протяжении многовековой истории, изобилующей частными конфронтациями России с другими государствами, использовало патриотизм как рычаг собственного утверждения и управления народом [102].

Прямое назначение и сущность патриотизма, на наш взгляд, заключается в функции соединения, сохранения целостности и единства нации. Это чувство позволяет связать воедино совершенно разных по взглядам и по характеру людей. Патриотизм можно определить как один из механизмов адаптации, он помогает чувствовать единение и гармонию и с природой, и со своими собратьями. Параллельно с патриотизмом (при благоприятном воспитании) формируется чувство сопричастности, сопереживания другому, те чувства равенства и братства, воспетые в то советское время, когда наша страна была многонациональна как никогда. Опять же, в это время, патриотизм был основой коммунистического мировоззрения, коммунистической идеологии, которая насильно насаживалась в сознание россиян едва ли не с младенчества [59, с. 202].

В других странах понятие патриотизма тоже используется властью для манипуляции населением. Так, например, в США применяется на практике так называемый «Акт о патриотизме» [8], один из разделов которого санкционирует тотальный сбор информации о телефонных звонках и электронных контактах людей, в том числе и не находящихся под прямым подозрением.

Подобные коллизии наблюдаются и в других цивилизованных странах. Элементарные преступления против личности – это уже ненависть и нетерпимость к другому. Мотивация может быть различная, но это не меняет сути

существующей в обществе интолерантности, которая, кажется, растет в геометрической прогрессии по мере развития мирового сообщества. Личностный эгоизм, жадность, эмоциональная и нравственная пустота, которые порождаются мировым прогрессом, техническими и научными достижениями, во многом лежат в основе сегодняшних межнациональных и гражданских войн, размолвок, междоусобиц. Всемирная глобализация постепенно стирает границы между людьми и так же постепенно стираются границы прямых связей, межличностных отношений и взаимодействий людей. Индивиды даже в пределах одной национальности постепенно разучиваются напрямую общаться друг с другом вследствие разрастающегося коммуникативного вакуума, который порождает Всемирная сеть [134]. Основными приоритетами общения уже стали и продолжают утверждаться его опосредованность, быстрота, возможность удовлетворять собственные эгоистические потребности и самовыражаться в соответствии с собственными же потенциями. На фоне этих негативных тенденций усугубляются «традиционные» факторы, провоцирующие развитие интолерантности как особой формы адаптивного барьера между людьми разных культур. Интолерантность препятствует успешной адаптации и инкультурации личности.

Если рассматривать подробнее интолерантность именно как адаптивный барьер, то здесь можно выделить несколько более узких причин ее формирования. Во-первых, это непонимание на уровне языка, которое создает главные трудности и барьеры в процессе взаимодействия. И дело здесь не только и не столько в неправильной семантической интерпретации выражений и слов, сколько в тех «субъективных» смыслах, которые имеют эти слова и выражения для разных народов и их культур, не говоря уже о том, что в некоторых языках определенные семантические выражения не находят себе аналогов в других [178].

Во-вторых, это различия во внешности и характере, именно национально-культурного плана. Еще раз отметим, что психологические корни неприятия другого в данном случае следует искать в завышенной самооценке и чрезмерном

эгоизме. «Разумный» эгоизм – это вполне здоровое явление, присущее каждому человеку, поскольку для личности нет ничего ценнее, чем она сама такая, какова она есть. Именно поэтому, все, кто отличается от человека, вызывают чувство снисходительности, пренебрежения, возможно, брезгливости, как самые мягкие из тех форм отношений, которые могут перерасти в полное отрицание права личности другого на существование.

Третья причина кроется в стереотипах и «сценариях» поведения (Э. Берн), прививаемых нам с детства [38, с. 23]. В качестве примера можно привести известные идиомы: «все цыгане – воры и обманщики», «кавказцы – террористы», «у русских «широкая» душа». Стереотипы выполняют с одной стороны, успокаивающую функцию, с другой, - облегчают понимание того, что бывает очень трудно воспринять на уровне здравого смысла, играя защитную роль. Вообще стереотипы и различные установки, прививаемые человеку с детства, могут занимать решающие позиции в формировании адаптивных стилей и стратегий поведения. Не зря Э. Берн называл их самыми устойчивыми программами, по которым человек живет и которыми руководствуется в течение всей жизни [38, с. 55-57]. Только автор говорил о родительских лозунгах, девизах и принципах жизни, но именно они – предтеча и аналог стереотипов. Нет необходимости доказывать, что эти программы и лежащие в их основе стереотипы являются серьезным идеологическим и психологическим барьером для успешной адаптации и социализации личности. Они способны не только осложнить, но и исковеркать жизнь человека, сделать его беспомощным перед лицом трудностей реальной жизни. Стереотипы также служат фактором, тормозящим взаимопонимание между людьми.

Непонимание, касающееся различных аспектов существования людей других национальностей, можно выделить в отдельную причину формирования интолерантности, хотя оно тесно сопрягается с остальными. Непонимание и недопонимание складывается из возникающего противоречия между теми установками, ценностями, традициями и т. п., которые являются элементами

данной культуры и особенностями культурной и духовной жизни других людей [232]. Непонимание мы тоже часто используем как, своего рода, защитный механизм, когда интеллектуальных возможностей не хватает или их нет совсем, или человек просто не желает прикладывать те усилия, которые требуются для познания и постижения чего-то нового. Отрицать, избегать или осуждать гораздо проще и комфортнее, чем применять интеллектуальные усилия для попыток объяснения «нестандартного» поведения другого. Подобное непонимание может привести к его крайней форме – отрицания возможности существования другого, и выражаться, например, в истреблении целых народов и наций, что убедительно продемонстрировал нам даже прогрессивный XX век.

Все выделенные причины являются исключительно субъективными причинами формирования интолерантности. Даже устойчивые стереотипы, веками утверждающимися в каком-либо обществе, трудно отнести к объективным социальным образованиям, поскольку они – продукт слабости человеческой природы и результат парализации разума человека. Безусловно, в истории известных фактов, да и в безызвестности существовали и существуют уникалы, понимающие всю однобокость и опасность стереотипов, а потому выстраивающие индивидуальные траектории миропонимания. Именно они ломают многие устоявшиеся культурные нормы. Именно такие люди являются революционерами, творцами и новаторами, создающими новые формы и способы адаптации к окружающей реальности [225]. Таких, к сожалению, не много. Стадный инстинкт всегда был мощнейшим фактором организации общественной жизни и эффективным средством управления обществом, а власть имущие всегда и во все времена стремились использовать его в своих интересах. Как это ни парадоксально, но государству не нужны различия в социальной массе, в том числе, различия в адаптивных стратегиях совладения с трудными жизненными ситуациями. Возможно, это связано с одним из сильнейших инстинктов человека – стадным инстинктом, который тем сильнее проявляется, чем ниже уровень развития общества, чем более оно примитивно [152]. Ведь общеизвестно, что чем

ниже уровень сообщества, тем жестче его эталоны одинаковости, тем настороженнее в этом обществе воспринимаются различия и отличия.

Дело здесь не только в субъективном факторе, активно замешанном на корысти, но и в объективной функции самоорганизации, которая является гарантом относительной стабильности и устойчивости социума. С одной стороны, стабильность норм жизненно необходима обществу, с другой – отсутствие изменчивости – это также общественная смерть в одной точке развития [225].

Любая система, в том числе социальная, постоянно находится на линии борьбы двух тенденций: стабильность (гомеостазис) и изменение. Успешный баланс этих тенденций есть залог адаптивности системы и, как следствие, – выживания (самосохранения). Костяком и залогом оптимальной «балансировки» стабильности и изменчивости системы, а значит и ее адаптивности, являются культурные нормы.

Стабильность выражается в поддержании устоявшихся культурных паттернов (норм, правил, принципов). Любая социальная система, в том числе и человек, на биологическом уровне стремятся сохранять свою стабильность, вот почему, попадая в новую для него культурную среду, личность испытывает трудности адаптации и социализации. Культурные нормы, как уже было отмечено, консервативны, некоторые из них стереотипизированы и прочно укорены в сознании. Являясь частью сущности человека, эти нормы – неотъемлемая часть его организма, детерминирующие деятельность, общение, самосознание – основные сферы социализации личности. Новая норма – это трудность, которую необходимо преодолеть не только гносеологически, но сделать частью онтологии, бытия человека [176, с. 897]. Каким образом этого достичь? Уже говорилось о том, что необходимо вырабатывать новую норму, которая бы совмещала в себе какие-либо из атрибутов норм – антагонистов или просто разных норм, что достаточно трудоемко не только в социально-психологическом, но и в экономическом плане является трудозатратным. В большинстве обществ и сообществ нашего мира, и особенно в нашей стране с

культурными нормами, которые представляют угрозу или неуютны большинству, власть имущие ведут борьбу. Это выражается в запретах на аксиологическом уровне, угрозах административного, правового, экономического, юридического характера. Подобная борьба по известному бытийному закону «с чем боролись, на то и напоролись», заканчивается весьма плачевным результатом, выражающимся в усилении негативных тенденций, росте напряженности, агрессивности, различных конфликтов.

В этой связи хочется привести один показательный пример. Призывы государства и муниципальных органов власти, направленные на борьбу с курением, рост цен на табачную продукцию, потрясающие воображение баннеры и рисунки на сигаретных пачках, а также увещевания врачей и грозная статистика смертности от рака, наконец, запрет курения в общественных местах, как известно, долгое время не приводили к значимым результатам в России. По нашему мнению, только фактор увеличения роста проводимых спортивно-массовых мероприятий как развлекательного, так и серьезного соревновательного характера, позволили снизить количество курильщиков примерно на 17 % [191]. За счет чего удалось достигнуть подобного результата? Несомненно, что за счет выработки новой нормы. Таковой стала норма, связанная с ведением здорового, спортивного образа жизни, что дало толчок многим людям к переосмыслению своих ценностей, а значит, и направлений деятельности. Смена цели привела к осознанию причин, мешающих ее достижению, а именно того, что трудно достичь каких-либо спортивных результатов с легкими, заполненными никотином.

Нам представляется, для того, чтобы социокультурная адаптация, в частности, ее начальный этап аккультурации, была менее проблемной и безболезненной, для того чтобы снизить факторы риска интолерантных отношений в обществе необходимо не бороться с нормами, а вырабатывать новую норму. В идеале эта норма должна экстраполировать ценности трех временных векторов противоборствующих культур: положительный прошлый опыт, нормы настоящего и образы будущего.

Попробуем разъяснить данный тезис. Как уже было сказано, культуры отличаются друг от друга своими специфичными нормами. Характер и специфику той или иной нормы, по нашему мнению, определяет мировоззрение. Впрочем, эти два понятия: «норма» и «мировоззрение» абсолютно взаимообусловлены, а потому сказать, какое из них первичное, также трудно, как решить дилемму с курицей и яйцом. Итак, в нашем мире, существует три основных типа мировоззрения, которые определяют нормы трех основных культур, и соответственно, порождают три разные реальности.

Первый тип мировоззрения – «от прошлого». Для этого типа характерен синтетический тип мышления с идеализацией прошлого, а потому, обладатели данного типа считают, что в жизни необходимо стремиться именно к этому прошлому, в котором было лучше, чем сейчас. Такой тип мышления и мировоззрения характерен людям, которые потеряли когда-то достигшие высоты и совершенно естественно полагают, что этих высот им помогли добиться внешние обстоятельства; такой тип мировоззрения также характерен большинству религиозных сообществ («при Иисусе было лучше») и другим культурным образованиям.

Второй тип мировоззрения – «от настоящего». Его специфичность определяют аналитический стиль мышления, характерный для большинства развивающихся и развитых стран, особенно в Европе. Обладатели данного типа мировоззрения проектируют недалекое будущее, исходя из данных настоящего .

Третий тип мировоззрения – «от будущего». Это самый «сильный» тип мировоззрения, позволяющий проектировать будущее на несколько десятилетий вперед. Представители китайской нации, а также россияне и некоторые другие страны используют именно этот тип мировоззрения, он позволяет четко планировать свою деятельность по достижению какой-либо цели – мечты [153].

Разделение на подобные типы не означает, что какая-то культура обладает только одним из них. Все типы мировоззрения, так или иначе, присущи людям любой культуры, любой национальности, просто какой-либо один из них является

ведущим, более ярко выраженным. Безусловно, идеальным типом мировоззрения будет некий общий тип, совмещающий в себе данные три типа, каждый из которых может превалировать в той или иной ситуации в зависимости от обстоятельств. На практике такая ситуация трудно представима, более того, даже если она и будет достигнута, то приведет к смерти человеческого сообщества, поскольку нарушатся незыблемые диалектические законы, по которым и развивается наш мир. Но подобный тезис может быть интересен в ситуациях острой конфронтации как временное средство, основа механизма управления конфликтами культур, войнами между сообществами, как стратегический способ достижения временного перемирия.

По нашему мнению, столкновение норм различных культур друг с другом обусловлено различием в типах мировоззрения, а именно ориентацией той или иной культуры на прошлое, настоящее или будущее, а также спецификой «доли» этих параметров в мировоззренческой сфере культурного сообщества. Соответственно, для того, предупредить или разрешить конфликт культуры, необходимо чтобы нормы взаимодействующих сторон были более или менее сходны по структуре данных временных параметров. Конечно, идеалом представляется мировоззрение как совокупность норм, где пропорционально друг другу и в равных «долях» экстраполированы нормы настоящего, прошлого и будущего.

Одной из основной ошибок культурологов - адаптологов, а также всех ученых, занимающихся соответствующими проблемами, является, по нашему мнению, их попытки разработать механизм социокультурной адаптации с акцентом на изучение опыта прошлого и настоящего разных культур, при этом практически игнорируется тип мировоззрения «от будущего». Более того, нормы будущего как особенность той или иной культуры практически не учитываются при попытках понять, осознать, воспринять специфику той или иной культуры, не

важно, являются они ведущими нормами или нет⁹. Нам же представляется, что образ будущего как потенциальный и стратегический план деятельности того или иного сообщества играет значимую роль в понимании и осознании особенностей его культуры.

Следовательно, сам механизм социокультурной адаптации должен быть разработан с учетом данного факта. Это представляется не такой сложной задачей, если рассматривать процесс адаптации сквозь призму предложенного нами темпорального подхода. Иными словами, необходимо исследовать этот процесс как цикл, состоящий из трех соответствующих временных этапов: активизационного (оценка приобретенных ранее качеств и потенциалов для решения проблемной ситуации – этап прошлого), поискового (выбор настоящих стратегий совладения с трудной жизненной ситуацией - этап настоящего) и результативного (образ будущего как оценка успешности или не успешности адаптационного процесса). Изучая внутреннее отношение и субъективно-значимые атрибуты этого отношения на каждом из этих временных этапов, можно понять ценностно-смысловую сферу адаптирующегося субъекта в трех плоскостях: прошлом, настоящем и будущем. Причем, эти ценности совсем не обязательно будут идентичны ценностям того эпоса или той культурной группе, к которой индивид принадлежит, но, безусловно, эти ценности формировались, в том числе, под влиянием социокультурной среды, в которой индивид социализировался и социализируется. То есть, механизм социокультурной адаптации отдельного индивида и механизм социокультурной адаптации группы – это два разных механизма, каждый из которых может требовать специальной отдельной разработки.

Вспомним, что первоначальный этап адаптационного цикла, который мы определили как активизационный, предполагает оценку индивидом наличных и потенциальных ресурсов адаптации, необходимых и достаточных для того, чтобы

⁹ Ремарка: Этноконфликт или любой другой конфликт – это чаще всего конфликт «прошлого либо «здесь и сейчас» Конфликты, связанные с возможностями будущего довольно редки (в любом случае, нужен повод «здесь и сейчас» для того, чтобы он начался), и характерны для людей с психическими отклонениями.

справиться с конкретной проблемной ситуацией. Иными словами, мы должны оценить какие навыки были приобретены нами в прошлом, а также на основании прошлого опыта предположить, какие виды деятельности мы можем освоить, приобретая дополнительные навыки, для того, чтобы справиться с проблемной ситуацией. Оценка опыта прошлого – стартовый момент, запускающий весь механизм адаптации, который определяет успешность адаптационного процесса в целом.

В масштабе общества, а точнее, взаимодействующих обществ, которые одностороннее или обоюдно адаптируются друг к другу, первый этап процесса адаптации аналогичен. Иными словами, начальный этап «конфликта» культур – это также оценка опыта прошлого - и своего, и противника. Если свой «прошлый опыт», свою историю мы более или менее знаем, то «опыт прошлого» противника в большинстве случаев малоизвестен или неизвестен вообще. Это незнание осложняет весь процесс адаптации в целом, делает его трудным, дискомфортным, конфликтным, затяжным уже на начальном этапе его старта. Но мало здесь разрешить конфликт между знанием и не знанием, необходимо это знание интериоризировать, то есть осмыслить и сделать своим «внутренним» знанием, которое мы понимаем и принимаем [126]. В этом отношении «в игру вступает» процесс социализации, ядром которого выступит воспитание личности в духе толерантного отношения к другим. Таким образом, идеальным стартовым этапом адаптации личности или группы будет знание и учет опыта прошлого субъектов адаптации. Правильная оценка такого опыта позволит успешно перейти к следующему этапу – поисковому.

Поисковый этап адаптационного цикла – это настоящее, которое протекает с учетом опыта прошлого. В адаптационном цикле мы выбираем настоящее (адаптивную стратегию) исходя из синергии оценок прошлого опыта с возможными результативным исходом (будущее) и теми ресурсами, которые имеются здесь и сейчас (настоящее). Здесь важно изучить оценки субъектов адаптации по трем позициям: когнитивной (что «я» знаю, для того, чтобы решить

проблемную ситуацию), эмоциональной (как «я» отношусь к проблемной ситуации), деятельностной (что «я» предприму, какую стратегическую линию выберу, для того, чтобы разрешить проблемную ситуацию). Поисковый этап – во-первых, это собственно деятельностный этап, который протекает «здесь и сейчас», во-вторых – это этап, на котором индивид демонстрирует (и это можно увидеть наиболее полно) свое отношение к проблемной ситуации.

Наконец, результативный этап адаптационного цикла – это будущее, итог адаптации. Это те ожидания относительно исхода разрешения проблемной ситуации, гипотеза и прогноз итога всей адаптации. Образ будущего – состояние адаптированности – это цель адаптационного процесса. Было бы неверно думать о том, что данный этап адаптационного цикла – естественное его завершение, не нуждающееся в комментариях. Действительно, основная ответственность за результат адаптации ложится на первые два этапа, именно они детерминируют ее успешность или не успешность. И тем не менее, адаптированность, как нам представляется довольно сложный, пусть и всего лишь кульминационный момент адаптации. Эта сложность определяется, прежде всего, его относительностью, поскольку до сих пор, не смотря на явную популярность данного вопроса в научной литературе, нет однозначных критериев этой самой адаптированности. Слова «адаптированность» и «дезадаптированность» используют столь широко и в столь разных смыслах [82; 177], что, если уж придерживаться строгого научного метода, необходимо четко и конкретно определить их значение во избежание терминологической путаницы со всеми остальными родственными понятиями – «социальная адаптация», «адаптивность», «адаптивные стратегии».

Мы определяем адаптированность в самом общем виде как состояние удовлетворенности индивида и общества исходом решения проблемной ситуации. Совершенно очевидно, что это определенное не вносит ясности и звучит не достаточно убедительно, однако оно задает камертон, который позволяет определить параметры адаптированности, ее критерии, о которых также говорилось в предыдущей части работы.

Всего было выделено четыре таких критерия: когнитивный, аксиокультурный, коммуникативный и поведенческий. Эти критерии соответствуют модели адаптониста – человека успешно адаптированного и социализированного в том обществе, в котором он осуществляет свою жизнедеятельность. Успешность определяют наличие четырех выделенных и обоснованных нами качеств социальной адаптивности: самоактуализация, целеустремленность, ответственность и чувство собственного достоинства.

Таким образом, центрообразующей причиной трудностей социокультурной адаптации является столкновение норм различных культур и неспособность выстроить диалог так, чтобы в процессе взаимодействия выработать новую норму. Тип нормы определяется, в том числе, ориентацией культуры (общества или человека) на один из трех временных векторов: настоящее, прошлое и будущее. Следовательно, в основе механизма формирования социокультурной адаптации будут лежать способы формирования «общей» для взаимодействующих культур нормы, где пропорционально друг другу и в равных «долях» экстраполированы нормы настоящего, прошлого и будущего. Это станет возможным, если мы будем рассматривать адаптационный процесс как цикл, имеющий соответствующие временные этапы (активизационный, поисковый, результативный соответственно), на каждом из которых адаптирующиеся субъекты проявляют свое внутреннее отношение, выражая оценки происходящей ситуации. Эти оценки формируются по трем аспектам: когнитивном, эмоциональном, собственно деятельностном. Прогнозировать исход адаптации можно из сопоставления данных оценок и сделанных на основании их анализа выводов с критериями адаптированности: когнитивным, аксиокультурным, коммуникативным и поведенческим, а также с идеальной моделью качеств успешно адаптированного человека (целеустремленность, самоактуализация, ответственность, чувство собственного достоинства).

Для того чтобы подвести черту и определить, что же должно быть кульминационным моментом данной работы, подведем обобщенный итог

описываемых выше рассуждений, определяя, таким образом, конечный пункт данного исследования.

Проблема социальной адаптации личности или группы может быть успешно решена за счет осознания значимости реализации на практике двух основных моментов. Первый момент – теоретический, связан с четким пониманием сущности процесса социальной адаптации во временном (темпоральном) контексте. Важнейшим условием правильного понимания сущности будет ясность содержания каждого из ее этапов: активизационного, поискового и результативного.

Второй момент – практический, он связан с первым, но требует самостоятельного детального подхода к определению механизма управления социальной адаптацией через:

- 1) Определение критериев успешной адаптации на каждом этапе адаптационного цикла;
- 2) Определение конкретных диагностических инструментов для исследования этих критериев.

Предлагаемый механизм социальной адаптации будет наиболее востребованным, как нам представляется, в образовательной среде, которая является мощнейшим институтом социализации личности и, тем более, обладает наиболее полными возможностями его использования для повышения качества успеваемости школьников и студентов. Особенно актуально такое использование в свете внедряемой в образовательную среду программы инклюзивного обучения и образования [251], поскольку она предполагает обучение на одной площадке детей не только с разными интеллектуальными, но и разными физическими возможностями. Такие дети, относящиеся еще до недавнего времени к группе детей «особых», требующих специального подхода к обучению и воспитанию, теперь социализируются «на равных» условиях с остальными. Возможно, этот шаг - первая серьезная ступень к формированию адаптивной образовательной среды, о которой заявлялось еще в далеком 1992 г. в Законе Российской

Федерации «Об образовании». Этот закон предусматривал необходимость адаптивности системы образования применительно к особенностям развития и подготовки обучающихся. Однако с того времени он так много и так по-разному интерпретировался и трактовался, что сама идея так и не воплотилась в конкретный обобщенный методический принцип, который можно было бы внедрить на практике. И только совсем недавно доселе разрозненные методические школы сошлись на концепции инклюзивного обучения, которая активно внедряется в современную образовательную систему. Конечно, как и у любого новшества, у этой концепции есть свои сторонники и противники, имеются как минусы, так и явные преимущества, но подобные диалектические противоречия характерны для любой сферы нашей жизнедеятельности. Разрешая данные противоречия, общество либо совсем отвергнет какую-либо идею, либо будет продолжать ее внедрять, постепенно совершенствуя. В любом случае, инклюзивное образование – пример адаптивного образования, учитывающего потребности и интересы обучающихся [36]. Кроме того, инклюзия является неотъемлемой частью, необходимым аспектом в формировании толерантности, которой так не достает нашему современному обществу.

Итак, актуальна ли для философии образования проблема социальной адаптации? Безусловно. Есть несколько наиболее «острых моментов». Рассмотрим их на примере вуза.

Первый связан с поступлением абитуриента в высшее заведение. На самом деле, процесс адаптации для большинства первокурсников начинает актуализироваться только через полгода обучения, к моменту первой сессии, тогда как многие ученые считают, что первокурсник «привыкает» к новым видам деятельности, в том числе, к увеличению доли самостоятельной работы на занятиях, новым формам самих занятий и новой обстановке с момента поступления [112, с. 75]. По нашему мнению, действительно есть группы «адаптационно-незащищенных» студентов: студенты-мигранты; студенты, прибывшие из сельской местности и отдаленных районов, проживающие в

общежитии; студенты, прибывшие из других стран и регионов с другой культурой и языком. Но даже такие студенты, по нашему мнению, и в соответствии с данным выше определением социальной адаптации, центральным ядром которого является процесс активного разрешения противоречия, не адаптируются, а скорее, больше акклиматизируются в новой обстановке. Для них более характерен процесс социокультурной адаптации, который является подвидом социальной адаптации. Первой ступенью этого процесса является пассивное приспособление к окружающей новой реальности. Большинство таких студентов без достаточных затруднений справляются с так называемыми «культурно-бытовыми» трудностями, хотя, естественно, бывают и исключения. Большой адаптационный резонанс вызывают трудности, связанные с взаимодействием с другими, установлением контактов с новыми сверстниками и нахождением друзей. Но, как показывают исследования, и данные трудности, как правило, быстро решаются и возникают достаточно редко только у отдельных студентов [14]. Опять же только небольшой процент студентов первого курса сталкиваются с трудностями, связанными с усвоением нового материала и не способностью справиться с большим, по сравнению со школой, объемом усвояемого материала на самых первых месяцах обучения. Как правило, эти трудности еще не до конца сформировавшимся подростковым сознанием отодвигаются на задний план, до первой сессии, которая, собственно, и является первым серьезным адаптационным испытанием для первокурсника [150, с. 86].

Уже на самом первом этапе адаптации студент испытывает трудности, связанные с недостаточностью развития и нехваткой школьных знаний и навыков для того, чтобы справиться с решением учебных задач вуза. В любом случае, знаниевые базы школьной и вузовской программ сильно отличаются, а потому трудности неизбежны даже у «сильных» учащихся, которые, вполне вероятно, справятся с ними быстрее, чем другие [150, с. 88].

Слабая ресурсная база, приобретенная в прошлом, наложенная на выбор студентом пассивной стратегии адаптации, дает весьма неутешительные прогнозы

в отношении исхода адаптационного процесса студента уже во время первой сессии, а значит, и сказывается на уровне успеваемости.

В ходе анализа современных исследований, посвященных проблемам адаптации, а также на основании собственного авторского исследования, проведенного с помощью методики «личностный опросник «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина»¹⁰, были выделены основные сферы, в которых осуществляется процесс социальной адаптации студентов: сфера ведущей деятельности (т. е. обучения), общения (в новых социальных условиях – в вузе), самосознания (изменения в структуре личностных свойств), которые являются и сферами социализации учащихся.

В сфере адаптации студентов к обучению можно выделить мотивационный фактор, связанный с формированием позитивных учебных мотивов (стать высококвалифицированным специалистом, обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности, приобрести глубокие и прочные знания) и личностных качеств будущего специалиста, который можно рассматривать как интегральный, поскольку он определяет общую профессиональную направленность и ориентацию человека в процессе его жизнедеятельности [213]. Была обнаружена корреляционная зависимость уровня адаптированности студента от степени выраженности позитивных мотивов к обучению. Выявлено, что трансформация мотивов и целей обучения (от первого курса к третьему) происходит в направлении от различных внешних формальных оснований (получение диплома, стипендии, добиться одобрения родителей и т.п.) к содержательным профессиональным целям, имеющим внутреннюю значимость для студентов [212].

На первом курсе выявились уровневые показатели профессиональных и учебных мотивов, что обусловлено, на наш взгляд пониманием их общественного,

¹⁰ Примечание: Исследование проводилось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках регионального конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» при реализации проекта «Разработка научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL 2 S) для поддержки и развития человеческого капитала Красноярского края», Красноярск 2016-1018 гг. Выборка составила 125 человек – студентов 1-го курса Сибирского федерального университета гуманитарных направлений подготовки.

а не личностного смысла, на основании чего они, скорее идеализированы, нежели являются субъективными личностными установками. Ко второму курсу у студентов отмечается общее снижение интенсивности всех мотивационных компонентов. Познавательные и профессиональные мотивы перестают управлять учебной деятельностью. Только к третьему курсу смысл обучения начинает пониматься как профессионализация в выбранной области, а не формальное выполнение требований вуза, т. е. формируется субъективное отношение к процессу собственного социального становления.

В сфере общения выделился фактор зависимости успешной социальной адаптации от уровня развития коммуникативных способностей, навыков самопрезентации в группе, способности устанавливать контакты с окружающими, построения отношений со сверстниками и преподавателями.

Неразвитость коммуникативных способностей обуславливает низкий уровень развития поведенческой регуляции, которая отражает соотношение потребностей, эмоционального фона настроения, самосознания, в значительной степени определяющие эффективность выполнения социальных функций, соответствие своему статусу и социальной роли в вузе. В сфере самосознания выявлены противоречия и трудности в становлении самооценки и формировании позитивного образа «Я». Это проявляется в быстром физическом утомлении, «студенческой тревожности», в неспособности выдерживать новый высокий темп жизни, неуверенности в собственных возможностях, в формировании направленности не на активный, творческий поиск, а избегание, уход от проблем. Результаты исследования также показывают, что важным условием успешной социальной адаптации является ориентация студента на соблюдение общепринятых и специфичных для вуза ценностей, правил и норм поведения, адекватное восприятие предлагаемой социальной роли, ответственное отношение к требованиям непосредственного социального окружения, что является важным условием формирования нормативной адаптированности личности.

Полученные данные позволяют утверждать, что для поддержания условий успешной адаптации учащихся, требуется воздействие на развитие указанных социально-психологических качеств студентов (мотивации к успешному обучению, ценностной направленности, коммуникативности и поведенческой регуляции) [214].

Что необходимо предпринять, для того, чтобы процесс адаптации студентов был успешным? Изучать весь социальный адаптационный процесс поэтапно, исследуя специфику и особенности протекания каждого из этапов, своевременно давая оценку их текущему состоянию, выявляя возможные перспективы и направления дальнейшего развития, определяя возможные причины нарушений, и своевременно и точно воздействуя на выявленные проблемы. Рассмотрим как это возможно на каждом из этапов адаптивного цикла.

На первом – активизационном этапе необходимо дать оценку состояния когнитивных, эмоциональных ресурсов и ресурсов деятельностного уровня. Эти ресурсы – центральное ядро социальной адаптивности – интегрального качества, определяющего способность человека разрешать возникающие противоречия. Напомним, что когнитивные ресурсы в адаптационном процессе позволяют человеческому интеллекту конструировать информационные модели решений проблемных ситуаций на основе их анализа и оценки. Вторая группа ресурсов значима преимущественно с точки зрения ее аксиокультурного аспекта как способность человека усваивать нормы и ценности данной социальной среды. Наконец, магистральным звеном деятельностного компонента является коммуникативный критерий как способность выстроить толерантные отношения, достигнуть взаимопонимания с другими людьми, социальными группами, сохраняя при этом собственную индивидуальность. Кроме того, поведенческий ресурс социальной адаптивности предполагает направленность личности на активное преодоление трудностей, готовность к соответствующим видам деятельности в условиях самовыражения и самореализации творческих

способностей. Все выделенные аспекты являются критериями эффективности адаптационного процесса.

Наиболее сложным с точки зрения его оценки, является третий – результативный этап социальной адаптации. Здесь, как нам представляется, мы должны решить один важный для решаемой проблемы методологический вопрос. Является ли успешное прохождение студентом первых двух этапов (у него достаточно адаптационных ресурсов для того, чтобы справиться с проблемной ситуацией, и он выбирает конструктивную копинг-стратегию) необходимым и достаточным условием для того, чтобы диагностировать результат адаптации как положительный? Очевидно, что это условие является необходимым, поскольку уже говорилось о том, что нужный положительный результат может быть достигнут за счет средств, не соответствующих нормам и требованиям социальной среды либо за счет других средств и факторов, которые не связаны с приложением самостоятельных необходимых усилий по решению появившейся проблемы (например, проблема разрешилась сама за счет затягивания времени, мошенническим или другим преступным способом и т.п.). Иными словами, проблемные ситуации решались субъектом адаптации таким способом, который не отвечал необходимым критериям эффективности адаптационного процесса, а именно: когнитивному, аксио-культурному, коммуникативному поведенческому.

Но является ли прохождение первых двух этапов условием достаточным? Нам представляется, что нет. При всех внешних атрибутивных признаках благополучного исхода адаптивной ситуации, субъект адаптации может быть внутренне не удовлетворен самим процессом в целом, этапами и, в конечном итоге, исходом адаптации, даже, если объективно этот результат положительный. Мы говорим о разочаровании, которое может следовать за видимым успехом, и которое наступает после его достижения либо в процессе самого адаптивного цикла. Некоторые индивиды, могут ощущать внутреннюю неудовлетворенность и по ходу решения задачи. Чаще всего это личности-перфекционисты, либо особо одаренные и стремящиеся к постоянному личностному росту. Например, можно

испытывать недовольство от того, что не задействованы все ресурсы для решения проблемы, выбрана не та стратегия, хотя она соответствует адаптивным критериям, или же в принципе испытывать неудовлетворенность от того, что действовал стандартно, однотипно и не смог подойти творчески к решению задачи. Может иметь место «счастливый случай», везение либо благоприятное стечение обстоятельств. Именно поэтому на последнем этапе адаптации необходимо использовать методики, которые позволят оценить внутреннюю удовлетворенность или субъективную положительную оценку исхода адаптации. Кроме того, важно понимать внутреннюю мотивацию субъекта при решении проблемной задачи, поскольку внутренние побуждения могут не отвечать аксиокультурному, поведенческому, коммуникативному или когнитивному критерию.

Таким образом, наличие необходимых адаптивных ресурсов и выбор эффективной стратегии адаптации являются необходимыми, но недостаточными условиями успешной адаптации. На каждом из этапов адаптивного цикла необходимо выявлять внутренние оценки (субъективную удовлетворенность и внутренние мотивационные побуждения) индивида относительно разрешаемого им противоречия с тем, чтобы получить объективную картину социальной адаптации. Это условие сделает процесс диагностики более трудоемким, но вполне реально и, на наш взгляд, достаточно исследовать эти оценки хотя бы только на завершающем (результативном) этапе.

Эпитафией к данному параграфу будет служить неглубокое по смыслу, но совершенно искреннее оправдание автора. Постулируя смысл социальной адаптации (во всяком случае, претендуя на это) как самосовершенствование человека, его самостановление через преодоление онтологических противоречий, автор понимает, что подобное объяснение слишком натянутое и широкое, и подобным же образом мы можем объяснить смысл любого явления. Кроме того, в процессе написания данной работы, возможно, у автора не хватило возможностей достаточно четко и ясно обосновать свою мысль, связав ее с социальной адаптацией. Однако данная банальная истина была своего рода «инсайтом», «ага-

эффектом» для диссертантки. Давно воспринимавшаяся умом как нечто естественное и не подлежащее сомнению, к моменту писания этого труда эта мысль перетранслировалась в область чувственного восприятия и буквально была «прожита», «понята», «прочувствована» сердцем. Именно поэтому в работе социальная адаптация понимается как механизм самостановления и саморазвития личности, что является центральной идеей, и весь текст написан в контексте данной мысли.

Таким образом, подводя итог данного параграфа, можно заключить, что задача управления социальной адаптацией – довольно трудоемкая, но реально осуществимая на практике. Для большего практического и технического эффекта, для достижения результативности и повышения качества обучения необходимо системно, с использованием деятельностного подхода и его различных аспектов исследовать социальный адаптационный процесс поэтапно, выявляя степень развития противоречия через внутренние оценки индивида. Если мы «поймем» как индивид разрешает противоречие, как строятся его взаимоотношения с социальной средой, мы «поймем» траекторию его социализации, его развития и саморазвития, благодаря чему можно будет точно корректировать, направлять, совершенствовать линию его жизнедеятельности. «Понять» как индивид разрешает противоречие, определить основные ментальные характеристики субъекта адаптации можно, используя предложенные методики исследования для определения имеющихся и потенциальных адаптивных ресурсов, специфики адаптивных стратегий и объективной (средовой) и субъективной (личностной) оценок результативности адаптации. Соответствие полученных диагностических результатов критериям успешного адаптационного процесса: когнитивному, коммуникативному, аксиологическому и деятельностному будет свидетельствовать о «благоприятном», «эффективном» движении субъекта адаптации в сторону его становления и утверждения как полноправного члена общества.

Выводы по главе 3

Социализация и социальная адаптация – два взаимодетерминируемых друг друга процесса. Под социализацией мы понимаем процесс диалектического взаимодействия личности и социальной среды, результатом которого является развитие и становление человека как объекта и субъекта общественных отношений посредством выработки социально-необходимых знаний, умений, качеств для выполнения социальных функций, ролей и взаимодействий в обществе.

В процессе социализации между структурой социального мира и структурой личности всегда происходят два диалектически противоречивых процесса: процесс взаимного приспособления, адаптации друг к другу, и процесс обособления друг от друга. Со стороны личности процесс адаптации характеризует объективное и субъективное вхождение в социум, приспособление к определенному структурному порядку. Со стороны общества – это институционализация отношений, конструирование системы норм, регулятивов и принципов, с которыми личности будут согласовывать свое индивидуальное поведение. Но с другой стороны, каждая из взаимодействующих сторон обладает собственной определенностью, отражающей их особенности и специфические свойства, обуславливающие противоречивость отношений человека и социальной среды. Эта внутренняя противоречивость заключается в том, что с одной стороны, человек обретает социальные качества и социально обусловленную индивидуальность только под воздействием социальной системы, а с другой - не сможет развить индивидуальность и самореализоваться, если будет слепо копировать предлагаемые системой образцы культуры. Что же делать?

Для решения данной проблемы «вступает в игру» процесс социальной адаптации, который призван и дает возможность человеку определить оптимальное соотношение между степенью его приспособления к социальной среде и его умением противостоять общественному давлению в процессе социализации. Роль социальной адаптации в процессе социализации личности

заключается в постепенной субъективации личности, его отрыве, дистанцированности от общества. Это становится возможным благодаря тому опыту, который получает человек, разрешая противоречия с социальной средой. Именно этот опыт позволит ему научиться самостоятельно удовлетворять большинство своих потребностей и стать самодостаточной личностью.

Не менее значимым, чем информационный, подходом к социальной адаптации и к социализации личности, является культурологический подход. Центрообразующей причиной трудностей социокультурной адаптации является столкновение норм различных культур и неспособность выстроить диалог так, чтобы в процессе взаимодействия выработать новую норму. Тип нормы определяется, в том числе, ориентацией культуры (общества или человека) на один из трех временных векторов: настоящее, прошлое и будущее. Следовательно, в основе механизма формирования социокультурной адаптации будут лежать способы формирования «общей» для взаимодействующих культур нормы, где пропорционально друг другу и в равных «долях» экстраполированы нормы настоящего, прошлого и будущего. Это станет возможным, если мы будем рассматривать адаптационный процесс как цикл, имеющий соответствующие временные этапы (активизационный, поисковый, результативный соответственно), на каждом из которых адаптирующиеся субъекты проявляют свое внутреннее отношение, выражая оценки происходящей ситуации. Эти оценки формируются по трем аспектам: когнитивном, эмоциональном, собственно деятельностном. Прогнозировать исход адаптации можно из сопоставления данных оценок и сделанных на основании их анализа выводов с критериями адаптированности: когнитивным, аксиокультурным, коммуникативным и поведенческим, а также с идеальной моделью качеств успешно адаптированного человека (целеустремленность, самоактуализация, ответственность, чувство собственного достоинства).

Проблема социальной адаптации личности или какой-либо социальной группы может быть успешно решена за счет осознания значимости реализации на

практике двух основных моментов. Первый момент – теоретический, связан с четким пониманием протекания всего процесса социальной адаптации во временном контексте. Важнейшим условием здесь будет определение содержания каждого из ее этапов: активизационного, поискового и результативного. Второй момент – практический, который связан с определением критериев успешной адаптации на каждом этапе адаптационного цикла.

На примере студенческой молодежи первого курса были выявлены некоторые проблемы социальной адаптации в сфере образования. Были выделены основные сферы, в которых осуществляется процесс социальной адаптации студентов: сфера ведущей деятельности (т.е. обучения), общения (новые социальные контакты), самосознания (изменения в структуре личностных свойств).

В сфере адаптации студентов к обучению одним из ведущих является мотивационный фактор, связанный с формированием позитивных учебных мотивов (стать высококвалифицированным специалистом, обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности, приобрести глубокие и прочные знания) и личностных качеств будущего специалиста, который можно рассматривать как интегральный, поскольку он определяет общую профессиональную направленность и ориентацию человека в процессе его жизнедеятельности.

В сфере общения можно выделить фактор зависимости успешной социальной адаптации от уровня развития коммуникативных способностей, навыков самопрезентации в группе, способности устанавливать контакты с окружающими, построения отношений со сверстниками и преподавателями.

Для того, чтобы выстроить механизм и траекторию управления адаптацией студента в вузе, необходимо реализовать диагностическую задачу по выявлению наиболее проблемных точек адаптации на каждом этапе адаптивного цикла. Необходимо также систематически и всестороннее изучать внешние и внутренние факторы, вызывающие трудности социальной адаптации студентов в вузе, и создавать соответствующие условия для обеспечения ее успешности, но и через

разработку комплекса учебно-методических мероприятий на весь период обучения в вузе, касающихся всех форм профессиональной подготовки студентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предметом исследования данной научной работы послужил процесс социальной адаптации, которой был рассмотрен в качестве одного из факторов процесса становления и развития личности. Для достижения поставленной цели, а именно, для социально-философской концептуализации социальной адаптации на основе раскрытия ее содержания, определение ее роли в процессе становления и развития личности и систематизации методологических подходов к ее исследованию, были последовательно решены основные задачи.

Проанализированы основные фундаментальные подходы к исследованию социальной адаптации, рассмотрена история возникновения понятия. Термин адаптации зародился в русле естественно-научной области знания и имел в течение нескольких десятилетий четкое дарвиновское определение как приобретение живыми организмами необходимых качеств и свойств, необходимых для существования в конкретной зоне обитания. На сегодняшний день наиболее четкие контуры научной концепции адаптации и социальной адаптации прослеживаются в естественно-научной, психологической и философской литературе. Эти же области знания позволяют теоретически дифференцировать биологическую, психологическую и социальную (собственно философский подход) адаптации соответственно, как процессы, имеющие каждый свою принципиально качественную определенность.

Биологическая адаптация традиционно связана с эволюцией всех живых существ и часто в научной литературе определяется как пассивное приспособление организмов к окружающей среде, что позволяет им выживать и жить в изменяющихся условиях. Значимым результатом подобного приспособления является развитие всего живого на основе выработки новых необходимых для выживания признаков и свойств.

Психологическая (психическая) адаптация связана, преимущественно, с целеполаганием индивида, а ее успешность определяется максимальным соответствием потребностей индивида и достигнутых целей. Психическая адаптация – это не борьба за выживание, как в случае с биологической адаптацией, а борьба за психологический комфорт, который достигается путем стремления к удовлетворению потребностей через достижение гомеостаза между внутренним состоянием субъекта и внешними условиями.

Самая спорная дефиниция – социальная адаптация, которая интерпретируется во многих значениях, а потому нуждается в основательном, обобщенном универсальном философском определении. Однако очень мало философских исследований, посвященных изучению сущности данного процесса. Социальная адаптация в философском аспекте связана с активной направленностью адаптирующегося субъекта, приводящей к количественным и/или качественным изменениям субъекта(ов) адаптации.

В работе выделены несколько положений, на основе которых был осуществлен социально-философский анализ исследуемого процесса.

1. Социальная адаптация требует системного, целостного и комплексного подхода к ее изучению, а потому философский анализ учитывает триединство ее биологической, психологической и социальной природы.

2. Социальная адаптация – это всегда отношение человека и социальной среды, направленное на разрешение возникающих между ними противоречий и представляющее элемент диалектического механизма в развитии упорядоченности социальной системы.

3. Социальная адаптация имеет диалектическую природу, проявляющую себя в постоянной динамике двух состояний адаптирующихся субъектов: относительного покоя и непрерывных флуктуаций. Цель адаптации – достижение точки равновесия между ними.

4. Развитие адаптационного процесса подчинено логике самоотрицания адаптирующимся субъектом достигнутых, благодаря самодетерминирующей

активности, целей и постановке новых, что приводит к развитию и саморазвитию субъекта адаптации.

5. Одновременное стремление и к движению, и к относительному покою – фундаментальное диалектическое противоречие адаптации. Гипотетически это противоречие можно разрешить, найдя точку равновесия между процессами присвоения (пассивной адаптации) и объективации, «отдачи себя обществу» (активная стратегия адаптации) индивидуальным, присущим данному конкретному человеку, способом.

6. Основными элементами адаптационного процесса являются общие основания-модусы, определяющие динамику его развития: адаптационные ресурсы (количественная характеристика адаптационного процесса), адаптивное поведение (качественная сторона адаптации), адаптированность (качественно-количественный результат приспособительного процесса).

После того, как были определены ключевые аксиомы, возникла необходимость в поиске адекватной методологии для изучения социальной адаптации.

Было установлено, что социальная адаптация имеет деятельностную природу, поскольку ее сущность проявляется в целенаправленной активности индивида, кроме того, социальная адаптация – это всегда взаимная деятельность (отношение) а потому методологическим подходом к исследованию социальной адаптации может служить деятельностный подход. В рамках деятельностного подхода можно выделить два основных под-подхода или аспекта, принципа. Во-первых, - это системный подход (принцип системности), который предполагает исследование сложной, многокомпонентной структуры адаптационного процесса во всей ее целостности и взаимосвязанности. Во-вторых, - это субъектно-деятельностный подход и его личностно-динамический аспект, подразумевающий принципы активности и включенности личности. Эти принципы являются ведущими системообразующими детерминантами в исследовании социальной адаптации, позволяющим этому процессу выступать в качестве фактора и

самоорганизации, и самовыражения личности в процессе активного преодоления различных социальных противоречий.

Важно понимать, что процесс социальной адаптации по сути, - это динамически-деятельностное многофазное «развертывание» личности – особый тип последовательных личностных преобразований в пределах индивидуально «очерченного» диапазона изменчивости, заданного как индивидуальными особенностями, так и требованиями конкретной социальной среды. Социальная адаптация в данном контексте проявляет свое значение, выполняя функции организации и развития человека как субъекта общественных отношений, как субъекта деятельности. Это значит, что благодаря социальной адаптации у человека появляется способность к такой активности, которая позволяет найти способ разрешения социальных противоречий при сохранении собственной самоидентичности, и с учетом требований социальной среды. Социальная адаптация призвана играть ключевую роль системы сдержек и противовесов, определяющей такой вариант жизнедеятельности, при котором человек находит соотношение между степенью приспособления к социуму и степенью своей автономности, как способности противостоять общественному давлению.

Социальный адаптационный процесс подчинен собственной логике развития, основанной на спецификации стадий этого процесса. Общими системными атрибутами, определяющими стадии социальной адаптации, являются: проблемная социальная ситуация, актуализирующая адаптационный процесс, адаптационные ресурсы (имеющиеся, достаточные и необходимые) для ее разрешения, социальные отношения, возникающие в процессе разрешения личностью противоречия, принимающие форму адаптационных стратегий, и результат адаптации, выражающийся в социальной адаптированности или дезадаптированности индивида.

Антиподом процесса социальной адаптации является процесс социальной дезадаптации. Эти два процесса представляют собой не диалектическое единство, а два принципиально различных, полярных варианта жизненных

траекторий личности. Первый путь соответствует объективно благоприятному ходу жизни и объективно эффективной временной организации активности личности, предполагающую циклическое, поступательное развитие на основе стремления преодолевать возникающие трудности и противоречия. Процесс социальной дезадаптации – это конфликтное отношение человека и социальной среды, обусловленное уровневыми нарушениями в поведенческой, эмоциональной и когнитивной сфере индивида в условиях субъективно или объективно меняющихся обстоятельств, которые индивид внутренне и/или внешне не принимает, не хочет или не может принять.

Социальная дезадаптация не тождественна различным формам проявления девиаций. Они являются лишь результатом дезадаптации человека, как его неспособности справляться с трудными жизненными ситуациями. В результате такой человек либо становится чрезвычайно зависимым от общества, либо дистанцируется от него, выбирая не соответствующие нормам и требованиям социальной среды стратегии поведения.

Поскольку социальная адаптация определяется как отношение человека и общества, направленное на разрешение возникающих между ними противоречий, то задача управления ею сводится к нахождению эффективного механизма для управления процессом разрешения человеком противоречия. Следовательно, необходим анализ самого противоречия, через выделение и исследование интервальных структур развития противоречия, содержание которых наполнено ментальными характеристиками адаптирующегося субъекта. Данные интервальные структуры – это временные этапы развития противоречия, последовательный переход человека из одного состояния, соответствующего конкретному этапу, в другое, и эти состояния характеризуют определенные качественные сущности – следствие количественных изменений. Причем время в адаптационном процессе – это «движение деятельности», системы деятельностей человека, наполненной его ментальными характеристиками, включающими и отношение к самому противоречию. В качестве основных временных осей нами

были приняты прошлое, настоящее и будущее как фазы протекания адаптационного процесса. Мы можем оценивать адаптационный процесс с позиции прошлого (какие ресурсы уже есть у индивида для решения проблемной ситуации), настоящего (какие методы, стратегии и формы деятельности он выбирает, для того, чтобы справиться с проблемной ситуацией) и будущего (прогнозирование результата адаптации).

Решение подобной задачи автор настоящей работы видит в применении структурно-темпорального методологического подхода, который позволяет «раздробить» адаптационный процесс на искомые этапы, которые дополнительно были обозначены как активационный, поисковый и результативный, соответственно.

Начальный этап адаптационного цикла совпадает по времени с начальным этапом разрешения индивидом противоречия (этап прошлого). Основное содержание данного этапа связано с оценкой противоречия и рефлексией личностных ресурсов с точки зрения их достаточности и необходимости для разрешения противоречия. Совокупность личностных адаптационных ресурсов, необходимых для успешной адаптации личности в социуме, была названа социальной адаптивностью. «Формула» социальной адаптивности выглядит как совокупность следующих личностных характеристик: стремление к самоактуализации, что позволяет человеку раскрывать свои сущностные силы; целеустремленность, которая позволяет человеку фильтровать информацию и выбирать необходимую для решения данной проблемы; чувство ответственности, позволяющие выбрать адекватные адаптивные стратегии; и чувство собственного достоинства, определяющее толерантность в процессе общения с другими и сохранение собственной индивидуальности и принципов. Человек, обладающий данными качествами, был назван автором работы адаптонистом. Критерии социальной адаптивности во многом соответствуют вышеперечисленным качествам и включают: когнитивный, коммуникативный аксиокультурный и поведенческий компоненты, соответственно. Не смотря на

относительность и адаптивных качеств, и критериев адаптации можно говорить об абсолютном показателе эффективной социальной адаптации, который соответствует активному стремлению личности к раскрытию и реализации индивидуальных способностей и возможностей, востребованных в данном обществе, и позволяющих личности удовлетворять свои потребности.

Параметры адаптивности социальной среды, общества во многом схожи с параметрами социальной адаптивности человека. Адаптивное общество – это общество (социальная среда), которое обеспечивает полноценное развитие своих граждан в направлении раскрытия ими их индивидуальных способностей и особенностей; существует в соответствие с твердыми моральными, нравственными, ценностными нормами и способно их сохранять; обладает исторической ответственностью и политической выдержкой; способно гибко реагировать на изменения внешней среды.

Второй этап адаптационного цикла – поисковый, связан с выбором индивида стратегии поведения. Было выделено три адаптационных стратегии: активная (характеризуется личностным ростом и развитием через расширение и повышение уровня поисковой, познавательной активности), пассивная (характеризуется спонтанностью, дезорганизацией, импульсивными, а не целенаправленными поисками выхода из ситуации конфликта) и активно-пассивная (с необходимостью объективная и эффективная для адаптационного процесса форма социальной податливости в конкретных жизненных ситуациях: начальный этап социализации, чрезвычайные ситуации и т.п.).

Пассивная стратегия совладения с трудными жизненными ситуациями также проявляется в двух основных формах. Первая связана с простым приспособлением, конформным поведением индивида, при котором он отказывается от отстаивания и защиты своих интересов и целей, идет на уступки социальной среде, обстоятельствам. Другая форма пассивной стратегии - уход или избегание ситуации конфликта. В результате выбора пассивной стратегии

адаптации наблюдается отсутствие прибавки социального опыта, остановка в развитии, личностный или общественный регресс.

Диалектика адаптационных стратегий такова, что при разных адаптивных траекториях может быть получен одинаково положительный адаптивный результат. Именно поэтому говорить о качестве результата адаптации невозможно без дополнительных сведений о том, какими внутренними ментальными процессами сопровождался выбор той или иной стратегии. Важно понять какие смыслы субъект вкладывает в свое адаптивное взаимодействие с социумом на каждом этапе приспособления и обособления от него, и какие из этих смыслов имеют первостепенное значение для его успешной адаптации. Именно эти оценки (мнения, суждения) в конечном итоге позволят спрогнозировать, уточнить и понять стратегии социальной адаптации, и, наоборот, рефлексия стратегий социальной адаптации позволит судить о внутренних характеристиках субъекта.

В работе был рассмотрен процесс социализации личности, сопричастный процессу социальной адаптации.

Под социализацией в работе понимается процесс диалектического взаимодействия личности и социальной среды, результатом которого является развитие и становление человека как объекта и субъекта общественных отношений посредством выработки социально-необходимых знаний, умений, качеств для выполнения социальных функций, ролей и взаимодействий в этом обществе. Социальная адаптация по отношению к процессу социализации выступает как ее метод, способ, благодаря которому формируются те необходимые качества и свойства человека, которые нужны для его становления и самостановления в обществе.

Роль социальной адаптации в процессе социализации личности заключается в постепенной субъективации личности, его отрыве, некоторой дистанцированности от общества. Это становится возможным благодаря тому опыту, который получает человек, разрешая противоречия с социальной средой.

Именно этот опыт позволит ему научиться самостоятельно удовлетворять большинство своих потребностей и стать самодостаточной личностью.

В качестве наиболее значимых направлений социализации и социальной адаптации были выделены два: информационное и социо-культурное. Они же определяют соответствующие подходы в изучении данных процессов, а также детализируют и уточняют основное противоречие социализации личности: между процессами присвоения социального опыта и его объективацией и процессом субъективации, индивидуализации человека, становлением его уникальности и неповторимости как личности.

Анализируя основные проблемы современной социализации по информационной линии, автор выделила несколько основных противоречий:

1. противоречие между быстротой происходящих в мире процессов и «медлительностью» общественного и индивидуального сознания;
2. противоречие между объемом, получаемой человеком информацией и ее качеством;
3. противоречие между множеством Социокультурных ценностей, декларируемых разными сообществами и стремлением людей к единоначалию;
4. противоречие между линиями влияния традиционных институтов социализации и виртуальных институтов;
5. противоречие между обобществлением процессов жизнедеятельности и стремлением человека к субъективизации;
6. противоречие между потребностью человека в адаптивно-ценной информации и недостаточно развитыми каналами, которые бы такую информацию предоставляли и т. п.

Разрешая данные противоречия, индивид приобретает актуальные сегодняшнему дню навыки и свойства, позволяющие ему становиться полноценным членом общества: гибкость мышления, способность к отбору и анализу нужной информации, способность к выработке единой системы ценностных координат, стремление самореализовать себя в «реальном», а не

виртуальном обществе, целеустремленность к раскрытию своих сущностных сил и особенностей.

Социокультурный подход к социализации и социальной адаптации, соответственно, раскрывает свое значение, преимущественно, в аксиологическом аспекте, поскольку именно ценности выступают одной из базовых составляющих исследований отношений между личностью и обществом.

Культурный подход обусловил появление в адаптационной теории соответствующего понятия – социокультурной адаптации. Этот термин определяется нами как отношение двух и более различных культур в лице их представителей, направленное на разрешение между ними противоречия, связанного со столкновением разных культурных норм, результатом которого является выработка новой культурной нормы - общей для конфликтующих сторон. Основным механизмом выработки данной общей нормы является формирование толерантности как разновидности адаптивного отношения, осуществляющееся на основе осознания субъектами этого отношения полноправности и полноценности существования других людей, не смотря на их физические, психологические, социальные различия.

В свою очередь, формирование и воспитание толерантности в социуме – задача социализационных институтов, которая может быть решена через такой способ формирования «общей» для взаимодействующих культур нормы, где пропорционально друг другу и в равных «долях» экстраполированы нормы настоящего, прошлого и будущего. Этот вывод был сделан на основании соотнесения различных культур к соответствующим временным векторам, т.е. их дифференциацию по ориентированности на прошлое, настоящее и будущее.

В качестве наглядного примера можно продемонстрировать адаптационный процесс (в том числе и Социокультурный адаптационный процесс), содержанием которого и является конфликт культур взаимодействующих субъектов. Мы сможем управлять процессом разрешения данного противоречия, если методологически применим предложенный структурно-темпоральный подход. То

есть, будем рассматривать адаптационный процесс как цикл, имеющий соответствующие временные этапы (активизационный, поисковый, результативный соответственно), на каждом из которых адаптирующиеся субъекты проявляют свои особенности, выражая оценки происходящей ситуации. Эти особенности и оценки формируются по трем аспектам: когнитивному, эмоциональному, собственно деятельностному. Прогнозировать исход адаптации можно из сопоставления данных особенностей и сделанных на основании их анализа выводов с критериями адаптированности: когнитивным, аксиокультурным, коммуникативным и поведенческим, а также с идеальной моделью качеств успешно адаптированного человека (целеустремленность, самоактуализация, ответственность, чувство собственного достоинства).

С помощью определенного комплекса методик можно получить количественные параметры всех составляющих-модусов адаптивного цикла: адаптивности, адаптивных стратегий, адаптированности, которые соответствуют соответствующим временным периодам настоящего, прошлого и будущего в разрешении индивидом противоречия.

Таким образом, применяя разработанный структурно-темпоральный подход, мы можем управлять процессом адаптации человека, группы лиц, отдельного общества. Для этого необходимо системно исследовать социальный адаптационный процесс поэтапно, выявляя степень развития противоречия через внутренние оценки индивида. Если мы «поймем» как индивид разрешает противоречие, как строятся его взаимоотношения с социальной средой, мы «поймем» траекторию его социализации, его развития и саморазвития, благодаря чему можно будет точно корректировать, направлять, совершенствовать линию его жизнедеятельности, его траекторию становления как субъекта деятельности, общения, самосознания.

Намечены основные перспективы развития настоящего исследования: 1. Одно из направлений дальнейших исследований может быть связано со следующим тезисом: Цель социальной адаптации, очевидна – достижение такого

состояния, при котором все субъекты адаптации максимально «удовлетворены» исходом разрешимого противоречия. Цель адаптации личности – это ее «выигрыш» перед обществом. Здесь принципиально важно слово «выигрыш», а не «победа». Идеальный результат адаптации – не достижение желаемого результата-победы (адаптированности). Идеальный результат адаптации – это выбор стратегии разрешения противоречия, при которой затраты и потери индивида обязательно меньше, нежели приобретенные преимущества. Именно поэтому истинная адаптированность всегда имеет статус «выигрыша», а не победы.

2. Есть ситуации, когда субъект адаптации уверен, что у него нет выбора, и исход ситуации однозначно будет неудовлетворительным. Изменять свое отношение ко всей данной ситуации в целом – задача довольно трудная, требующая иногда колоссальных душевных, умственных затрат и силы воли. Гораздо проще, на наш взгляд, изменить мотивацию, по которой необходимо совершить это строго определенное действие, «подогнав» ее под свои собственные цели, потребности, способности. Например, «я не хочу ходить в институт, но у меня нет выбора». Да, выбора действительно может не быть, но есть множество вариантов «почему» можно будет ходить в институт: «чтобы пообщаться и познакомиться с новыми людьми», «чтобы сбросить лишние калории во время пешей прогулки до института», «чтобы выступить в студенческом КВН и т.п». Иными словами, адаптивный исход найти легче, если пробовать найти нужную, соответствующую потребностям, мотивацию к решению проблемы.

3. Мы постоянно говорим о социальной адаптации личности, которая предполагает ее соответствующее взаимодействие с социумом. А может ли социум быть субъектом адаптации? Безусловно, по отношению к макро-социуму. А по отношению к личности? Да, если эта личность – «революционер», обладающая необходимыми и достаточными ресурсами, для того чтобы осуществить влияние на этот социум. Тогда во всех остальных случаях социум не

является субъектом адаптации. Как тогда быть с определением социальной адаптации, которое экстраполирует взаимодействие личности с социумом? Взаимодействие всегда предполагает обоюдную реакцию, другое дело, что сила активности действующих сторон может быть разной. Но тогда во всех остальных случаях, за исключением случая с личностью - «революционером», мы имеем дело с «не адаптацией», поскольку активность социума ничтожна мала. Социум лишь дает «возможности» личности для адаптации. В большинстве случаев противоречие, являющееся стержнем адаптационного процесса, существует, прежде всего, для личности. Вряд ли мы можем говорить даже в переносном смысле о том, что «социум находится в состоянии разрешения проблемы, связанной, например, с не поступлением абитуриента в вуз». Практически - это проблема личности, но не социума. Но она легко может перерасти социальную проблему, если количество не поступивших перерастет в качество, однако единичные случаи адаптации личности не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на социум, а потому можно говорить об адаптации только как одностороннем процессе. К чему (кому?) тогда адаптируется личность? Что она меняет? Прежде всего, саму себя. Она меняет и социум, но эти единичные изменения невидимы. Возможно для каждого конкретного случая, когда последствия адаптации существенны только для личности, а «активность» и изменения социума в адаптационном процессе минимальны, следует ввести специальное понятие, отдельный вид социальной адаптации, например, персональная адаптация. Возможно даже, что ее изучение требует разработки отдельного подхода к социальной адаптации.

4. Затронув три фундаментальных научных подхода к социальной адаптации: аксио-культурный, информационный, собственно деятельностный (все они являются аспектами деятельностного подхода), мы обозначили соответствующие критерии успешной адаптации, но мало говорили о факторах, препятствующих этому успеху. Основные из этих факторов относятся, по нашему мнению, к культурно-нормативной стороне бытия социума, они лежат в

плоскости ценностно-смысловых взаимоотношений людей, морали, нравственности, этике. Эти термины являются ключевыми регуляторами человеческой жизнедеятельности, но они же (при определенных условиях и при длительном эксплуатировании) несут и отрицательное влияние. В работе уже упоминалось о том, что существующие в обществе стереотипы – это диалектическое явление, с одной стороны, они делают жизнь удобной, простой, понятной, поскольку стереотип – это определенный шаблон мыслей и поведения, которым следует большинство. С другой стороны, стереотипы мешают личностному становлению, развитию субъективной индивидуальности, раскрытию индивидуальных способностей личности, что является кульминацией и всего жизненного пути в целом, и адаптационного процесса, в частности. На наш взгляд, стереотипы, равно как и мифы, существующие в обществе – самое опасное общественное явление, загоняющее человека в рамки. Эта клетка-рамка мешает мыслить масштабно, широко и нестандартно, не позволяет выходить за границы принятого в обществе шаблона, тем самым значительно сужая возможности адаптации. Этические нормы, существующие в обществе – это те же стереотипы, которые позволяют регулировать человеческое поведение. Диалектика в том, что с одной стороны, они жизненно необходимы, с другой – иногда мешают эффективному адаптационному процессу. Мы не ведем речь о нарушениях, деструктивность которых очевидна. Речь идет о «конах» - не писанных нормах. Возможно, «мега-задача» и «мега-смысл» социальной адаптации заключается в поиске того оптимума, который поможет не только найти эту соотносящую грань между соблюдением «конов» и их нарушением, но и «воспитывать ее» в человеке в процессе социализации.

5. Все атрибуты адаптационного процесса (адаптивные ресурсы, адаптивные стратегии, собственно адаптированность - понятия относительные. Однако, нам представляется, что есть некая определенность, которая будет обозначать нечто большее, чем то, что опосредуется выделенными выше критериями, ситуативными ли факторами или внешними объективными

обстоятельствами и требованиями среды. Именно поиску этой определенности будут посвящены дальнейшие научные изыскания автора настоящей работы по все тому же принципу: «Измерить все, что поддается измерению, а что не поддается – сделать измеряемым». Казалось бы, и инструмент измерения найден, но чувствуется некая незавершенность, особенно в выведенном понятии адаптированности. Хочется достичь математической точности в понимании данного термина, хотя есть осознание того, что это невозможно. Тем не менее, автор намерена приближаться к уточнению смысла данного понятия, как ученый математик стремится постичь понятие бесконечности. Первые шаги в данном направлении будут сделаны, скорее всего, в следующем плане.

Поскольку миссия социальной адаптации – это становление человека как субъекта собственной деятельности, общения, самосознания во всем его своеобразии и неповторимости, постольку же смысл адаптированности должен быть максимально приближен к данному постулату. Здесь же на наш взгляд, чрезвычайно важно сместить акценты в сторону целеполагания субъекта адаптации. На самом деле абсолютная ценность адаптации может определяться только в контексте цели, которую индивид ставит перед собой. Если результат адаптации соответствует цели, то он положительный, если нет – то, соответственно, наоборот. Такая позиция как раз нивелирует значимость общественных норм, и заключает смысл адаптированности в узкие рамки субъективности. Но возможно понятие социальной адаптации и есть исключительно субъективное понятие?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Абеляр, П. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином: [Электронный ресурс] / П. Абеляр - Библиотека Института философии Российской Академии Наук. - Режим доступа: URL: [<http://www.philosophy.ru/library/catalog.html>] (дата обращения 14.04.2015).
2. Абенников С. В. Абрахам Маслоу: жизнь и творчество / С. В. Абенников // Наука в высшей школе. - 2011. - № 14. - С. 127-131.
3. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская - М.: Мысль, 1991. – 299 с.
4. Абульханова-Славская, К. А., Время личности и время жизни / К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина. - СПб.: Алетейя, 2001. — 304 с.
5. Августин, А. Исповедь / А. Августин / Пер. с лат. М. Е. Сергеевко. Вступит. статья А. А. Столярова.— М.: «Ренессанс», СП ИВО — Сид, 1991.— 488 с.
6. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира / А. Н. Аверьянов. - М., 1985 – 395 с.
7. Агаджанян, Н. А. Учение о здоровье и проблемы адаптации / Н. А. Агаджанян, Р. М. Баевский, А. А. Берсенева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – 204 с.
8. «Акт о патриотизме США не соответствует конституции»: [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: [<http://newsland.com/news/detail/id/94653>] (дата обращения 13.04.2015)
9. Алексеев, Н. А. Личностно-ориентированное обучение в школе / Н. А. Алексеев – Ростов н / Д: Феникс, 2006.-332 с.
10. Александровский, Ю. А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация (пограничные нервно-психические расстройства) / Ю. А. Александровский. – М., 1976. – 272 с.
11. Аллен, Д. Как привести дела в порядок. Искусство продуктивности без стресса / Д. Аллен .— М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.— 368 с.
12. Алпатова, К. А О специфике определения понятия «социализация в социальной философии / К. А Алпатова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. - 2009. - №2. - С. 5-12.

- 13.Аминов, И. Г. История статистики самоубийств в дореволюционную и советскую эпохи: [Электронный ресурс] / И. Г. Аминов. - Режим доступа: URL: [http://vestnik.mednet.ru/content/view/667/27/lang,ru] (дата обращения 24.06.2015 г.)
- 14.Анашкин, Ю. И. Система управления адаптацией студентов-первокурсников / Ю. И. Анашкин // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2013. - №3(100). - С. 263-271.
- 15.Андреева, Г. М. Содержание и эффекты межличностного восприятия / Г. М. Андреева // Социальная психология. Третье издание. - М.: Наука, 1994.
- 16.Андреевкова, Н. В. Проблемы социализации личности. Социальные исследования / Н. В. Андреевкова. – М.: Наука, 1970. – 303с.
- 17.Анохина, О. В. Механизмы социокультурной адаптации современной молодежи / О. В. Анохина // Вестник Омской юридической академии. - 2011. - № 14. - С. 127-131.
- 18.Ануфриев, А. Ф. Психологический диагноз: [Электронный ресурс] / А. Ф. Ануфриев. - Режим доступа: URL: [http://studopedia.ru/3_158555_anufriev-af-psihologicheskiiy-diagnoz--m-os--.html] (дата обращения 15.02.2015)
- 19.Анцупов, А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, [А. И. Шипилов](#). – СПб.: Питер, 2006. – 312 с.
- 20.Анцыферова, Л. И. Способность личности к преодолению деформаций своего развития / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. - 1999. – Т.20. - №1. С. 6-19.
- 21.Арашин, С. Н. Образование как важнейший механизм для поддержания способности пожилых людей к социальной адаптации и интеграции / С. Н. Арашин, А. С. Арашина // Теория и практика современной науки. - 2015. - №5 (5). - С. 37-40.
- 22.Артеменков, А. А. Психофизиологическая дезадаптация человека: теоретические аспекты / А. А. Артеменков // Теория и практика физической культуры. - 2012. - № 2. - С. 9-13.
- 23.Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В.И. Аршинов — М., 1999.

24. Асеев, В. Г. Теоретические аспекты проблемы адаптации / В. Г. Асеев // Адаптация учащейся молодежи к трудовой и учебной деятельности. – Иркутск, 1986. – С. 3-17.
25. Асмус, В. Ф. Иммануил Кант / В. Ф. Асмус — М.: Высшая школа, 2005. — 439 с.
26. Барулин, В. С. Проблемы методологии исследования общества как целостной системы / В. С. Барулин. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1988. – 205 с.
27. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход: Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ./ Г. С. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 671 с.
28. Бектурова, А. Ш. К проблеме информатизации общества в XXI ВЕКЕ / в сборнике: Менеджмент качества: поиск и решения: Материалы международной научно-практической конференции. - 2013. - С. 176-181.
29. Бекхерст, Д. Философия деятельности / Д. Бекхерст // Вопросы философии. – 1996. – №5. – С.72-75.
30. Белозуб, Г. Как действовать в кризисной ситуации // Моя семья. - №50, декабрь 2012 года.
31. Белый, М. К вопросу о гибкости организаций органического типа // М. Белый, В. Приходько // Проблемы теории и практики управления. - 1998. - № 4. - С. 79-82.
32. Бельский, А.И., Личность террориста / А. И. Бельский, Л. Н. Бочарникова / В сборнике: «Актуальные проблемы противодействия терроризму»: Материалы международной научно-практической конференции. - РИО БелЮИ МВД России, 2011. - С. 205-210.
33. Беляев, И. А. Адаптация как форма становления индивидуальной целостности человека / И. А. Беляев // Вестник ОГУ. - №2 (108)/февраль, 2010. - С. 4-10.
34. Бергсон, А. Воспоминания прошлого / А. Бергсон // Творческая эволюция. Материя и память / пер.с франц. – Минск: Харвест, 1999. – С. 1005-1049.
35. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М.: «АСТ», Харьков: «Фолио», 2003. -с. 213.
36. Бережная, К. С. Инклюзивное и интегрированное обучение детей как современная тенденция модернизации образования / К. С. Бережная / в сборнике: «Молодежь в

науке: новые аргументы»: Материалы научных работ I-го Международного конкурса (Россия, г. Липецк, 06 октября 2014 г.). - Часть III. Отв. редактор А. В. Горбенко. - Липецк, 2014. - С. 34-36.

37. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Ленинград: Наука, 1988. – 260 с.
38. Берн, Э. Игры, в которые играют люди... Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – СПб., 1995. – 112 с.
39. Бернар, К. Лекции по экспериментальной патологии / К. Бернар. – М.-Л.: Наука, 1964. – 402 с.
40. Бетюцкая, Е. В. Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций как фактор совладающего поведения / Е. В. Бетюцкая: [Электронный ресурс] / Е. В. Бетюцкая. - Режим доступа: URL: [<http://www.sudexp.org/publ/21-1-0-16652016>] (дата обращения 20.01.2016)
41. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, И. В. Юдин. - М., 1973. – 567 с.
42. Бобошко, Н. Н. Социальная адаптация школьника / Н. Н. Бобошко // Новая наука: опыт, традиции, инновации, 2016. - № 6-2(89). - С. 48-50.
43. Бовина, И. Б., Представления о суициде в молодежной среде / И. Б. Бовина, Г. С. Банников, О. В. Вихристюк, Н. В. Дворянчиков, И. Н. Коноплева // Юридическая психология - 2013. - № 1. - С. 14-17.
44. Богданов, Е. Н. Специфика социально-психологической адаптации студентов в системе негосударственного образования / Е. Н. Богданов // Прикладная юридическая психология. - 2009. - № 3. - С. 29–36.
45. Бондырева, С. Толерантность (введение в проблему) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М.: Изд.-во МПСИ; Воронеж: Изд.-во НПО МОДЭК, 2011. – 240 с.
46. Бруно, Д. Изгнание торжествующего зверя. О причине, начале и едином (Классическая философская мысль) / Д. Бруно - Мн.: Харвест, 1999.- 480 с.
47. Брушлинский, А. В. «Проблемы психологии субъекта» / А. В. Брушлинский. - М., 1994 г. – 876 с.

48. Бурханова, С. В., Кром И. Л. Девиантное поведение подростков как проблема социальной адаптации / С. В. Бурханова, И. Л. Кром // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). - 2010. - № 2. - С. 107-108.
49. Бусловская, Л. К. Адаптация студентов и школьников к учебным нагрузкам / Л. К. Бусловская // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 1 – С. 38-38
50. Васильева, Т. В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. (Серия «Из истории мировой культуры») / Т. В. Васильева. — М.: Наука, 1985. — 161 с.
51. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова — СПб.: Лань, 1999. — ISBN 5-8114-0056-X.
52. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер / под ред. Ю. Давыдова. – М.: Наука, 1990. – 346 с.
53. Верещагин, В. Ю. Философские проблемы теории адаптации человека / В. Ю. Верещагин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. – 164 с.
54. Вернадский, В. Несколько слов о ноосфере: [Электронный ресурс] / В. И. Вернадский. - Режим доступа: URL: [<http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.html>] (дата обращения 12.02.2016)
55. Винер, Д. Р. Культ Вернадского и ноосфера / Винер Д. Р.— СПб., 2000.— С.645-646.
56. Воеводин, И. В. Копинг-поведение при аддиктивных состояниях: относительность критериев адаптивности / И. В. Воеводин // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева. – 2004. – Т. 01. – №4. – С. 32-37
57. Волгин, В. П. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. / В. П. Волгин— М.: Наука, 1976. — 420 с.

58. Волков, В. В. О концепции практик в социальных науках / В. В. Волков // Социологические чтения: Сб. материалов ежегод. метод. семинара / Отв. Ред. Е. Н. Данилова. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 27-50.
59. Волконогов, Д. А. Триумф и трагедия / Д. А. Волконогов. – М.: Изд-во АПН, 1989. – 498 с.
60. Воложин, А. И., Субботин Ю. К. Болезнь и здоровье: две стороны приспособления / А. И. Воложин, Ю. К. Субботин. – М.: Медицина, 1998. – 215 с.
61. Воронов М. В. О проблеме социальной адаптации общества / В сборнике Адаптация и саморегуляция личности: Материалы III Международной научно-практической конференции / Научный редактор В. И. Казаренков. – 2010. – С. 32-37
62. Вострокнутов, Н. В. Школьная дезадаптация: ключевые проблемы диагностики и реабилитации // Школьная дезадаптация. Эмоциональные и стрессовые расстройства у детей и подростков. – М., 1995. – С. 8-11.
63. Вязникова, Л. Ф. Профессиональная переподготовка руководителей образования как жизненное событие / Л. Ф. Вязникова / в сб. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – с. 427-437.
64. Гавров, С. Н., Образование в процессе социализации личности / С. Н. Гавров, Н. Д. Никандров // Вестник УРАО. — 2008. — № 5. — С. 21—29.
65. Гайдар, Е. Т. Гибель империи: уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 448 с.
66. Гарасюк, И. А. Управление процессами социализации в условиях информатизации российского общества: дис. на соискание ученой степени кандидата социологических наук / И. А. Гарасюк. - Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. - Москва, 2003 – 154 с.

67. Гегель, Г. Сочинения: [Электронный ресурс] / Г. Гегель - Режим доступа: [<http://library.by/shpargalka/belarus/philisophy/001/phi-002.htm>] (дата обращения 13.07.2015)
68. Гегель, Г. Работы разных лет / Г. Гегель / Перев. И. Г. Арзаканьяна и А. В. Михайлова – М.: Мысль, 1971. – 316 с.
69. Гвишиани, Д. М. Техника, общество, человек (критика буржуазных концепций «философии техники») / Д. М. Гвишиани, Митин М. Б. и др. - М.: Знание, 1981. – 631 с.
70. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский.— СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.— 518 с.
71. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984.
72. Горбачев, А. Тайм-менеджмент в два счета / А. Горбачев. — С-Пб.: "Питер", 2009. — 256 с.
73. Греческая философия: в 2 т. / под ред. М. Канто-Спербер. - М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006—2008. - 485 с.
74. Гринченко, С. Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры) / С. Н. Гринченко. – М.: ИПИРАН, Мир, 2004. – 512 с.
75. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – СПб: Питер, 2004 г. – 485 с.
76. Грозданович, Д. Искусство почти ничего не делать / Д. Грозданович / Пер. с фр. О. Чураковой. — М.: Текст, 2013. — 288 с.
77. Гусаева, К. Г. Толерантность: специфика проявления в современном обществе / К. Г. Гусаева, Н.М. Вагабова. – Махачкала, 2006. – 663 с.
78. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль / Перевод с нем. и предисловие В. И. Молчанова. - М.: Издательство «Гнозис», РИГ «ЛОГОС», 1994. — 177 с.

79. Дарвин, Ч. Сочинения / Ч. Дарвин / пер. С. Л. Соболя под ред. акад. В. Н. Сукачева. — М: Изд. АН СССР, 1959. — Т. 9. — 745 с.
80. Дегтярева, О.Н. Адаптация и устойчивость к стресс-факторам / О. Н. Дегтярева // Труды Кубанского государственного аграрного университета. - 2012. - №38. - С. 126-129.
81. Дементий, Л. И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения / Л. И. Дементий // Журнал прикладной психологии. - 2004. - № 3. - С. 20-25.
82. Демидова, Н. И. Профессиональная адаптированность – критерий эффективности образования / Н. И. Демидова // Вестник Башкирского университета. - 2009. - Т. 14. - № 3. - С. 918-920.
83. Диалектика и системный анализ /под ред. Д. М. Гвишиани. - М.: - “Наука”, 1986. - 336 с.
84. Диалектическое противоречие.— М., 1979.— 343 с.
85. Дикая, Л. Г. Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований / Л. Г. Дикая / Отв. Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – с.17-42.
86. Джумагулова, А. Ф. Особенности профессиональной мотивации молодых специалистов (на примере работников металлургических предприятий): Автореферат на соиск. ученой степени кандидата псих. наук / А. Ф. Джамагулова. - СПб., 2010 – 34 с.
87. Добраев, В. Л. Организационное поведение / В. Л. Долбаев. - М.: ЭКМОС, 2002. - 320 с.
88. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита / Е. Л. Доценко. - М., 2006. – 490 с.
89. Дылгерова, Н. Ю. Исследование социокультурной адаптации трудовых мигрантов из Украины в Бурятию / Н. Ю. Дылгерова // Вестник науки и образования Северо-Запада России. - 2015. - Т.1. -№4. - С. 231-235.

90. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. - М., 1994. – 642 с.
91. Евсеенков, А. Г. Концептуальные подходы к исследованию социальной адаптации / А. Г. Евсеенков // Социально-гуманитарные знания. - 2015. - №8. - С. 229-237.
92. Жилин, А. Ю. Метаморфозы социализации современного человека / А. Ю. Жилин, В. А. Жилина // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - №19 (374). - С. 88-91.
93. Жмыриков, А. Н. Диагностика социально-психологической адаптированности личности в новых условиях деятельности и общения: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Жмыриков Александр Николаевич. – Л., 1989. – 192 с.
94. Журавлев, А. Л. Феномены самоопределения личности и группы в экономической среде / А. Л. Журавлев / Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – с.129-149.
95. Заваденко, Н. Н. Клинико-психологическое исследование школьной дезадаптации: ее основные причины и подходы к диагностике / Н. Н. Заваденко // Неврологический журнал. – 1998. - №6.
96. Завалишина, Д. Н. Динамический аспект профессиональной адаптации \ Д. Н. завалишина / Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – с.353-368.
97. Загладин, В. В. Глобальные проблемы современности. Научный и социальный аспекты / В. В. Загладин, И. Т. Фролов. - М.: Международные отношения. – 2013 – 532 с.
98. Закон 273-ФЗ «Об образовании в РФ «2016 новый 273-ФЗ.рф»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013/>]

99. Зарубин, А. Г. Социальное время и особенности изменения его свойств в периоды общественно-политических кризисов / А. Г. Зарубин // Вестник Ростовский гос. экономической академии.— 2000.— №2 (12).
100. Зимбули, А. Е. Почему терпимость и какая терпимость? / А. Е. Зимбули // Вестник. – С-Петербургского университета, Сер. б. – 1996. – С. 22 – 28.
101. Зименкова, Н. Н. Социокультурная адаптация иностранных студентов в России: междисциплинарный подход / Н. Н. Зименкова // Новое в психолого-педагогических исследованиях. - 2010. - №2. - С. 20-25.
102. Зиновьев, А. А. Кризис коммунизма / А. А. Зиновьев.- М.:Центполиграф, 1994.- 312 с.
103. Змановская, Е. В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения) / Е. В. Змановская. – М.: Академия, 2003. – 312 с.
104. Зубов, В. П. Галилей и борьба за новую систему мира / В.П. Зубов // Философский журнал.— 2008.—№ 2. – с. 34-47.
105. Зубов, В. П. К вопросу о математическом атомизме Демокрита / В. П. Зубов // Вестник древней истории. — 1951. — № 4. — С. 204—208.
106. Зубок, Ю. А. Конфликты / Ю.А. Зубок // Знание. Понимание. Умение.— 2005.—№ 2.—С. 179—182.
107. Иваненко, А. А. Социальное противоречие и фактор темпоральности: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Иваненко Александр Анатольевич; - Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т.- Таганрог, 2008.- 167 с.
108. Ивашура, В. Проблема смысла жизни человека: [Электронный ресурс] / В. Ивашура - Режим доступа: [<http://fb.ru/article/145554/smyisl-jizni-cheloveka-v-chem-smyisl-jizni-cheloveka-problema-smyisla-jizni-cheloveka>] дата обращения 20.05.2016)
109. Ильенков, Э. В.: Личность и творчество / под ред. В. А. Лекторского. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 261 с.
110. Ильенков, Э. В. Что такое личность? / в кн.: Психология личности. Тексты / Э. В. Ильенков. – М.: МГУ, 1982. – 523 с.

111. Ильин, В. И. Общество потребления как форма капиталистического развития / В.И. Ильин // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008 – 521 с.
112. Ишмаматьева, Е. Г. Факторы, влияющие на адаптацию студентов-первокурсников в университете / Е. Г. Ишмаматьева / В сборнике: «Научные преобразования в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно-практической конференции. - 2016. - С. 75-77.
113. Кабейн, О. Ф. Харизма: Как влиять, убеждать и вдохновлять / О. Ф. Кабейн—М.:Альпина Паблишер, 2013.— 307 с.
114. Каган, М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М.: Мысль, 1974. – 276 с.
115. Кант, И. К вечному миру / И. Кант. - М., 1989.
116. Кант, И. Сочинения. В 6 т. / И. Кант / Вступит. статьи Т. И. Ойзермана, А. В. Гулыги, В. Ф. Асмуса. – М., 1963-1966.
117. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант / Вступит. статья А.В. Гулыги. – М., 1980.
118. Капица, С. И. Формирование механизмов управления социальной адаптацией трудоспособного населения к изменениям современного российского рынка труда: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / С. И. Капица. - Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет. - Санкт-Петербург, 2010.
119. Катасонов, В. Банки-убийцы и кредитные самоубийства [Электронный ресурс] / В. Катасонов. - Режим доступа: [http://communitarian.ru/publikacii/finansi/banki-ubiycy_i_kreditnye_samoubiystva/] (дата обращения 25.12.2015)
120. Кафтан, В. В. Философские аспекты институционализации террорологии в России /В. В. Кафтан // Социология образования. – 2007. №3. – 23-45.

121. Кветной, М. С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы / М.С. Кветной. – Саратов: Просвещение, 1974. – 214 с.
122. Кемеров, В. Е. Предметная деятельность — принцип развития общественных отношений / В. Е.Кемеров // Философия. Люди. Жизнь. – Екатеринбург: Академический проект, 1997. – 251 с.
123. Кеосиди, И. И. Международные экономические отношения в условиях глобализации / И. И. Кеосиди, О. И. Захарова / Научные труды Кубанского государственного технологического университета. - 2015. - № 9. - С. 217-228.
124. Ковалев, А. Г. Личность воспитывает себя» / А. Г. Ковалев. – М.: Политиздат, 1983. – 395 с.
125. Ковалева, А. И., Луков В. А. Социализация: социально-философский, социологический и социально-психологический аспекты понимания / А. И. Ковалева, В. А. Луков // Философия и культура. - 2012. - №3. - С. 27-35.
126. Колесник, О. Философско-образовательная методология исследования сетевой парадигмы УПР : [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [<http://lib.ua-ru.net/diss/cont/302207.html>] (дата обращения 12.12.2014)
127. Команды в чате. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [<http://www.skaiп.su/komandy-v-chate-skaiп>] (дата обращения 08.04.2016)
128. Кон, И. С. Личность как субъект общественных отношений / И. С. Кон. — М.: Знание, 1996. —147 с.
129. Концепция модернизации российского образования на период до 2020 года: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [<http://rpp.nashaucება.ru/docs/index-12590.html>] (дата обращения 01.02.2016)
130. Корель, Л. В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс. / Л.В.Корель // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 169-185.
131. Короленко, Ц. П. Психофизиология человека в экстремальных условиях / Ц. П. Короленко. – Л., 1978. – 271 с.

132. Коростелев, А. А. Повышение результативности целеполагания в управленческой деятельности руководителей школ на основе стратиграфии образовательных целей /А. А. Коростелев // Известия Самарского научного центра РАН. «Технологии управления организацией. Качество продукции и услуг». – 2006. - Выпуск 2 - С. 26-30..
133. Кохановский, В. П. Философия. Высшее образование / В. П. Кохановский. - Ростов – на – Дону: «Феникс», 2003 г. – 613 с.
134. Кременко, М. З. К Проблеме информатизации общества в XXI веке / М. З. Кременко // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2006. -№ 1. - С. 235-237.
135. Кудряцов, В. Н. Социальные отклонения: Введение в общую теорию. / В. Н. Кудряцов. — М.:Юридическая литература, 1984. – 320 с.
136. Кузанский, Н. Сочинения в 2-х т. Т.2. / Н. Кузанский. - М.: Мысль, 1980. - 471 с. - (Филос. наследие). - С.343-433.
137. Кузнецов, П. С. Уровни социальной адаптации / П. С. Кузнецов // Материалы пятых саратовских чтений. – Саратов: Саратовский пед. инст-т, 2012. С. 17-19.
138. Кузнецов, А. П. [Информатизация общества как социально-педагогическая проблема](#) / А. П. Кузнецов, М. А. Чернова // [Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения](#). - 2012. -№ 25-1. - С. 174-178.
139. Кузык, Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец —М.: Институт экономических стратегий, 2006.— Т.1: Теория и история цивилизаций.— 768с.
140. Кулакова, А. А Проблема социализации личности в современном обществе / А. А. Кулакова // Ежегодник «Виттевские чтения». - 2012. - № 1. - С. 448-450.
141. Кули, Ч. Социальная самость / Ч.Кули; под ред. В. И. Добренькова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 358 с.

142. Культура Японии: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://www.school.websib.ru/202/sapporo/pages/culture.htm] (дата обращения 02.03.2016).
143. Куницына, В. Н. Межличностное общение. / Электронный ресурс. / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. - [Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/169484/>] (дата обращения 12.02.2016)
144. Купрене, Е. В. Современное состояние и методы копинг-стратегий в психологии / Е. В. Купрене // Среднее профессиональное образование. - 2011. - № 5. - С. 69-71.
145. Лапшин, В. Е. Аутодеструктивное поведение подростков: причины, приводящие к суициду / В. Е. Лапшин // Вестник Владимирского юридического института. - 2008.- №1. - С. 172-173.
146. Лапшина, Е. Л. Лень в представлениях обыденного сознания / Е. Л. Лапшина, Е. Л. Михайлова // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. Л. А.Коростылёвой.— СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004.— Вып. 8.— С. 274—282.
147. Лакомова, А. А. Социокультурные факторы, влияющие на социальную адаптацию мигрантов в России / А. А. Лакомова // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. - 2015. -№3-2. - С. 122-125.
148. Ламарк, Ж. Б. Избранные произведения в двух томах: том 1 / под ред. И. М. Полякова и Н. И.Нуждина / Перевод А. В.Юдиной. - М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. - Классики науки - 940 с.
149. Латчук, В. Н. Основы безопасности жизнедеятельности: терроризм и безопасность человека: учебно-методическое пособие / В. Н. Латчук, С.К. Миронов. - Москва, 2007. - Сер. Библиотека учителя. - 4-е изд. – 312 с.
150. Латыпова, С. В. Адаптация студентов-первокурсников / С. В. Латыпова / В сборнике: «Современное общество, образование и наука»: материалы Международной научно-практической конференции: в 9 частях. - 2014. - С. 85-88.

151. Лебедев, В. Ю. К вопросу о социальных стратегиях адаптивного поведения / В. Ю. Лебедев, А. В. Федоров // Годичные научные чтения филиала РГСУ в г. Клину. - 2014. - № 2 (12). - С. 150-164.
152. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. — М.: Академический проект, 2011. — 238 с.
153. Лекция Ермошкина А. И. - первого заместителя Председателя Совета Ассамблеи народов России. - Красноярск, 2015.
154. Леонтьев, Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Д. А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. - Вып. 1. / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2002. — С. 56-65.
155. Литвак, М. Е. Если хочешь быть счастливым: учеб.пособ. по психотерапии и психологии общения / М. Е. Литвак. — Ростов н/Д: Феникс, 2011. — 603 с.
156. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 567 с.
157. Литвиненко, Н. В. Типичные проблемы социально-психологической адаптации старших школьников / Н.В. Литвиненко // Социальная педагогика: диалог теории и практики: материалы Международной науч.-практ. конференции / Под ред. Т. А. Морозовой-Дорофеевой, Н. П. Кириленко, Т. Н. Черняевой. Саратов: Научная книга, 2006. - С. 88–91.
158. Лосев, А.Ф. Аристотель: Жизнь и смысл. (Серия «Люди. Время. Идеи») / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. - М.: Дет. лит., 1982. - 286 с.
159. Мадди, С. Теории личности. Сравнительный анализ / С. Мадди – СПб: Речь, 2002. – 539 с.
160. Мадуренко, А. А. Социальные и асоциальные факторы, сопутствующие суициду / А. А. Мазуренко // Студенческая наука XXI века. - 2016. - №1-2(8). - С. 22-23.

161. Маклаков, А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г.Маклаков // Психологический журнал (январь-февраль), 2001. – № 1. – С.16-24.
162. Мануйлов, А.А. Энгельс Фридрих // А. А. Мануйлов / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
163. Мардалиев, Р. Т. Правовые реформы Вудро Вильсона и его проект Лиги наций: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р.Т. Мардалиев. - СПб., 2001 - 177 с.
164. Маркс, К. Из ранних произведений. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Мысль, 1956. – 889 с.
165. Маркс, К. Немецкая идеология: Избр. соч.: В 9 т. Т.2. / Маркс К., Энгельс Ф. – М.: Мысль, 1985. – 597 с.
166. Маркс, К. Сочинения: в 50-ти т. Т.20. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Из-во политической литературы, 1961. – 825 с.
167. Маркс, К. Сочинения. / К. Маркс, Энгельс Ф. - т.20 - с .640
168. Маслоу, А. Мотивация и личность / А.Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 408 с.
169. Мельникова, Н. Н. Проблема изучения адаптивных свойств личности / Н. Н. Мельникова // Материалы конференции «Психическая и социально-психологическая адаптация: проблемы теории и практики. – Челябинск. – 2005. – С. 15-22.
170. Мелнингер, К. Война с самим собой: [Электронный ресурс] / К. Меннингер. - Режим доступа: [http://royallib.com/book/menninger_karl/voyna_s_samim_soboy.html] (дата обращения 29.03.2016).
171. Мид, Дж. Аз и Я / Дж. Мид; Под ред. В. И. Добренькова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 541 с.
172. Мид, Дж. Г. «Разум, Я и Общество» (отрывки из книги): [Электронный ресурс] / Дж. Г. Мид. - Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki] (дата обращения 12.04.2015)

173. Мид, Дж. Г. «Философия действий»: [Электронный ресурс] / Дж. Г. Мид. - Режим доступа: [<https://ru.wikipedia.org/wiki>] (дата обращения 13.06.2016).
174. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Дж. Г. Мид / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. Психологии / Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2009. — 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).
175. Милославова, И.А. Роль социальной адаптации / И. А. Милославова. – Л.: ЛГУ, 1984. – 284с.
176. Мирошник, А. Н. Проблемы и перспективы инкультурации мигрантов в современной России / А. Н. Мирошник // В мире научных открытий. - 2014. -№ 1.2 (49). - С. 896-910.
177. Михайлова, А. С. Социальная адаптация мигрантов как двусторонний процесс: социологический анализ / А. С. Михайлова // Казанский социально-гуманитарный вестник. - 2016. -№ 2. - С. 17-22.
178. Михайлова, О. Б. Адаптированность к профессиональной деятельности как условие реализации инновационного потенциала личности / О. Б. Михайлова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. - 2013. Т. 7. - №1. - С. 52-57.
179. Моисеев, Н. Н. Человек и биосфера / Н. Н. Моисеев. - М.: Юнисам, 1999. – 621 с.
180. Моисеев, Н. Н. Человек и ноосфера: [Электронный ресурс] / Н. Н. Моисеев - Режим доступа:http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/sinergetika/moiseev_n_n_chelovek_i_noosfera/55-1-0-2220 (дата обращения 10.12.2016).
181. Моросанова, В. И. Факторы позитивной адаптации мигрантов: анализ теоретических подходов / В. И. Моросанова, А. А.Нестерова, Т. Ф. Сулова // Психологический журнал. - 2015. - Т. 36. - № 5. - С. 104-116.
182. Момджян, К. Х. Социум. Общество. История / К. Х. Момджян. – М.: Наука, 1994. – 234 с.

183. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [<http://psyera.ru/4978/mnogourovnevyu-lichnostnyu-oprosnik>] (дата обращения 02.03.2015 г.)
184. Налчаджан, А. А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А. А. Налчаджян. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1988. – С. 322 с.
185. Нарский, И. С. Проблема противоречия в диалектической логике / И. С. Нарский. – М.: Мысль., 1981. – С. 56-57
186. Научные и организационные проблемы в суицидологии. - М., 1983.
187. Никандров, Н. Д. Россия: Социализация и воспитание на рубеже тысячелетий / Н. Д. Никандров. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – 229 с.
188. Никонов, В. В. Стресс: системный патофизиологический подход к лечению / В. В.Никонов. – Харьков: Консум. – 2002. – 240 с.
189. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Под редакцией В. С. Стёпина. - М.: Мысль, 2001. – 1323 с.
190. Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. – М., 1996. – 412 с.
191. Новое в законодательстве в сфере здравоохранения: [Электронный ресурс]. Режим доступа: [<http://www.rosminzdrav.ru/special/news/2015/06/03/2377-press-sekretar-minzdrava-rossii-oleg-salagay>] (дата обращения 15.07.2015).
192. «NBIC-технологии. Инновационная цивилизация XXI века» / под ред. А. К. Казанцева и др. - М., 2015. – 621 с.
193. Паатова, М. Э. Теоретико-методологический анализ социально-педагогических феноменов «девиантное поведение» и «делинкветное поведение» подростков / М. Э. Паатова, С. Н. Бегидова, Н. Х. Хакунов // Вестник Адыгейского государственного университета. - Серия 3: Педагогика и психология. - 2012.- № 1. - С. 96-104.

194. Павлов, И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных / И. П. Павлов. — М.: Наука, 1973. — 661 с.
195. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — М.: Академический проект, 2000. — 890 с.
196. Парсонс, Т. Очерк социальной системы / Т. Парсонс // О социальных системах. — М.: Академический проект, 2002. — 691 с.
197. Парыгин, Б. Д. Основы социально - психологической теории / Б. Д. Парыгин. — М.: Мысль, 1980. — 541 с.
198. Петровский, В. А. Психология неадаптированной активности / В. А. Петровский. — М.: Горбунок, 1992. — 213 с.
199. Петрушенко, Л. А. Самодвижение материн в свете кибернетики / Л. А. Петрушенко. — М.: Наука. 1971. — 157 с.
200. Поликультурная образовательная платформа TEMPUS ALLMEET: [Электронный ресурс]. Режим доступа: [<http://tempus-allmeet.ipps.sfu-kras.ru/index.php/ru/>] (дата обращения 05.08.2015 г.)
201. Попов, В. П. Глобальный эволюционизм и синергетика ноосферы / В. П. Попов, И. В. Крайнюченко. — Ростов – на- Дону: СКНЦВШ, 2003. — 334 с.
202. Постановление Правительства Красноярского края от 30 сентября 2014 г. N 442-П «Об утверждении государственной программы Красноярского края «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края» (с изменениями и дополнениями): [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [<http://base.garant.ru/29905623/>] (дата обращения 04.09.2014))
203. Психология развивающейся личности / Под ред. А. В. Петровского. — М.: Педагогика, 1987. — 240 с.
204. Разумовский, О. С. Адаптационизм и бихевиористика в контексте проблем эволюционизма / О. С. Разумовский // Полигнозис. — 2003. — №2. — С.44-60.
205. Райбекас, А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории: монография / А. Я. Райбекас. — Томск: Изд-во ТГУ, 1977. — 243 с.

206. Растова, Л. М. Социальная адаптация личности в коллективе: Автореф. дисс.канд. пед. наук: 13.00.01 / Растова Людмила Михайловна. – Томск, 1973. – 22 с.
207. Реан, А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб, изд-во: Прайм-Еврознак, 2006. – 479 с.
208. Роджерс, К. Р. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы / К. Р. Роджерс. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 464 с.
209. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. — 480 с.
210. Ромм, М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект / М. В. Ромм. – Новосибирск: Наука, 2002.—275 с.
211. Ромм, М. В. Социальная адаптация личности как объект философского анализа: Автореф. дис... доктора филос. наук: 09.00.11 / Ромм Марк Валерьевич. – Томск, 2003. – 48 с.
212. Ростовцева М. В. Философский смысл понятия «социальная адаптация» / М. В. Ростовцева, А. А. Машанов // Вестник КРАСГАУ, 2012. - №6. - С.288-293.
213. Ростовцева М. В. Adaptive society: problems and prospects of its construction / М. В. Ростовцева, А. А. Машанов, В. И. Кудашов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. - 2015. - № 1. - С. 170-174.
214. Ростовцева М. В. Адаптивность как отношение личности и общества : социально-философский аспект : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Ростовцева Марина Викторовна; [Место защиты: Сиб. федер. ун-т].- Красноярск, 2010.- 171 с.
215. Ростовцева М. В. Социальная дезадаптация личности как объект философского анализа / М. В. Ростовцева, А. А. Машанов, З. В. Хохрина // Фундаментальные исследования. - 2014. - № 9-12. - С. 2806-2812.
216. Ростовцева М. В. Социально-философские проблемы социализации личности в условиях информатизации современного общества / М. В. Ростовцева,

- А. А. Машанов, З. В. Хохрина // *Фундаментальные исследования*. - 2013. - № 6-5. - С. 1282-1286.
217. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание: о месте психологического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С. Л. Рубинштейн. – М.: Мысль, 1957. – 328 с.
218. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – 304 с.
219. Рубчевский, К. В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация / К. В. Рубчевский // *Общественные науки и современность / Методология*. – 2003. – № 3. – С.17-23.
220. Руткевич, М. Социальный конфликт: философское измерение / М. Руткевич // *Вестник РАН*. – 1994. – Т.64. – № 6. – С.479-490.
221. Савельев, В. Г. Гипотеза об адаптационно-деятельностном социуме и социально-поколенческих ритмах и циклах развития государств как сложных адаптационно-деятельностных систем: [Электронный ресурс] / В. Г. Савельев. - Режим доступа: [<http://www.sociology.vg-saveliev.ru/Theory.html> март 2002] (дата обращения 10.12.2014 г.)
222. Северова, Л. А. Ценностно-смысловой компонент формирования готовности к профессиональной адаптации менеджера социально культурной деятельности / Л. А. Северова // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. - 2012.- Выпуск № 2 (46) - С. 153-156.
223. Селье, Г. Очерки об адаптационном синдроме / Г. Селье. - М., 1960. – 419 с.
224. Серых А. Б. Эмоциональная дезадаптация и психосоматическое здоровье юношей и девушек / А. Б. Серых, Ю. Е. Морозов и др. // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. - Серия: Филология, педагогика, психология. - 2011. - № 4. - С. 60-68
225. Сидоренко, Н. И. Социальные нормы и регуляция человеческой деятельности: диссер...докт. филос.наук: 09.00.11 / Сидоренко Николай Иванович. – М.,1997. – 435 с.

226. Смолянинова, О. Г. Технология электронного портфолио в образовании, Российский и зарубежный опыт: монография / О. Г. Смолянинова. - 2012. – 342 с.
227. Соколова, И. В. О структуре социологических проблем информатизации общества / И. В. Соколова // Социальная политика и социология. - 2003. - №4. - С. 231-233.
228. Солдатова, Г. У. Психодиагностика толерантности личности: [Электронный ресурс] / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова и др. - Режим доступа: [<http://www.twirpx.com/file/388172/>] (дата обращения 07.08.2015)
229. Сорокина, М. В. Менеджер в торговле [Электронный ресурс] / М. В. Сорокина. – Режим доступа [<http://gendocs.ru/v27683>] (дата обращения 11.03.2015)
230. Социологическое наследие Ф. Знанецкого и У. Томаса. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://studme.org/116404015993/sotsiologiya/sotsiologicheskoe_nasledie_znanetskogo_tomasa] (дата обращения 12.03.2016)
231. Стенограмма прямой линии с В. Путиным: [Электронный ресурс] - Режим доступа: [<http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796>] (дата обращения 22.05.2016)
232. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М.: Аспект - пресс, 2003. – 379 с.
233. Сурнина, Т. В. Особенности обеспечения социальной адаптации пожилых людей к статусу пенсионера / Т. В. Сурина / В сборнике: «Актуальные проблемы менеджмента и социальной политики в современной России»: Материалы межвузовской научно-практической конференции. - Московский социально-экономический институт / Под общей редакцией В. Ф Хозова. 2012. - С. 335-341
234. Сулова, Т. И. Проблема социализации молодежи / Т. И.Сулова // Социальная работа в России: образование и практика: сб. науч. тр.; под ред. проф. Н. А. Грика. – Томск: Томск. гос. ун-т систем упр. радиоэлектроники, 2009. – С.182-184.

235. Сутинцина, Л. А. Символы и жизненные стратегии / Л. А. Сутинцина, Л. А. Осьмук // Социально-гуманитарные исследования: Сб. Науч. тр. – Новосибирск, 2001. – С. 20-27.
236. Суфиева, М. В. Отношение к суициду философов разного времени. [Электронный ресурс] / М. В. Суфиева. - Режим доступа: [<http://www.palatab.net/page-id-31.html>] (дата обращения 01.02. 2016)
237. Ткачук, Т. Малолетние преступники: интервью с профессором Сергеем Ениколоповым, заведующим отделом клинической психологии Центра психического здоровья Российской Академии медицинских наук, и Ольгой Широковой, психологом, психотерапевтом). [Электронный ресурс].- Режим доступа: [<http://www.svoboda.org/content/transcript/270169.html>] (дата обращения 09.02.2016 г.)
238. Толерантность: теория, парадигма, концепция, культура / под ред. В. И. Соловейникова.— М.: Арт-пресс. — 2005. — 556с.
239. Топилина, Е. С. Особенности социализации молодого поколения в современной России / Е. С.Топилина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – №3 – С. 14-18.
240. Трахтенберг, А. Д. Современные подходы к изучению социальной адаптации технологий и информационная революция / А. Д. Трахтенберг // Сибирский философский журнал. - 2012. - Т. 10. - №3. - С. 90-95.
241. Третьяков, П. И. Адаптивное управление образовательными системами / П. И. Третьяков. – М.: Академия, 2003. – 368 с.
242. Трубецков, Д. И. Введение в теорию самоорганизации открытых систем / Д. И. Трубецков, Е. С. Мчедлова, Л. В. Красичников— 2-е изд. — М.: Физматлит, 2005. — 212 с.
243. Тугаринов, В. П. О категориях предмета, свойства и отношения / В.П. Тугаринов // Вестник ЛГУ. – 1956. – вып.3. – № 17. – С.24-28.
244. Тугаринов, В. П. Личность и общество / В. П. Тугаринов, М.: Мысль – 1965. – 188 с.

245. Удачина, Е. Г. Взаимосвязь полезависимости и индивидуально-личностных характеристик в процессе социальной адаптации / Е. Г. Удачина, С. В. Квасовец, О. П. Стерлигова / Отв. Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – с.313-326.
246. Умов, Н. А. Избранные сочинения: [Электронный ресурс] / Н. А. Умов
Режим доступа: [<https://www.livelib.ru/book/1001483739>] (дата обращения 01.03.2014)
247. Уотсон, Дж. Советская энциклопедия / Дж. Уотсон — М.: 3-е изд, 1969.
248. Урманцев, Ю. А. Природа адаптации (системная экспликация) / Ю. А. Урманцев //«Вопросы философии». – 1998. – № 12. – С.21-36.
249. Устав ООН ст.22
250. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. — СПб.: Питер, 2002. — С. 342.
251. Фатеева, Н. М. Адаптация студентов к экзаменационному стрессу / Н. М. Фатеева // Символ науки. - 2016. - №1-3 (13). - С. 32-35.
252. Фёдоров, Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров. — М.: Мысль, 1982.— 709 с.
253. Феоктистов, В. Ф. Модель личности в традиционной китайской философии: дискуссия в западной синологии / В. Ф. Феоктистов // Восток-Россия-Запад: Исторические и культурологические исследования. - М., 2001. - С.413-421.
254. Философия культуры. Становление и развитие / под ред. Олексенко, С. Шапиро. - СПб.: Издательство «Лань», 1998. – 763 с.
255. Философские проблемы теории адаптации / Под ред. Г.И. Царегородцева. – М.: Мысль, 1975. – 190 с.
256. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. - 4-е изд.-М.: Политиздат, 1981. - 445 с.
257. Фихте, И. Г.. Сочинения в 2-х томах / И. Г. Фихте. — СПб.: Мифрил, 1993. — 1485 с.

258. Фотиев, Н. В. Информатизация общества и проблемы образования / Н. В. Фотиев // Информация и образование: границы коммуникаций. - 2010. - №2 (10). - С. 24-25.
259. Фоули, Р. Еще один неповторимый вид: экологические аспекты эволюции человека / Р. Фоули. – М.: Мир, 1990. – 367 с.
260. Франк, С. Л. Смысл жизни: [Электронный ресурс] / С. Л. Франк. - Режим доступа: [http://lib.ru/HRISTIAN/FRANK_S_L/smysl.txt] (дата обращения 11.04.2016)
261. Франкл, В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере / В. Франкл. - Москва: Смысл, 2004. — 176 с.
262. Фрейд, А. Психология «я» и защитные механизмы / А. Фрейд. - М., 1993. – 893 с.
263. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд – М.: Наука, 1989. – 456 с.
264. Фрейд З. Скорбь и меланхолия: [Электронный ресурс] / Перевод с немецкого и комментарии Виктора Мазина. - Режим доступа [<http://www.psyoffice.ru/1677-frejjd-zigmund.-skorb-i-melankholija.html>] (дата обращения 19.02.2016 г.)
265. Фреш, А. С. Системный подход к исследованию социальной структуры общества / А. С.Фреш // Методологические проблемы общественных наук. – М.: Наука, 1979. – 472 с.
266. Фромм, Э. Искусство любить: исследование природы любви / Э. Фромм / пер с англ. М.: Педагогика, 1990. - 160 с.
267. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм / Пер. с англ. Э. Телятниковой.— М.: АСТ; АСТ Москва, 2009.— С. 138—139.
268. Фромм, Э. Бегство от свободы: / Э. Фромм; пер с англ.; общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
269. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер / Пер. с нем. и предисл. Г. Тевзадзе — Тбилиси, 1989. – 743 с.

270. Хайдеггер, М. Кант и проблемы метафизики: [Электронный ресурс]. / М. Хайдеггер. - Режим доступа: [<http://www.kuchaknig.ru/avtor/haydegger-m/kniga-kant-i-problema-metafiziki-37014/>] (дата обращения 12.04.2016 г.)
271. Харитонова, Е. В. Проблема профессионально-личностной не востребоваемости в условиях современного российского предпринимательства / Е. В. Харитонова / Отв. Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – с. 234-249.
272. Хартманн, Х. Эго-психология и проблемы адаптации личности / Х. Хартманн / Пер. В. Старовойтова. - М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. – 160 с.
273. Хокинг, С. Краткая история времени: от Большого взрыва до чёрных дыр / С. Хокинг / Пер. с англ. Н. Я. Смородинской. — СПб.: «Амфора», 2001. — 268 с.
274. Хорин, И. С. Глобализация общественной жизни: история и современность / И. С. Хорин // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 2. — С. 118-125.
275. Хохрина З. В., Машанов А. А., Ростовцева М. В. Диалектика стратегий социальной адаптации личности / З. В. Хохрина, А. А. Машанов, М. В. Ростовцева // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 2-2. - С. 583.
276. Циолковский, К. Э. Космическая философия / К. Э. Циолковский // Грезы о земле и небе. – СПб., 1995. – 219 с.
277. Цыбуленко, О. П. Мирозрение как составляющая часть социальной зрелости личности / О. П. Цыбуленко // European Social Science Journal. - 2014. - № 10-2. - С. 526-532.
278. Чаадаев, П. Я. Философические письма: Полное собрание сочинений и избранные письма / П. Я. Чаадаев. - Том 1.- М.: Наука, 1991. – 496 с..
279. Чернышова, О. Н. Адаптация человека к профессиональной предметной среде Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / О. Н. Чернышова / Отв. Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – с. 458-481

280. Чхартишвили, Г. Предисловие Часть первая. Человек и самоубийство
Раздел I. История вопроса Человек становится человеком: [Электронный ресурс]
/ Г. Чхартишвили. - Режим доступа: [<http://kaz2.docdat.com/docs/index-160521.html?page=9>] (дата обращения 17.11.2015 г.)
281. Шамова, Т. И. Управление адаптивной школой. Проблемы и перспективы /
Т. И. Шамова, Т. М. Давыденко, Н. А. Рогачева и др. – Архангельск:
Просвещение, 1995. – 348 с.
282. Шарафутдинова, К. Э. Определение копинг стратегий разными методами /
К. Э. Шарафутдинова // Современные научные исследования и инновации. - 2015.
-№12 (56). - С. 1312-1314.
283. Шекспир У. Антоний и Клеопатра: [Электронный ресурс]. - Режим
доступа: [http://thelib.ru/books/shekspir_uilyam/antoniuy_i_kleopatira-read.html] (дата
обращения 11.09.2014 г.)
284. Шиловская Н. С. Гуманизм, экзистенция и социальное: [Электронный
ресурс] / Н. С. Шиловская. - Режим доступа:
[http://www.docme.ru/doc/346669/shilovskaya-n.-s.-gumanizm--e-kzistenciya-i-social._poe] (дата обращения 03.08.2015 г.)
285. Шпак, Л. Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни / Л.
Л. Шпак // Социологические исследования. - 2011. - №3. - С. 50-55
286. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой культуры / О.
Шпенглер. - М.: Просвещение, 1993. – 795 с.
287. Южанин, М. А. О Социокультурной адаптации в иноэтнической среде:
концептуальные подходы к анализу / М. А. Южанин // Социологические
исследования. - 2007. - №5. - С. 70-77.
288. Южанин, М. А. Социокультурная адаптация в межэтнических
взаимодействиях / М. А. Южанин // Материалы международной конференции
«Ломоносов 2004»; Сб. статей студентов в 3-х т. – М., 2004. – т.1. – С.24-39.
289. Юм, Д.. Исследование о человеческом разумении / Д. Юм. - М.: "Прогресс",
1995. – 312 с.

290. Юм, Д. О самоубийстве: [Электронный ресурс] / Д. Юм. - Режим доступа: [http://thelema.su/hume-o-samoubijstve/] (дата обращения 28.09.2016 г.)
291. Яблоков, А. В. Эволюционное учение / А. В. Яблоков, А. Г. Юсупов. – М.: Высшая школа, 1989. – 335 с.
292. Adger, W.N. Social capital, collective action and adaptation to climate change // *Economic Geography*, 2003. - Т. 79. - № 4. - С. 387-404.
293. Ahmed, S.A. Social adaptation of the minority group in South Asia // *Psychological Reports*. 1988. Т. 62. С. 174.
294. Astrom K. J. and Wittenmark B., *Adaptive Control*. - Addison-Wesley, 2011 – p. 154-178.
295. Bannister, Robert C. *Social Darwinism: Science and Myth in Anglo-American Social Thought* / R.C. Bannister. – Philadelphia: Temple University Press, ISBN 0-87722-566-4.
296. Brundel B.J. Adaptations processes in human atrial fibrillation / B.J. Brundel, I.C.V. Gelder, H.J. Crijns, R.H. Henning // *Cardiac Electrophysiology Review*, 2011. - Т. 5. - № 2-3. - С. 268-270.
297. Dr. Maslow Abraham Founder Of Humanistic Psychology, Dies, - *New York Times*. - June 10, 1970.
298. Campbell, R. The study of language acquisition / R. Campbell, R.Wales // *New Horizons in Linguistics*. – Harmondsworth. – 1989. – P. 16—18.
299. Dobrat, M.C. The self-transacting dying patterns of social-psychological adaptation in home hospice patients / [Dobrat, M.C.](#). - *Omega* (Farmingdale, N.Y.), 2002. - Т. 46. - № 2. - С. 151-167.
300. Ilkka, H.M. Social factor and suicide: comparing the regional concomitants of eastern European suicide mortality over the 20TH century / H.M. Ilkka, // *Суицидология*.- 2015. - Т.6. - №2. - С. 3-18.
301. French, Sh. Innovation and social learning: institutional adaptation in an era of technological change / Sh. French // *Journal of Economic Geography*, 2004. - Т. 4. - № 2. - С. 219.

302. Juan, J.D. Sensory adaptation as Kalman Filtering: theory and illustration with contrast adaptation / Juan, J.D. . - Network: Computation in Neural Systems. 2003. - T. 14. - № 3. - C. 465-482.
303. Kaiser, T. Cardiovascular adaptations with obesity / T. Kaiser, H. Schunkert, 2001. - T. 26. - № 3. - C. 194-201.
304. Skinner, B. Recent issues in the analysis of behavior / B. Skinner.- Columbus, OH: Merrill. 1989.
305. Ladah, B. L. Life on the edge: stress survival adaptations in southern limit macrocytic prefers populations B. L. Ladah // Journal of Phycology, 2000. - T. 36. - №S3. - C. 40-41.
306. Linton, R. The Cultural Background of Personality / R. Linton. – N. Y., 1995. – 250 p.
307. Mandler, G. The Appearance of Free Will. In S. C. Brown (Ed.) / G. Mandler, W.Kessen // Philosophy of Psychology. – London: Macmillan, 1984. – p. 35-42.
308. Marger, M.N. Social and human capital in immigrant adaptation: the case of Canadian business immigrants / M.N. Marger, // Journal of Socio - Economics. 2001. - T. 30. - № 2. - C. 169.
309. Mashanov A. A. Methodological Research Vectors Of Personality Social Adaptation / Mashanov A. A., Rostovtseva M .V. // Life Science Journal , 2014.- № 11 (12)
310. Mashanov A. A. Activity Nature Of Social Adaptation Of Personality / A. A. Mashanov, M .V. Rostovtseva, I.A. Kovalevitch, O.V. Shaydurova // Researcher 2015;7(2), C. 50-59.
311. Mead, M. Ruth Benedict / M. Mead, — New York: Columbia University Press, 1974.
312. Morodenko, E.V. Social-psychological adaptation and des_ adaptation in process socialization of the person / E.V.Morodenko // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 108-111.

313. Nelson, J.S. Student preferences for adaptations in classroom testing / J.S. Nelson
// Remedial & Special Education. 2015. - T. 21. - № 1. - C. 41-52.
314. Pingault, J.-B., Tremblay R.E., Vitaro F., Japel C., Boivin M., Côté S.M. Early
nonparent care and social behavior in elementary school: support for a social group
adaptation hypothesis / J.-B. Pingault, , R.E. Tremblay, F. Vitaro, C. Japel, M. Boivin
// Child Development, 2015. - T. 86. - № 5. - C. 1469-1488.
315. Rogers, Carl R. Psychotherapy and Personality Change: Coordinated Research
Studies in the Client-Centered Approach / Rogers, Carl R., Dymond Rosalind F . -
Chicago: University of Chicago Press, 1994.